

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 3
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2025. Том 13, № 3

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3

EDN: IRROJH

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория K1, белый список, уровень 1,
индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:
<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Acting Director of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю: представление номера	7
--	---

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

<i>Зборовский Г. Е.</i> О методологии исследования общностной и поколенческой структуры вуза	10
<i>Шарыпова С. Ю., Шляпина А. С.</i> Личная безопасность молодёжи в городе-миллионнике: анализ поведенческих моделей	35

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

<i>Темницкий А. Л.</i> Формирование индивидуального оптимизма работающего населения России во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками	53
<i>Воронина Н. С., Кожарин В. Л.</i> Нереализованная географическая мобильность в жизненном пути россиян: мотивы, барьеры, последствия	77
<i>Григорьева К. С.</i> Сокращение доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию: вероятные последствия для политики интеграции	96

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

<i>Гурко Т. А.</i> Динамика показателей развития института брака	115
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Подлесная М. А.</i> Герой будущей России: выбор современников – прогрессор, демиург или сверхчеловек?	132
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бессокирная Г. П., Татарова Г. Г.</i> Социальные типы российских работников: к теории и практике изучения	156
<i>Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Вахненко Е. В.</i> Мера косинусного сходства для обработки неоконченных предложений (на примере изучения образа патриота).	178

CONTENT

To the reader: presentation of the issue	7
--	---

SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS

<i>Zborovsky G. E.</i> On the methodology of the community and generational university structure research	10
<i>Sharypova S. Yu., Shlyapina A. S.</i> Personal safety of young people in a million-plus city: analysis of behavioral patterns.	35

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

<i>Temnitskiy A. L.</i> Formation of individual optimism in working population of Russia in connection with traditional and innovative attitudes	53
<i>Voronina N. S. Kozharin V. L.</i> Unrealized geographic mobility in the life path of Russians: motives, obstacles consequences	77
<i>Grigor'eva K. S.</i> Reducing the access of foreign children to Russian schooling: likely consequences for integration policy.	96

SOCIOLOGY OF THE FAMILY

<i>Gurko T. A.</i> Dynamics of marriage development indicators	115
---	-----

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Podlesnaia M. A.</i> Hero of the future of Russia: the choice of contemporaries – Progressor, Demiurg or Superman?	132
---	-----

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

<i>Bessokirnaya G. P., Tatarova G. G.</i> Social types of Russian workers: on theory and practice of study	156
<i>Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Vakhnenko E. V.</i> Cosine similarity measure to process the unfinished sentences (using the example of studying the image of a patriot)	178

К ЧИТАТЕЛЮ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемый читатель!

Рубрика «**СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП**» представлена двумя статьями. **Гарольд Ефимович Зборовский** анализирует динамику и актуальные для современного этапа развития отечественного высшего образования проблемы методологии исследования социальной структуры вуза. Логика статьи предполагает постановку исследовательских вопросов, характеристику видов социальной структуры, трактовку общностной и поколенческой структур, далее – их взаимодействия. При этом особое внимание обращается на противоречия в межобщностных и межпоколенческих отношениях представителей разных вузовских общностей.

Актуальность исследования, представленного в статье **Софьи Юрьевны Шарыповой** и **Анастасии Сергеевны Шляпиной**, обусловлена социальным запросом на анализ поведенческих предпочтений молодёжи в сфере личной безопасности в городах-миллионниках для обоснования целесообразности включения этого аспекта в государственные программы. На основе факторного анализа выявлены восемь поведенческих моделей обеспечения личной безопасности, которые типологизированы в три группы. Полученные результаты позволяют обосновать необходимость учёта ряда специфических демографических характеристик, дифференцирующих социальную группу молодёжи, иллюзорных установок относительно личной безопасности, принятых в молодёжной среде, способов интеграции социального капитала в механизмы защиты.

Рубрика «**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА**» представлена тремя статьями. **Александр Лазаревич Темницкий** анализирует особенности процесса формирования индивидуального оптимизма работающего населения России во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками. Результаты исследования позволяют с высокой долей вероятности говорить о конструктивной роли традиционных установок работающего населения России в процессе формирования оптимизма при условии, что они будут дополняться признаками самодостаточности. Работники, названные автором самодостаточными традиционалистами, ничем не уступают по показателям экономического оптимизма самодостаточным инноваторам и явно опережают их по показателям эмоционального и гражданского оптимизма по данным исследования 2023 года.

Наталья Сергеевна Воронина и **Вячеслав Леонидович Кожарин** исследуют мотивы, барьеры и последствия процесса нереализованной географической мобильности в жизненном пути россиян. Авторы отмечают, что современные исследования демонстрируют, что желание осуществления географической

мобильности есть у каждого четвертого россиянина 18 лет и старше, но каковы мотивы, барьеры её реализации и последствия данного решения для жизни – нереализации географической мобильности, остаётся малоизученным. Исследование, результаты которого представлены читателю, показало, что нереализованная географическая мобильность связана с качеством жизни. Основными барьерами переезда для группы не реализовавших планы на переезд выступают недостаток материальных средств и семейные обязанности, психологические причины (нерешительность). Установлено, что нереализованная географическая мобильность связана с негативными последствиями для жизненного пути: нисходящей межпоколенческой профессиональной мобильностью, отсутствием реализации в жизни, низкой самооценкой социального статуса и отсутствием удовлетворённости жизнью.

В статье **Ксении Сергеевны Григорьевой** «Сокращение доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию: вероятные последствия для политики интеграции» исследуются показатели степени интеграции детей иностранных граждан, их доступа к российскому школьному образованию до и после 2025 года. Рассматриваются возможные последствия частичной или полной отмены права таких детей на бесплатное школьное образование в России для них самих, локальных принимающих социумов и страны назначения в целом.

Представлено обоснование того, что закрытие или ограничение доступа детей-иностранцев к российскому образованию не сможет решить проблему поступления в общеобразовательные учреждения учащихся, недостаточно владеющих русским языком. Для эффективного решения этой проблемы требуется комплекс мер, направленный на расширение доступа детей мигрантов к дошкольному образованию, курсам социокультурной и языковой адаптации, повышение квалификации работающих с ними педагогов.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ»** представлена статья **Татьяны Александровны Гурко** «Динамика показателей развития института брака». В качестве теоретической основы автор принимает утверждение о различии между эволюционными и трансформационными изменениями социальных институтов. На основе изучения и анализа материалов госстатистики и данных мониторинговых социологических исследований за период 2011–2023 гг. автор обосновывает наличие тенденции увеличения добрых сожительства и анализирует специфические показатели процесса в связи с перспективами института брака.

Рубрика **«СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ»** представлена статьёй **Марии Александровны Подлесной** «Герой будущей России: выбор современников – прогрессор, демиург или сверхчеловек?». На материалах опроса группы респондентов, читающих (с разной регулярностью) фантастику, автор анализирует такой аспект многоцелевого исследования, как выбираемые герои фантастической литературы, близкие опрошенным и необходимые, по их мнению, современной России. В этом смысле фантастическая литература рассматривается как сплав воображаемого и реального, позволяющий выявлять глубинные, зачастую неосознанные, опривыченные и поэтому непроговариваемые смыслы.

Исследование многометодное, с использованием количественной и качественной методологий: был задействован массовый онлайн-опрос и метод глубокого погружения в среду – включённое наблюдение. Результаты выявили, что близкими целевой аудитории фанатов фантастики являются герои, описанные в современной фантастической литературе писателями-современниками, со всеми особенностями их характера, а героями, необходимыми России, по оценке респондентов, являются те, кто представлен в фантастике советского прошлого. При этом есть потребность в герое-прогрессоре, который не лишён этических принципов, но действует и преобразует реальность осторожно, не идя на риск, зачастую не выдерживая натиска «несовершенной» среды и невольно изменяя своим принципам.

Рубрика **«МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»** представлена двумя статьями. **Галина Петровна Бессокирная** и **Галина Галеевна Татарова** фокусом своего исследования выбрали актуализацию теоретико-методических проблем проведения типологического анализа российских работников. Авторы вводят основание для сравнения исследовательских практик типологического анализа, в которых реализуются различные модели, выделяют ядро и периферию в структуре совокупности практик. Авторы установили, что различное содержание и логика формирования понятий, которые являются «мостиком» для перехода от теоретических построений к эмпирическим конструкциям детерминируют существование разного рода исследовательских практик, позволяя обобщить теоретико-методические проблемы реализации типологических моделей и выделить наиболее перспективные направления развития исследований в сфере труда.

Антонина Николаевна Пинчук, Дмитрий Андреевич Тихомиров и **Егор Васильевич Вахненко** отмечают, что в условиях интенсивного развития науки об обработке естественного языка возникает вопрос об интеграции инновационных технологий в рабочие процессы практических социологов. Авторы демонстрируют возможности и ограничения использования меры косинусного сходства для анализа текстовых данных, полученных методом неоконченных предложений. Результаты показали, что данная метрика может выступать полезным инструментом в первичном поиске близких по содержательному контенту утверждений. В случае сомнений и необходимости проверки выводов или решения проблемы согласованности коллективного кодирования использование меры семантической близости может выступить в качестве значимого дополнительного количественного показателя для определения тематической направленности высказывания каждого из респондентов. Особо отмечен авторами запрос профессионального социологического сообщества на учёт в системе подготовки специалистов социально-гуманитарного профиля направления оптимальной интеграции технологических достижений в области обработки естественного языка в аналитические практики социальных учёных и исследователей.

УДК 316.351

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.1

EDN: DCBJED

Научная статья

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩНОСТНОЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВУЗА

Гарольд Ефимович Зборовский

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург, Россия,

garoldzborovsky@gmail.com,

ORCID 0000-0001-8153-0561

Для цитирования: Зборовский Г. Е. О методологии исследования общностной и поколенческой структуры вуза // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 10–34. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.1. EDN DCBJED.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические вопросы исследования социальной структуры вуза, представляющие интерес и являющиеся актуальными для современного этапа развития отечественного высшего образования. Выделяются два комплекса университетских проблем, требующих рассмотрения на уровне методологии. В рамках первого обращается внимание на понятийный аппарат, дифференциацию структуры, различные её элементы, подсистемы, противоречия. Второй комплекс включает в себя рассмотрение различных методологических подходов, необходимых для характеристики социальной структуры вуза, прежде всего общностного и поколенческого. Характеризуются положения теории социальной общности Ф. Тённиса и взгляды К. Мангейма как основоположника теории поколений в контексте применения общностного и поколенческого подходов для рассмотрения социальной структуры вуза. Целью статьи является анализ методологических проблем социологического исследования социальной структуры вуза порознь и в их взаимодействии. Логика статьи предполагает постановку исследовательских вопросов, характеристику видов социальной структуры, трактовку общностной и поколенческой структур, далее – их взаимодействия. При этом особое внимание обращается на противоречия в межобщностных и межпоколенческих отношениях представителей разных вузовских общностей. Утверждается, что они неизбежны и что в процессах их возникновения и преодоления происходит наложение одних отношений и противоречий на другие: поколенческих общностей на образовательные и наоборот, младших поколений на средние и старшие и наоборот, одних образовательных общностей – научно-педагогических работников – на другие – студентов и административно-управленческих работников и наоборот. Обращается внимание на роль управленческих структур вузов в регулировании образовательных и поколенческих взаимодействий. Задача социологов в возникающих ситуациях определяется необходимостью их отслеживать и исследовать, а также искать способы решения появляющихся проблем.

Ключевые слова: социальная структура вуза, методология исследования, общностная структура, поколенческая структура, образовательные общности, студенчество,

© Зборовский Г. Е., 2025

научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, младшее, среднее, старшее поколения, взаимодействие общностной и поколенческой структур, противоречия межобщностных и межпоколенческих отношений

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206> «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI века: от кризиса к консенсусу».

Введение. Постановка проблемы

Социологический анализ социальной структуры вуза и стоящих за ним реальных проблем университетской жизни является редким гостем на страницах научных журналов и монографий. Исключение составляют те из них, которые напрямую связаны с социологией высшего образования. Помимо ведущего социологического журнала страны «Социологические исследования», это «Высшее образование в России», «Проблемы образования», «Интеграция образования» и те периодические издания, которые время от времени публикуют результаты отдельных социологических исследований высшей школы. Последние также находят отражение в сборниках научных трудов, публикации в которых, как правило, особой регулярностью (и часто глубиной анализа) не отличаются. Поэтому понятно, что сами вузы, процессы, характеризующие изменения в их социальной структуре, трактовка их последствий и влияний требуют значительно более фундаментальных исследований, чем имеющие в последние годы место.

В предлагаемой статье предпринимается попытка методологического рассмотрения социальной структуры вуза и сложных университетских проблем, с ней связанных. К числу методологических отнесём в первую очередь два комплекса университетских проблем. Первый включает понятие социальной структуры вуза, её дифференциацию и внутреннее строение, диспозицию различных элементов, систем и подсистем, противоречия между ними, зачастую тормозящие работу всей образовательной организации. Второй комплекс проблем связан с использованием ряда методологических подходов, в первую очередь общностного и поколенческого. Цель данной статьи – анализ ряда методологических проблем изучения социальной структуры вуза из числа названных в обоих комплексах, главной среди которых являются её общностная и поколенческая разновидности и их взаимодействия.

В связи с этим для нас имело значение в методологическом и историко-социологическом плане обращение к истокам общностного и поколенческого подходов к названным проблемам социальной структуры. В таком качестве мы определяем для себя две наиболее фундаментальные работы в истории социологии по обозначенной выше проблематике, одна из которых посвящена теории социальной общности (Ф. Тённис) [1], а другая – теории поколений (К. Мангейм) [2]. В каждой из них раскрыты базовые понятия, структурные

элементы и функции обеих разновидностей социальной структуры, показаны возможности их трактовки. Более того, К. Мангейм в работе «Проблема поколения» (1928), рассматривая поколение как возрастную когорту, допустил вероятность использования разработанного ранее общностного подхода к его характеристике. Однако ни у одного из названных классиков социологии и их последователей в XX–XXI вв. не было замечено стремления рассматривать проблемы социальной структуры в университетах в контексте общностной и поколенческой тематики.

Когда Э. Гидденс в конце прошлого столетия (1984 г.) публиковал свою теорию структуризации (о ней сегодня, к сожалению, редко вспоминают), он подчёркивал среди других две главных особенности этой теории: а) протяжённость структуры во времени (отсюда понимание структуризации как процесса); б) взаимосвязь структуры и действия (выраженная в тезисе «структура действительна, действие структурировано») [3]. В упоминаемой теории её «нервом» как раз является взаимосвязь социальных структур (к ним социолог относил правила и ресурсы) и деятельности людей. Этот методологический подход выступает важным инструментом нашего последующего рассмотрения проблем социальной структуры вуза, её общностной и поколенческой разновидностей.

Современный российский вуз представляет собой сложную систему, включающую целый ряд сфер и структур – образовательную, научную, производственную, экономическую, культурную и другие. Одной из основных среди них является социальная структура, которая в статье рассматривается в качестве объекта исследования. Но прежде, чем её характеризовать, дадим определение базового для социологии понятия – социальной структуры в целом, которая выступает и как особый феномен, и как предмет социологического исследования. При этом отметим, что мы не ставим задачи специального рассмотрения данного понятия. Его общая характеристика необходима нам лишь для того, чтобы перейти от неё к трактовке одного из элементов социальной структуры общества – социальной структуры вуза.

Под социальной структурой в самом общем виде будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества и его различных сторон, систем и подсистем. Она включает в себя социальные институты, социальные организации, социальные общности, социальные классы, группы, слои, поколения и т. д. Её главной особенностью являются действия и взаимодействия людей в названных и иных подструктурах и элементах. Исходя из общего понимания социальной структуры, под социальной структурой вуза будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих его внутреннее строение, а также диспозицию различных сторон, систем и подсистем образовательной организации.

С позиций социологического подхода вуз рассматривается нами в качестве элемента систем общества, образования, высшего образования. Поскольку ближайшая к вузу система, в которую он включён непосредственно, – высшее образование, отметим, что социологическое исследование вуза в этой системе

предполагает, как минимум, наличие двух его уровней – во-первых, институционального и системного, во-вторых, организационного и структурного. Первый уровень означает анализ вуза в рамках высшего образования как социального института и системы (подсистемы) образования, второй уровень соотносится с рассмотрением вуза как организации и структуры в системе высшего образования. В статье обращается внимание в основном на второй уровень анализа.

Выбор уровня рассмотрения вуза зависит от цели, объекта и предмета, характера, ожидаемых результатов исследования. В качестве цели отметим анализ малоисследованных видов вузовской социальной структуры – как автономных, так и взаимосвязанных и взаимодействующих. В качестве объекта будем рассматривать две разновидности социальной структуры вуза – общностную и поколенческую. Предметом исследования станут их взаимодействия и возникающие в них противоречия, дисбалансы, конфликты, которые характеризуют, с одной стороны, межпоколенческие и межобщностные отношения, с другой – внутрипоколенческие и внутриобщностные связи. Говоря о характере исследования, отметим, что нас интересуют проблемы и противоречия социальной структуры вуза в её современном состоянии и возможные перемены в ней. Именно с ними мы связываем ожидаемые изменения, которые произойдут (могут произойти) в социальной структуре вуза в исторически обозримом будущем.

Виды социальной структуры вуза

Общностная структура. Обратимся к видам социальной структуры в вузе, от выбора которых зависело определение конкретного объекта и предмета исследования. Вначале перечислим виды социальной структуры. Это: демографическая (включая возрастную, гендерную, расовую), классовая, стратификационная, общностная, поколенческая, образовательная, должностная, квалификационная, научная, педагогическая, организационная, управленческая и некоторые другие виды.

Являются ли названные структуры предметом управленческого внимания? Необходимо ли на них как-то влиять с учётом университетских интересов? Отвечая на эти вопросы, можно сказать: да, некоторые из названных структур являются предметом управленческого регулирования. К числу этих структур будем относить должностную, квалификационную, общностную, поколенческую, организационную, образовательную, научную, педагогическую. Но не все из названных выше попадают в перечень управляемых. Так, демографическая структура в вузе вряд ли может быть управляемой сверху, хотя университетскому управлению скорее всего хотелось бы выполнять властные функции в этом направлении вузовской жизни, к примеру – привлекать «хорошую» молодёжь в вузы.

Какие вузовские структуры непосредственно и наиболее активно влияют на социальную структуру университета? Очевидно, те, где активно заявляет о себе их авангард, способный воздействовать на ту или иную общность,

то или иное поколение, те или иные социальные группы. Нас интересуют виды вузовских социальных структур, от которых в значительной степени зависит реализация миссий университета и целей его деятельности. Одна из причин выбора объекта и предмета исследования, как отмечалось выше, определялась недостаточным исследованием поставленной проблемы.

Социальная структура современного университета формируется и поддерживается в процессе взаимодействия вузовских общностей – образовательных (студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников) и внеобразовательных (учебно-вспомогательного, инженерно-технического, административно-хозяйственного, производственного, обслуживающего персонала). Динамика трансформации социальной структуры вуза во многом определяется изменениями связей и отношений между названными, в первую очередь образовательными, общностями. Существенную роль играет и представленность поколений в образовательных общностях. Но прежде, чем рассматривать общностную и поколенческую структуры вуза и их взаимодействие, сформулируем несколько положений относительно научной новизны выдвигаемых позиций.

1. Впервые предлагается выделить в социальной структуре вуза двух её разновидностей – общностной и поколенческой, рассмотренных как порознь, так и во взаимодействии. Дается краткая характеристика каждой из них и показывается их роль в развитии вуза. В научном исследовании, в плане его методологии, оказываются интегрированными два направления изучения социальной структуры университета – общностное и поколенческое.

2. В статье реализуется новый подход к оценке и использованию роли поколений, их самореализации в деятельности вузовских образовательных общностей для осуществления стратегии развития университетов. Этот подход предлагается принять как значимый для выработки управленческих решений по всем основным направлениям деятельности в вузе с целью выявления и преодоления противоречий, дисбалансов, конфликтов и кризисных тенденций в его развитии.

3. Предлагаемая в статье методологическая позиция направлена на исследование развития поколений образовательных общностей университетского сообщества и их взаимодействия как основания стратегических и оперативных управленческих решений целого «гнезда» проблем вузовских образовательных общностей – научно-педагогических и административно-управленческих работников, студенчества. Важнейшей задачей этих решений автор считает успешное взаимодействие молодого, среднего и старшего поколений каждой вузовской образовательной общности.

4. В плане методологии новизна исследования заключается в синтезе методологического арсенала различных отраслей социологического знания – социологии высшего образования, социологии управления, социологии науки, а также методологических принципов различных научных подходов, прежде всего – общностного и поколенческого. Такой методологический синтез обеспечивает системное видение и целостное понимание взаимодействия не только

поколенческих и общностных структур, но и отраслей социологического знания, направленного на их изучение.

Поскольку далее мы предпримем рассмотрение социальной структуры вуза, целесообразно начать с трактовки образовательных общностей. Они представляют две разновидности социальной структуры вуза. Одна из них – общностная, другая – образовательная. Это касается и студентов, и научно-педагогических, и административно-управленческих работников: они относятся одновременно к обеим общностям. Поэтому перед нами стоит задача определить и ту, и другую.

Вначале скажем об их родовой основе – социальной общности как таковой. Её специфику Ф. Тённис видел в отличии общности от общества. В самом начале своего главного труда «Общность и общество» (1887) он писал: «...общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь преходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт» [1, с. 11–12].

Социальная общность – это реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная совокупность (взаимосвязь) людей, объединённых по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Главными образующими социальные общности признаками являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ним (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определённых пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [4, с. 110; 5, с. 19–20].

Разновидностью социальной общности является образовательная общность. В соответствии с общностным подходом, образовательные общности представляют собой взаимосвязи людей, их групп и объединений, характеризующиеся доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими социальными общностями [6, с. 192].

В самом общем виде образовательная общность означает совокупность (объединение, взаимосвязь, взаимодействие) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы совместной деятельности как малых, так и больших вовлечённых в образование групп людей. Образовательные общности, в том числе и научно-педагогические работники (НПР), возникая прежде всего в повседневной жизни, формируются в самых разных сферах образовательной деятельности – в преподавании, связанных с ним научных исследованиях, совместной деятельности со студентами в ходе их учебного процесса и практик, воспитательной работе, досуге, управлении различными векторами вузовской жизни и др. [5, с. 66].

В качестве ведущих образовательных общностей в вузе выступают студенты и НПР. К этим общностям могут примыкать (быть тесно с ними связанными) научные работники (если такая категория занятых и профессиональная группа в вузе имеется), несомненно, административно-управленческие работники (АУР), точнее, какая-то их часть, которая принимает участие в образовательной и научной деятельности.

Основными принципами общностного подхода, которые следует применять к анализу образовательных общностей в вузе, являются:

- рассмотрение образовательных общностей студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников в качестве главных субъектов образовательной деятельности;
- структурирование, типология и классификация названных образовательных общностей;
- выявление особенностей взаимодействия в сфере высшего образования парных общностей: преподаватели – студенты, научно-педагогические – административно-управленческие работники, основные – дополнительные образовательные общности (административно-управленческая общность, родители);
- характеристика ресурсов (социальных, профессионально-квалификационных, научно-педагогических, демографических, экономических, финансовых, культурных, интеллектуальных, символических, темпоральных и др.) образовательных общностей;
- анализ связей и взаимодействий образовательных и иных социальных общностей (в сферах образования, семьи, производства, бизнеса, культуры, науки, управления и др.);
- трактовка указанных выше принципов в их динамике.

Ведущей образовательной общностью в вузе являются научно-педагогические работники, которые включены практически во все основные виды педагогической, научной, воспитательной, организационной и управленческой деятельности. Однако признание НПР ведущей социальной общностью среди образовательных общностей и в целом в университетском сообществе вовсе не свидетельствует об арьергардных позициях иных образовательных общностей. Во-первых, потому что сами по себе НПР не могут существовать, прежде всего без студентов. Эти общности взаимозависимы и взаимодействуют на основе так называемого парного подхода, который в системе образования является универсальным (воспитатели и дети, учителя и ученики, преподаватели вузов и организаций СПО и студенты этих учебных заведений). Во-вторых, такую же незаменимую в отношении НПР позицию занимают административно-управленческие работники, поскольку речь заходит о самых разных направлениях управленческой деятельности, вне которой образовательная организация, учебный и научный процессы не в состоянии функционировать.

Описывая столь простые вещи, не требующие дополнительной аргументации, мы тем не менее подчёркиваем особо значимую роль НПР, принимающих самое непосредственное участие в реализации всех трёх миссий университета

и выполняющих в этих процессах наиболее значимую роль, требующую высокого уровня научно-образовательной подготовки, профессионального мастерства, владения значительным объёмом символического капитала (в виде учёных степеней и научных знаний, государственных и иных наград). Все это даёт основание считать НПР «ядерной» образовательной общностью, т. е. выполняющей функцию ядра в социальной структуре вуза. С учётом ограничений объёма статьи мы рассмотрим только те данные, которые касаются одной образовательной общности – НПР и её статистических характеристик, и лишь сошлёмся на исследования студенчества и АУР [7–10].

Приведём количественные характеристики НПР за последние 25 лет. Вначале воспроизведём без детализации данные первого двадцатилетия – с 2000 до 2020 гг. Численный состав НПР, рассмотренный в динамике с начала XXI в., менялся в своём тренде на рубеже первого и второго, а затем третьего десятилетия (см. рис. 1). Причём в рамках первого периода (2001–2010 гг.) он нарастал, в рамках же второго периода – сокращался (как без внешних совместителей, так и с ними). Эта же тенденция сокращения наблюдается и при переходе к третьему периоду (2020-е гг.).

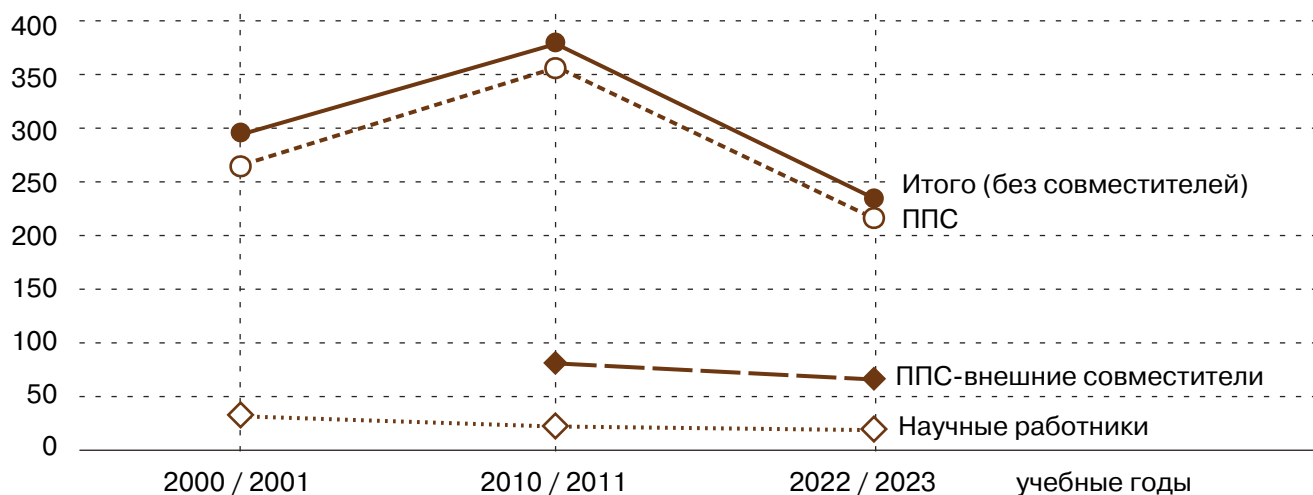

Рис. 1. Динамика численности НПР, тыс. чел. (на начало учебного года)

За период с 2000/2001 по 2010/2011 уч. г. наблюдалось увеличение НПР – с 296,3 тыс. [11, с. 28; 12, с. 152] до 378,4 тыс. (без внешних совместителей) [13, с. 204] и до 456,8 тыс. человек (с внешними совместителями) [13, с. 206]. Затем этот тренд сменился нисходящим, и в следующее десятилетие, к 2022/2023 уч. г., численность НПР снизилась до 232,5 тыс. (без внешних совместителей)¹

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.02.2025).

и до 298,2 тыс. человек (с внешними совместителями)¹. Нетрудно обнаружить, что численность НПР сократилась в 1,5 раза в сравнении с 2010/2011 уч. г., то есть университеты, по существу, вернулись к показателям «нулевых» годов.

Далее обратимся к более подробному анализу НПР, включающему, во-первых, ежегодные показатели этой общности с 2020 по 2024 г., во-вторых, данные по трём поколениям – молодому (до 34 лет), среднему (35–54), старшему (55+).

За 5 лет (с 2020 по 2024 г.) произошло сокращение профессорско-преподавательского состава (ППС) российских вузов на 6 054 человек (или на 3%) (см. табл. 1). Это произошло прежде всего за счёт сокращения доли ППС в возрасте 55 лет и старше (на 7,4%) при незначительном росте ППС в возрастных группах моложе 35 лет и в возрасте 35–54 года (доля ППС до 35 лет увеличилась на 0,9%, а в возрасте 35–54 года – на 0,1%).

Таблица 1

Распределение ППС² по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.³

Год	Возраст, лет			Итого
	до 34	35–54	55 и старше	
2020	29 929	104 561	86 393	220 883
2021	27 920	104 325	83 281	215 526
2022	27 886	103 933	81 008	212 827
2023	28 834	105 139	80 266	214 239
2024	30 206	104 665	79 959	214 830

Анализ возрастной структуры ППС показал доминирование группы в 35–54 года (около 50,0%) (см. табл. 2). Сокращение доли ППС в возрасте 55 лет и старше в общей структуре происходит за счёт примерно равного распределения (воспроизводства) по возрастным группам до 35 лет и в возрасте 35–54 года (увеличение в пределах 1%).

Таблица 2

Распределение ППС⁴ по возрасту с 2020 по 2024 г., %⁵

Год	Возраст, лет			Итого
	до 34	35–54	55 и старше	
2020	13,6	47,3	39,1	100,0
2021	13,0	48,4	38,6	100,0
2022	13,1	48,8	38,1	100,0
2023	13,5	49,0	37,5	100,0
2024	14,1	48,7	37,2	100,0

¹ Там же.

² Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

³ Форма № ВПО-1...

⁴ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

⁵ Форма № ВПО-1...

Вместе с тем анализ внутренней структуры каждой возрастной группы (поколения) позволяет увидеть некоторые тенденции (см. табл. 3–5).

Таблица 3

Распределение ППС до 34 лет¹ по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.²

Год	Возраст, лет			Итого
	моложе 25	25–29	30–34	
2020	968	9744	19 217	29 929
2021	1001	9058	17 861	27 920
2022	1596	9440	16 850	27 886
2023	2289	10 632	15 913	28 834
2024	3037	11 560	15 609	30 206

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать вывод, что относительная стабильность в общей структуре ППС до 34 лет за анализируемый период обеспечивается за счёт увеличения количества работников моложе 25 лет в 2024 году по сравнению с 2020 годом на 2 069 человек (или на 31,7%) и в возрасте 25–29 лет на 1 816 человек (или на 18,6%) при сокращении численности ППС в возрасте 30–34 лет за этот же период на 3 608 человек (или на 18,8%).

Сходные результаты можно видеть и во внутренней структуре возрастной группы 35–54 лет (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ППС в возрасте 35–54 года³ по возрасту с 2020 по 2024 г., чел.⁴

Год	Возраст, лет				Итого
	35–39	40–44	45–49	50–54	
2020	25 678	30 908	27 161	20 814	104 561
2021	24 581	30 213	28 398	21 133	104 325
2022	23 906	29 046	28 879	22 102	103 933
2023	22 990	28 001	30 373	23 775	105 139
2024	22 251	26 823	30 550	25 041	104 665

Доля ППС в возрасте 35–39 лет и 40–44 года в 2024 году по сравнению с 2020 годом сократилась на 3 427 и 4 085 человек соответственно (или на 13 и 13,2% соответственно), тогда как доля ППС в возрасте 45–49 и 50–54 лет увеличилась на 3 389 и 4 227 человек соответственно (или на 12,5 и 20,3% соответственно).

Говоря о сокращении доли работников старше 55 лет в общей структуре ППС, следует отметить более высокие темпы сокращения подгрупп 55–59 лет и 60–64 года, чем в возрасте 65 лет и старше (см. табл. 5). В период с 2020

¹ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

² Форма № ВПО-1...

³ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

⁴ Форма № ВПО-1...

по 2024 г. их число сократилось на 2 251 и 1 952 человек соответственно (или на 10,3 и 9,1% соответственно), тогда как доля ППС в возрасте 65 и старше сократилась лишь на 5,2% (или 2 231 чел.).

Таблица 5

Распределение ППС старше 55 лет¹ по возрасту с 2020 по 2024 г, чел.²

Год	Возраст, лет			Итого
	55–59	60–64	65 и старше	
2020	21 755	21 445	43 193	86 393
2021	20 733	20 711	41 837	83 281
2022	19 829	20 255	40 924	81 008
2023	19 512	19 968	40 786	80 266
2024	19 504	19 493	40 962	79 959

Сказанное выше об образовательной общности и её роли в вузе, в особенности о «ядре» этой общности – научно-педагогических работниках, позволяет перейти к рассмотрению поколенческой структуры как элемента социальной структуры вуза.

Поколенческая структура. Для анализа поколенческой структуры вуза большое значение имеет применение методологии поколенческого подхода. Эта методология обладает богатым категориальным аппаратом, различными вариантами трактовки поколения, их использования для проведения эмпирических исследований, составления набора аналитических моделей на их основе [14]. Благодаря методологии поколенческого подхода появляются возможности интеграции результатов поколенческого анализа в систему знаний о высшем образовании и развитии университетского сообщества. Использование методологии поколенческого подхода в вузах различного типа может способствовать оптимизации управления ими и эффективному применению инструментов государственной политики, направленной на развитие высшей школы.

Для этого целесообразно учитывать особенности университетского сообщества с широким возрастным диапазоном его представителей, начиная с 17-летних студентов и заканчивая НПР самых старших возрастных групп. В качестве примера (правда, уникального) укажем, что действующему профессору Саратовского государственного университета Ольге Борисовне Сиротининой 27 июня 2024 г. исполнился 101 год³.

Однако дело не только в широком возрастном диапазоне представителей университетского сообщества, что делает его привлекательным объектом поколенческого анализа. Ещё К. Мангейм, один из основателей теории поколений

¹ Без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера.

² Форма № ВПО-1...

³ Легендарному профессору СГУ Ольге Сиротининой исполнился 101 год // Взгляд-инфо : сайт. 27.06.2024. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2024/06/27/legendarnomy-professory-sgy-olge-sirotininoj-ispolnilsya-101-god.html> (дата обращения: 20.02.2025).

и поколенческого подхода, показал его большие возможности в рассмотрении поколения как не только возрастной когорты, но и особой общности людей, объединённых поколенческой идентичностью, сформировавшейся в одном историческом и социокультурном контексте. Характеризуя признаки поколения и рассматривая один из них – общность его местоположения, социолог отмечал: «...для вывода относительно общности местоположения в некоем поколении простого сосуществования во времени недостаточно... Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении, иными словами, для того чтобы пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению некоего поколения, нужно быть рождённым в одном и том же историческом и культурном ареале. Как реальность поколение подразумевает даже нечто большее, чем просто соприсутствие в подобном историческом и социальном ареале. Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [2, с. 36].

Эти идеи социолога придали в перспективе XX–XXI вв. новый импульс развитию теории поколений и пониманию сложного устройства университетского сообщества, в пространстве которого формируются, живут, изменяются, взаимодействуют представители разных поколений. Однако это был только общеметодологический подход, которому долгое время не было суждено реализоваться в теории и практике эмпирических исследований поколений в вузе. Названное обстоятельство мешало раньше и продолжает мешать сейчас созданию системного знания о поколениях в вузах, их взаимодействиях, противоречиях и проблемах на пути их разрешения.

Понимание поколенческих различий очень важно для оценки и трактовки ситуации как в вузе, так и за его пределами, в том числе в сфере высшего образования, да и в обществе в целом. Существует мнение, что поколенческие различия не являются главной категорией социальной дифференциации, призванной заменить другие категории – класс, статус или этнические группы. Автор этой точки зрения В. В. Радаев исходит из того, что «в определённые периоды тот или иной способ социальной дифференциации может выходить на передний план, в то время как другие, по крайней мере частично, утрачивают свою актуальность» [15, с. 40]. Мы не спорим с положением о замене тех или иных категорий другими – в социальной структуре вуза все категории имеют своё значение (как в известном стихотворении про мам, которые «всякие важны и поэтому всякие нужны»). Речь идёт об утере важности, возможно частичной, категории поколения в вузе. Полагаем, что до этого ещё долго не дойдёт и на ближайший исторически обозримый период времени роль поколенческой проблематики сохранится во всем её значении.

Если в отношении поколенческой динамики общества мы имеем довольно развитые представления благодаря разработке серьёзных общетеоретических подходов и проведению эмпирических исследований социологов, демографов, историков, культурологов, антропологов, то поколенческие исследования

в высшем образовании ограничены изучением особенностей студентов разных поколений и в основном в рамках теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува [16], зачастую используемой в её упрощённой научно-популярной форме.

Принимая за основу тезис теории поколений К. Мангейма «положение поколений – взаимосвязь поколений – единство поколений» [2], мы рассматриваем университетское сообщество как целостную поколенческую систему, в которой разные поколения (понимаемые и как возрастные когорты, и как поколенческие общности) взаимодействуют друг с другом, выполняя свои функции в рамках межпоколенческого контракта.

В основе рассматриваемой поколенческой структуры лежит понятие поколения, но не просто поколения, а поколения в вузе, которое существенно отличается от понятия поколения вообще. Используя социологический подход к поколению как социальной общности, предложим следующее определение поколения в вузе: это объективно складывающаяся, реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная социальная общность близких по возрасту людей, объединённых в вузе демографическими, социокультурными, образовательными характеристиками, решением конкретных социально определённых задач, полностью или частично занятых обучением, научными исследованиями, управлением процессами университетской жизни в схожих условиях социализации, реализации потребностей, интересов, ценностных ориентаций, идентифицирующих себя с определённым поколением.

Поколенческая структура вуза включает в себя три основных элемента – молодое, среднее, старшее поколение. В свою очередь каждое из них характеризуется наличием ряда более дробных структурных элементов. Их выделение связано с периодизацией вузовских поколений и образовательных общностей, означающей определение этапов и периодов их существования и смены. Эта периодизация основана на критерии использования количественных различий и выделения возрастных когорт (молодое, среднее, старшее поколения) на базе их возрастной дифференциации. Так, средний срок существования молодого поколения составляет 15 лет (до 35 лет), зрелого поколения – 20 лет (до 55 лет), старшего поколения – 15–20+ лет (после 55 лет).

Для анализа поколенческой структуры, наряду с количественными показателями, целесообразно использовать качественные характеристики названных выше элементов. Они связаны с основными признаками каждого поколения (сами признаки приведены в данном выше определении), его ролью и значением в жизни вуза. У каждого поколения в вузе есть свои задачи, свои ресурсы, свой потенциал. Это поколение можно рассматривать как особый социальный субъект, обладающий целым рядом характеристик и местом, занимаемым в социальном пространстве и социальном времени университета. Но при этом важно отметить, что все эти особенности и характеристики, задачи и ресурсы целесообразно рассматривать в тесной связи с вузовскими образовательными общностями. Другими словами, требуется рассмотрение вопроса о связи

поколенческой и общностной структур, их взаимодействии (о чём ниже будет сказано в соответствующем разделе).

Специально коснёмся вопроса о названиях поколений в вузе. Подчёркивая новизну понимания поколенческой структуры вуза в статье, укажем, в связи с её рассмотрением, на авторский отказ использовать применительно к вузам концепции и названия поколений и «X», «Y», «Z», и «Altha», «Beta», «Gamma», и «потерянного поколения», и «молчаливого поколения», и поколения миллениалов (по существу то же, что и поколение «Y»). Связан этот отказ с тем, что названия концепций поколений применительно к вузу устаревают, исчезают действовавшие временные границы их актуальности [17–20]. Что же касается трёхступенчатой структуры поколений (молодое, среднее, старшее), она постоянно «работает», поэтому не требует замены и всегда актуальна.

Рассматривая университетское сообщество как главный стратегический ресурс современного высшего образования, мы должны учитывать сильное влияние на него поколенческого фактора, особенно влияние межпоколенческих и внутривпоколенческих отношений и взаимодействий. Для их описания поколенческая теория предлагает богатый тезаурус, адекватный современным либо предшествующим им социальным реалиям. Этих концепций в конце XX – начале XXI в. оказалось настолько много, что впору резко ограничить их число, особенно применительно к некоторым сферам и сегментам жизни общества. Удивительное состоит в том, что одна из таких сфер, в полном смысле слова, буквально молодёжная, оказалась вне такого многообразного и разнообразного рассмотрения. Речь идёт о высшем образовании, вузах, студенчестве, НПР, АУР.

Именно такой сферой для нас является высшее образование, взаимодействующие в его структуре университеты, а в них – студенчество, НПР, АУР. Относительно их названные концепции, по нашему мнению, не работают в полной мере, затрагивая лишь отдельных представителей университетского сообщества, в основном молодых. Если внимательно проанализировать публикации, посвящённые поколенческой проблематике в вузах, то крайне редко можно обнаружить среди них исследование поколений и молодёжных групп среди них [21]. Среди работ, посвящённых изучению поколений в России и за рубежом, доминируют исследования особенностей и траекторий их формирования и функционирования. Широко распространена также разработка проблем межпоколенческих отношений в широком диапазоне от конфликта между поколениями до солидарности между ними [22–25].

Но такого рода исследования не типичны для вузов. Зато очень важными для них являются трактовки, которые тесно связаны с возрастными характеристиками поколенческих и образовательных общностей и получили название концепций молодого, среднего, старшего поколений. Остановимся на этих трактовках. Можно ли среди этих трёх поколений выделить ведущие, определяющие? Конечно, да. Ими являются среднее и отчасти старшее поколения. Из молодого поколения можно специально выделить лишь его старшую часть (30–35 лет), да и то только ту, которая прошла в вузе ступени моложе 25 и 25–29 лет.

Первый узел противоречий связан с молодым поколением научно-педагогического сообщества. Трудности привлечения и удержания молодых НПР, низкий уровень их лояльности университету, невысокие показатели защит диссертаций, признаки постоянного стресса и высокая степень неудовлетворённости своим академическим трудом, неуверенность в его значимости, продуктивности – это лишь небольшой перечень проблем, которые идентифицируют исследователи в среде молодых сотрудников вузов. Анализ причин их возникновения показывает, что базовой предпосылкой выступают трудности интеграции молодёжи в академическую среду, а они, в свою очередь, определяются качеством межпоколенческих и внутривпоколенческих отношений в ней.

Привлекательность вуза как места работы и самореализации зависит не только от мер институциональной и организационной поддержки вузовской молодёжи. Необходимость и наличие таких мер априорны. Классические положения теории человеческих отношений постулируют важность тесных и конструктивных социальных отношений между всеми субъектами вузовского сообщества. К сожалению, функции повседневной поддержки, сопровождения, обучения, инкорпорирования молодёжи, которые должны выполнять среднее и старшее поколения научно-педагогических работников, в силу ряда объективных и субъективных причин сегодня не реализуются в достаточной мере. Нередко межпоколенческие отношения мыслятся в терминах конкуренции, отчуждённости, интолерантности.

Огорчает, что меры государственной поддержки молодых НПР ориентированы исключительно на достижение количественных параметров. Они не учитывают то обстоятельство, что вовлечение и удержание молодёжи в университетском сообществе возможно благодаря формированию у неё прочной идентификации с ним, наращиванию научно-педагогической культуры, «впитыванию» этоса академической профессии.

Университетское сообщество должно «прирастать» молодёжью, имеющей альтруистическую мотивацию и способности к академической работе [26–28].

Этот длительный процесс требует не только времени, но и соответствующего качества взаимоотношений и взаимодействий между поколениями НПР. Кроме того, меры государственной поддержки распространяются на молодёжь лишь небольшой части российских вузов (например, 120 вузов, участвующих в программе «Приоритет-2030»). На значительную долю молодёжного состава университетского сообщества эта поддержка не распространяется, вследствие чего кардинально возрастает значимость взаимопомощи в межпоколенческих и внутривпоколенческих отношениях, роль педагогического и научного наставничества.

Второй узел противоречий связан со старшим поколением НПР. В условиях новых приоритетов кадровой политики в высшей школе это поколение подвергается явной и латентной дискриминации, влиянию негативных возрастных стереотипов. Согласно таким эйджистским установкам, с возрастом у НПР снижается производительность труда, а это входит в противоречие с тенденцией интенсификации академической работы. Старшее поколение НПР не обладает

актуальными профессиональными компетенциями, соответственно – не может обеспечить качество высшего образования и вузовской науки. Старшее поколение ригидно, поэтому активно сопротивляется реформам высшего образования, критикует университетские трансформации, выступает источником академического оппортунизма. По понятным причинам, эти установки официально не озвучиваются, но в то же время могут превращаться в основание для принятия институциональных и организационных кадровых решений.

Эйджизм в академической среде противоречит классическим традициям академической культуры, построенной на признании авторитета состоявшегося учёного, учителя-наставника, главы научной школы. Эйджизм входит в противоречие с принципами социальной ответственности государственного и университетского менеджмента, университета как работодателя. В конечном счёте вынужденный уход из университетов большей части представителей старшего поколения НПР чреват нарушением механизмов преемственности, которые базируются на неформальных коммуникациях между разными поколениями вузовских общностей, в ходе которых происходит передача неявного знания от одного поколения к другому. В связи с этим представляется неслучайной низкая поддержка общественностью инициативы № 14Ф19169 «Установить возрастное ограничение до 60 лет для преподавателей в целях повышения эффективности обучения в высших учебных заведениях», представленной на портале «Российская общественная инициатива». За инициативу было подано 194 голоса, против – 583 голоса.

Третий узел противоречий связан с кризисом среднего поколения НПР. В условиях стремительной трансформации возрастной структуры научно-педагогического сообщества именно на это поколение ложится груз ответственности за выполнение стратегических и текущих задач во всех сферах деятельности университетов – образовательной, научной, воспитательной, управленческой, общественной. Представитель среднего поколения превращается в своеобразного мастера-универсала и становится объектом интенсификации академического труда. Не случайно для этого поколения НПР стали характерны проблемы профессионального выгорания и дауншифтинга, неуверенности в будущем и готовности уйти из академического сектора.

Среднее поколение также несёт на себе последствия прекаризации академического труда. Трансформация социально-трудовых отношений приводит не только к повышенной мобильности внутри академического сектора (переходу в другие вузы с лучшими условиями труда), но и кардинальному решению о прекращении трудовых отношений с вузом. Ранее российская высшая школа уже испытала на себе негативные эффекты потери среднего поколения НПР, произошедшей в 1990-е гг. Тогда уход научно-педагогических сотрудников в самом продуктивном возрасте был обусловлен социально-экономическими проблемами, прежде всего неконкурентоспособной заработной платой. Сегодня риск ухода среднего поколения из вузовского сектора остаётся значительным, особенно в группах высокоресурсных сотрудников. К уже обозначенным

причинам их ухода можно также отнести нарушение баланса между жизнью и работой (life-work balance), расхождение представлений о трудовом вкладе в развитие вуза и справедливости вознаграждения, многозадачность. В сложившихся условиях среднее поколение НПР с трудом справляется со своей социальной функцией посредника-интегратора между молодым и старшим поколением научно-педагогического сообщества.

Таким образом, представители всех трёх поколений НПР не удовлетворены своим положением и ролями в поколенческой структуре университетского сообщества. С одной стороны, это сказывается на характере их межпоколенческого и внутрipoколенческого взаимодействия. С другой – является следствием уже сложившихся к этому времени противоречий между поколениями НПР. Складывается представление, что каждый узел исследуемой проблемы – это доказательство кризиса межпоколенческих и внутрipoколенческих взаимодействий в университетском сообществе. Каждое поколение, сталкиваясь с перечисленными проблемами и рисками, сосредоточивает внимание, прежде всего, на них и относится к другим поколенческим общностям и к взаимодействию с ними как к средству решения своих проблем. Бесконфликтное межпоколенческое и внутрipoколенческое взаимодействие не рассматривается как ресурс конструктивного разрешения противоречий в университетском сообществе. Без такого понимания задача по достижению межпоколенческого консенсуса между вузовскими образовательными общностями и их поколениями в рамках университетского сообщества не может быть решена.

Взаимодействие общностной и поколенческой структур

Как уже отмечалось выше, в самой начальной и общей трактовке поколенческая структура вуза включает в себя три поколения – молодое, среднее и старшее, а общностная – три образовательные общности: студенчество, научно-педагогическую и административно-управленческую общности. Будучи связанными между собой, находясь на взаимном пересечении действий в социальной структуре вуза, названные поколения и общности обнаруживают в ней появление большого количества разнообразных внутрipoколенческих и межобщностных групп.

В этих взаимодействиях лишь одна образовательная общность характеризуется слабо выраженной поколенческой структурой или даже вообще её не имеет. Это вузовское студенчество, рассматриваемое в своём большинстве в качестве представителей молодого поколения с возрастными границами от 17 до 25–27 лет. Но и в этой общности, если её рассматривать не узко, как, скажем, только студентов очной формы обучения, поступивших в вуз через короткий промежуток времени после окончания школы или колледжа, а иметь в виду и магистрантов, и студентов-заочников, можно и нужно для определённых целей исследования выделять не одно, а как минимум два поколения, характеризующихся принадлежностью к различным возрастным когортам.

Строго говоря, поколенческие и образовательные общности могут рассматриваться порознь, как относительно автономные субстанции, составляющие основу университетского сообщества. Для этого достаточно поколения и их структурные элементы (молодое, среднее, старшее поколения с последующим выделением в них фрагментирующих слоёв) рассматривать исключительно как возрастные когорты, не объединённые поколенческой идентичностью, не сформировавшиеся в одном историческом и социокультурном контексте, не связанные единым вузовским пространством-временем. В свою очередь, автономизация университетских образовательных общностей, позволяющая рассматривать их вне поколенческих структур, изолирует эти общности от широкого университетского исторического и социокультурного пространственно-временного контекста. Нетрудно понять, что такой «изоляционистский» подход является неперспективным с точки зрения развития университетского сообщества, которое для достижения новых результатов нуждается в интеграции потенциально близких поколенческого и образовательно-общностного анализов и обеспечении их методологического единства. Отсюда наиболее перспективной идеей является создание в вузе благоприятных условий для взаимодействия поколенческих и образовательных общностей.

Предпосылкой такого взаимодействия должно стать рассмотрение поколений и образовательных общностей с единых (взаимосвязанных) методологических позиций. Это означает, во-первых, характеристику поколения не только как возрастной когорты, но и как поколенческой общности. Существенное значение приобретает в этой связи то обстоятельство, что к поколению относится группа людей, которая, по Мангейму, определяется не столько нахождением в одном хронологическом периоде как таковом, сколько «проживанием» одних и тех же событий, существенным образом влияющих на жизнь людей [2, с. 36]. Отсюда каждое поколение может включать несколько возрастных когорт. Примером может служить поколение студентов и НПР периода внедрения ЕГЭ и норм Болонского процесса. Во-вторых, речь идёт об использовании признаков социальной общности для трактовки поколенческой общности. В-третьих, важным становится выявление возможностей взаимодействия поколенческих и образовательных общностей с целью развития каждой из них в плане продвижения в университетских практиках и поколений и их структур, и образовательных общностей и их структур.

При этом сделаем акцент на роли управленческих структур вуза в обеспечении успешности процесса взаимодействия поколенческих и образовательных общностей. Интеграция в анализе поколенческого и общностно-образовательного подходов, усиленная их взаимодействием, значительно расширяет как возрастной, так и научный и социокультурный диапазон участников университетского сообщества и превращает его в привлекательный объект социологического исследования. В таком качестве университетское сообщество предстаёт в зеркале социологического рассмотрения как сложная система, включающая две связанные разновидности социальной структуры – поколенческую и общностно-образовательную.

За счёт их взаимодействия расширяются возможности получить новые знания о высшем образовании и его основном учреждении – университете. Высшее образование и вуз предстают перед нами как пространство, в котором живут, формируются, изменяются, взаимодействуют представители разных поколений и образовательных общностей. Расширяются возможности и получения нового знания, касающегося теорий поколений и концепций вузовских образовательных общностей. До недавнего времени многие эти теории, особенно теории поколений, связанные с получением нового знания о высшем образовании, были настоящей лакуной информации о нём. Только сейчас возникают возможности проводить исследования поколений в высшем образовании, начатые ещё в работах В. Штрауса и Н. Хоува 1990-х гг.

Одна из острых проблем социальной структуры вуза – её противоречия и дисбалансы. Выше указывалось, что актуальную задачу нашей работы мы видим в исследовании кризиса межпоколенческих и внутривпоколенческих взаимодействий вузовских образовательных общностей, условий и возможностей его преодоления. Отсюда следует, что важнейшим направлением исследования становится выявление противоречий, дисбалансов, конфликтов и кризисных тенденций в межпоколенческих и внутривпоколенческих отношениях вузовских образовательных общностей. Необходимость изучения этих процессов в российском университетском сообществе обусловлена нарастанием в высшем образовании остроты противоречий, так или иначе связанных с поколенческими отношениями образовательных общностей в нём.

При этом мы имеем в виду то обстоятельство, что поколенческая структура университетского сообщества взаимосвязана с его общностной структурой, образованной тремя ключевыми субъектами высшей школы – студенчеством, научно-педагогическими и административно-управленческими работниками. Каждая вузовская общность имеет свои поколенческие метрики, во многом определяющие характер жизнедеятельности её представителей и их взаимодействия с другими представителями университетского сообщества.

Взаимодействие общностных и поколенческих структур обусловило возможность методологической группировки ключевых концептов поколенческого и общностного анализа университетского сообщества вокруг следующих проблемных (исследовательских) вопросов.

1. Поколенческое и общностно-образовательное устройство университетского сообщества. Оно описывается понятиями поколенческой и возрастной структуры, возрастной когорты, исторической и социокультурной идентичности.

2. Динамика поколений и образовательных общностей университетского сообщества. Она описывается понятиями преемственности поколений, образовательных общностей, поколенческой (генеративной) социализации, межпоколенческого трансфера, межпоколенческих и межобщностных различий, поколенческих и общностных взаимодействий.

3. Поколенческое и общностное самосознание. Оно описывается понятиями поколенческой и общностной идентификации, самоидентификации, поколенческих и общностных ценностей, традиций, норм, обычаев, памяти,

межпоколенческой и внутривпоколенческой, межобщностной и внутривобщностной толерантности, межпоколенческой и межобщностной амбивалентности, наличием возрастных стереотипов.

4. Межпоколенческие и межобщностные отношения и взаимодействия. Они описываются понятиями межпоколенческого и межобщностного конфликта, разрыва, диалога, консенсуса, контракта (договора), обмена, межпоколенческой и внутривпоколенческой, межобщностной и внутривобщностной справедливости, межпоколенческого и внутривпоколенческого, межобщностного и внутривобщностного доверия, межпоколенческих и межобщностных, внутривпоколенческих и внутривобщностных контактов и коммуникаций.

5. Регулирование межпоколенческих и межобщностных, внутривпоколенческих и внутривобщностных отношений. Оно описывается понятиями межпоколенческой и межобщностной политики, межпоколенческого и межобщностного порядка, межпоколенческого и межобщностного контракта, эйджизма, генеративного поведения, межпоколенческой и межобщностной реципрокности.

Весь названный концептуальный арсенал позволяет достаточно широко представить социальную структуру вуза, обнаруживая в ней в каждом конкретном случае проявления связи и взаимодействия элементов общностной и поколенческой структур на уровне методологии исследования.

Заключение

Проведённый анализ методологии исследования социальной структуры вуза позволил обнаружить лишь какую-то часть представлений о ней, ограниченных трактовкой двух разновидностей этой структуры – общностной и поколенческой, причём осуществлённой как порознь каждой из них, так и во взаимодействии друг с другом. Помимо чисто эвристической задачи, открывшей путь к расширению и углублению знаний о социальной структуре вуза, рассмотрение методологии исследования позволяет поставить вопрос о её трансляции на уровень методики эмпирического исследования и проведении его среди представителей вузовских поколенческих общностей.

Такое исследование значительно обогатило бы научные представления о социальной структуре вузов и позволило бы выявить «болевые точки» образовательных учреждений с целью их учёта для принятия необходимых управленческих решений стратегического и тактического характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тённос Ф. Общност и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённос ; пер. с нем. Д. В. Складнева. М. , СПб. : Фонд Университет ; Владимир Даль, 2002. 450 с. ISBN 5-93615-020-8.
2. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / К. Мангейм ; пер. Е. Я. Додина ; отв. ред. Л. В. Скворцов. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с. ISBN 5-248-01334-8. EDN **LAFQOX**.

3. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М. : Академический проспект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3.
4. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 304 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN [QOKBWV](#).
5. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 430 с. ISBN 978-5-7741-0452-9. EDN [PNLXLU](#).
6. Зборовский Г. Е. Характеристика поведенческих стратегий образовательных общностей в условиях трансфера их человеческого капитала // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 190–200. DOI [10.15826/izv1.2021.27.1.021](#). EDN [TTGGPI](#).
7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. ISBN 978-5-7741-0373-7. EDN [XRTKJM](#).
8. Нархов Д. Ю. Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 9–30. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30](#). EDN [IFUCUU](#).
9. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодёжи о смысле образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 44–69. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](#). EDN [RVEXBB](#).
10. Ефимова Г. З. Карьерный путь преподавателей высшей школы // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 24–40. DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8859](#). EDN [OQLCHD](#).
11. Индикаторы науки: 2007. Статистический сборник. М. : ГУ-ВШЭ, 2007. 344 с. ISBN 978-5-7218-0940-8.
12. Образование в Российской Федерации: 2012. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2012. 444 с. ISBN 978-5-7218-1275-0.
13. Индикаторы образования: 2013. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 280 с. ISBN 978-5-9904002-3-8.
14. Семенова В. В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М. : РОССПЕН, 2009. 271 с. ISBN 978-5-8243-1300-0. EDN [QOKHWP](#).
15. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](#). EDN [STOTFS](#).
16. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Co, 1991. 538 p. ISBN 0-688-08133-9.
17. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М. : РИПОЛ классик, 2019. 406 с. ISBN 978-5-386-12783-1.
18. Омельченко Е. Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16, № 2. С. 10–28. DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](#). EDN [AATYIC](#).
19. Duffy B. The Generation Myth: Why When You're Born Matters Less Than You Think. New York : Basic Books, 2021. 288 p. ISBN 1-5416-2031-3.
20. Аврамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 78–95. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](#). EDN [QEJXSX](#).
21. Сорокина Н. Д., Токарева Е. М. Связь и преемственность поколений (на примере опроса студентов) // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2. С. 81–88. DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88](#). EDN [QBLGGV](#).

22. Волков Ю. Г. Межпоколенческое взаимодействие в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 3. С. 30–42. DOI [10.23683/2227-8656.2018.3.2](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.2). EDN [USUAHO](#).
23. Pilcher J. Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy // British Journal of Sociology. 1994. Vol. 45, № 3. P. 481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659). EDN [BUKSWN](#).
24. Van de Velde C. Global perspectives on youth and intergenerational relations in the 21st century // Research Handbook on Transitions into Adulthood / Ed. by J. Chesters. Edward Elgar Publishing, 2024. P. 115–128. ISBN 978-1-83910-696-5. DOI [10.4337/9781839106972.00019](https://doi.org/10.4337/9781839106972.00019).
25. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // Theory, Culture & Society. 2019. Vol. 36, № 7-8. P. 153–172. DOI [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085).
26. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодёжь как барометр будущего? Молодёжная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодёжной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078). EDN [XIXVYB](#).
27. Козырева П. М., Смирнов А. И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 49–60. DOI [10.31857/S013216250014949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6). EDN [KNAYMK](#).
28. Щелкин А. Г. «Отцы и дети» – социологический портрет поколений в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. 2022. № 18. С. 5–34. DOI [10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56). EDN [DUPRNX](#).

Сведения об авторе

Г. Е. Зборовский

доктор философских наук, профессор
профессор-исследователь
SPIN-код: [9068-9732](#)

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 18.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.1)

ON THE METHODOLOGY OF THE COMMUNITY AND GENERATIONAL UNIVERSITY STRUCTURE RESEARCH

Garold Efimovich Zborovsky

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
garoldzborovsky@gmail.com,
ORCID [0000-0001-8153-0561](https://orcid.org/0000-0001-8153-0561)

For citation: Zborovsky G. E. On the methodology of the community and generational university structure research. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):10–34. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.1).

Abstract. The article discusses methodological issues of the study of the social structure of the university, which are of interest and relevant for the current stage of development of Russian higher education. There are two sets of university problems that require consideration at the methodological level. The first one draws attention to the conceptual framework, differentiation of the structure, its various elements, subsystems, and contradictions. The second set includes consideration of various methodological approaches necessary to characterize the social structure of the university, primarily community-based and generational. The article characterizes the provisions of the theory of social community of F. Tennis and the views of K. Mannheim as the founder of the theory of generations in the context of the application of community and generational approaches to the consideration of the social structure of the university. The purpose of the article is to analyze the methodological problems of sociological research of the social structure of the university separately and in their interaction. The logic of the article presupposes the formulation of research questions, the characterization of types of social structure, the interpretation of community and generational structures, and further their interaction. At the same time, special attention is paid to the contradictions in the inter-community and intergenerational relations of representatives of different university communities. It is argued that they are inevitable and that in the processes of their emergence and overcoming, some relationships and contradictions overlap with others: generational communities with educational ones and vice versa, younger generations with middle and older ones and vice versa, some educational communities – scientific and pedagogical workers with others – students and administrative and managerial workers and vice versa. Attention is drawn to the role of university management structures in regulating educational and generational interactions. The task of sociologists in emerging situations is determined by the need to monitor and investigate them, as well as to look for ways to solve emerging problems.

Keywords: social structure of the university, research methodology, community structure, generational structure, educational communities, students, research and teaching staff, administrative and managerial staff, younger, middle, older generations, interaction of community and generational structures, contradictions of inter-community and intergenerational relations

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 25-18-00206, “Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian university community of the 21st century: from crisis to consensus” <https://rscf.ru/project/25-18-00206>.

REFERENCES

1. Tennis F. Community and society. Basic concepts of pure sociology [Obshhnost' i obshchestvo. Osnovny'e ponyatiya chistoj sociologii]. Moscow: Fond Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2002. 450 p. (In Russ.). ISBN 5-93615-020-8.
2. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions [Ocherki sociologii znaniya. Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – e'konomicheskie ambicii]. Moscow: INION RAN; 2000. 164 p. (In Russ.). ISBN 5-248-01334-8.
3. Giddens A. The organization of society. An essay on the theory of structuration [Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akademicheskij Prospekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
4. Zborovsky G. E. Theory of social community. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2009. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-7741-0119-1.

5. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Research and pedagogical staff in modern Russia: theory and biography of a social community. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2024. 430 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0452-9.
6. Zborovsky G. E. Characteristics of behavioral strategies of educational communities in the context of the transfer of their human capital. *News of Ural Federal University. Series 1. Issues in Education, Science and Culture=Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2021;27(1):190–200. (In Russ.). DOI [10.15826/izv1.2021.27.1.021](https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.021).
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Sociology of higher education. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0373-7.
8. Narkhov D. Yu. Interaction of Educational Communities of Higher Education in the University Scientific Area. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2024;33(2):9–30. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30).
9. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(1):44–69. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3).
10. Efimova G. Z. Career strategies for education teachers. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(1):24–40. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8859](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8859).
11. Indicator Sciences: 2007. [Indikatory' nauki: 2007. Statisticheskij sbornik]. Moscow: GU-VSE; 2007. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7218-0940-8.
12. Education in the Russian Federation: 2012. Statistical collection. Moscow: VSE; 2012. 444 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7218-1275-0.
13. Indicator Sciences: 2013. Statistical collection. Moscow: VSE; 2013. 280 p. ISBN 978-5-9904002-3-8.
14. Semenova V. V. Social dynamics of generations. Problem and reality. Moscow: ROSSPEN; 2009. 271 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1300-0.
15. Radaev V. V. Millennials. How Russian society is changing. Moscow: VSE; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1.
16. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Co; 1991. 538 p. ISBN 0-688-08133-9.
17. Twenge J. Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit and become more tolerant. Moscow: RIPOI Classic; 2019. 406 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-12783-1.
18. Omelchenko E. L. Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future. *Interaction. Interview. Interpretation=Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. 2024;16(2):10–28. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1).
19. Duffy B. The Generation myth: why when you're born matters less than you think. New York: Basic Books; 2021. 288 p. ISBN 1-5416-2031-3.
20. Avraamova E. M. The social positioning and social practices of Russian millenials. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(3):78–95. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.591).
21. Sorokina N. D., Tokareva E. M. The connection and continuity of generations (using the example of a student survey). *Social policy and Sociology=Social'naya politika i sociologiya*. 2024;23(2):81–88. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88).
22. Volkov Yu. G. Intergenerational interaction in Russian society: the search for a language of consent and mutual understanding. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2018;7(3):30–42. (In Russ.). DOI [10.23683/2227-8656.2018.3.2](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.2).
23. Pilcher J. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. *British Journal of Sociology*. 1994;45(3):481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659).

24. Van de Velde C. Global perspectives on youth and intergenerational relations in the 21st century. In: Research Handbook on Transitions into Adulthood. Ed. by J. Chesters. Edward Elgar Publishing; 2024. P. 115–128. ISBN 978-1-83910-696-5. DOI [10.4337/9781839106972.00019](https://doi.org/10.4337/9781839106972.00019).
25. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered. *Theory, Culture & Society*. 2019;36(7-8):153–172. DOI [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085).
26. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* 2022;(2):66–92. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078).
27. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Interaction of generations in modern Russia: an evolving rapprochement. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021;(11):49–60. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6).
28. Shchelkin A. “Fathers and children” – a sociological portrait of generations in an ontological interior. *St. Petersburg Sociology today=Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2022;(18):5–34. (In Russ.). DOI [10.25990/socinstras.pss-18.htp8-1j56](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-18.htp8-1j56).

Information about the Author

G. E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor

Research Professor

ResearcherID: [E-6142-2014](https://orcid.org/0000-0001-9142-2014)

Scopus AuthorID: [6505899907](https://orcid.org/0000-0001-9142-2014)

The article was submitted 02.06.2025; approved after review 10.06.2025; accepted for publication 18.07.2025.

ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В ГОРОДЕ-МИЛЛИОННИКЕ: АНАЛИЗ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Софья Юрьевна Шарыпова¹

Анастасия Сергеевна Шляпина²

^{1,2}Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия,

¹sonia.eliseeva@bk.ru,

ORCID 0000-0003-3519-8531

²shlyapina.psu@mail.ru,

ORCID 0000-0002-5398-2891

Для цитирования: Шарыпова С. Ю., Шляпина А. С. Личная безопасность молодёжи в городе-миллионнике: анализ поведенческих моделей // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 35–52. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.2. EDN VSROBH.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена социальным запросом на анализ поведенческих предпочтений молодёжи в сфере личной безопасности в городах-миллионниках для обоснования целесообразности включения этого аспекта в государственные программы. Эмпирической базой исследования являются данные формализованного опроса, проведённого в 2025 году среди молодых людей в возрасте 18–35 лет, проживающих в Перми, Нижнем Новгороде и Новосибирске. Установлено, что молодёжь обладает умеренно высоким субъективным уровнем защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам. На основе факторного анализа выявлены 8 поведенческих моделей обеспечения личной безопасности, которые типологизированы в три группы: 1) проактивные модели с проявлением личных усилий и ответственности в обеспечении собственной безопасности – в этой группе 59% респондентов; 2) адаптивные модели с ориентацией на внешние системы, т. е. передача ответственности за обеспечение своей безопасности другим субъектам рискогенного пространства – 62% респондентов; 3) пассивные модели, подразумевающие избегание или игнорирование угроз в своём восприятии – 45% респондентов. Выявлено, что у молодёжи, участвовавшей в опросе, есть набор универсальных мер защиты, связанных с контролем физической среды, которые реализуются даже при игнорировании других правил. Кроме этого, молодые люди активно сочетают модели: игнорирование угроз в личном восприятии усиливается за счёт перекладывания ответственности по обеспечению безопасности на социальные институты. Установлено, что пассивные модели хоть и обуславливают повышенное чувство безопасности, но это ощущение скорее иллюзорное. Опора респондентов на социальные механизмы свидетельствует

о наличии запроса на усиление внимания и роли социальных институтов и общественности в сфере безопасности молодёжи современных крупных городов. Имеются различия в зависимости от пола и уровня образования: женщины и респонденты с высшим образованием склонны использовать более широкий набор мер защиты, у мужчин он значительно уже. Полученные результаты позволяют обосновать необходимость пересмотра государственного подхода к формированию культуры безопасности молодёжи, уделяя внимание социально-демографическим особенностям, иллюзорным установкам и интеграции социального капитала в механизмы защиты.

Ключевые слова: личная безопасность, субъективная оценка, самоэффективность, поведенческие модели, молодёжь, города-миллионники

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности» (сайт фонда: <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>).

Введение и постановка проблемы

На сегодняшний день вопросы обеспечения безопасности здоровья и жизни граждан являются приоритетными для развития и поддержания социально-экономического потенциала различных государств. В этом контексте особую значимость приобретает безопасность молодёжи. Данная социальная группа является уязвимой не только из-за нестабильного положения в обществе молодых людей [1], но и по причине их недостаточного внимания к вопросам личной безопасности [2], склонности к рискогенному поведению, усиливающейся за счёт веры в собственную неуязвимость [3]. Ситуация осложняется для молодого поколения, проживающего в городах-миллионниках, где динамичная, сложная и социально многообразная городская среда увеличивает количество рисков и угроз [4]. Данные ВЦИОМ за 2024 год подтверждают, что в большей опасности себя ощущают жители городов-миллионников¹.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ², защита граждан от различных внешних угроз является задачей государства и социальных институтов. Однако такой подход ставит индивида в позицию объекта, игнорируя субъективную природу личной безопасности [5], которая, вопреки государственным механизмам, выступает основным регулятором поведения человека, в частности – в вопросах сохранения жизни и здоровья [6].

Исследование субъективной природы безопасности базируется на теории социального конструирования [7], где личная безопасность – это состояние (чувство) защищённости от внешних угроз, обусловленное индивидуальными восприятиями и потребностями [8]. В этом случае состояние защищённости

¹ Улицы без опасности // ВЦИОМ: сайт. 12.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti> (дата обращения: 03.05.2025).

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 // Президент России: сайт. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 03.05.2025).

является результатом поведенческих установок и практик индивида, инициированных субъективными оценками внешних факторов как опасных или угрожающих [9] и собственных возможностей противостоять им (теория самоэффективности А. Бандуры) [10]. Эта концептуальная рамка личной безопасности послужила основанием для реализации эмпирического исследования в контексте самосохранительного поведения молодёжи.

Обзор литературы позволил прояснить, что российская молодёжь, несмотря на обозначенную выше уязвимость, ощущает себя в менее безопасном положении в сравнении с другими социально-демографическими группами [11]. Скорее всего, данное ощущение относится к состоянию «здесь и сейчас», так как в отношении будущего молодёжь выражает неуверенность в вопросах безопасности, обусловленную в большей степени дисфункциональностью социальных институтов, которые призваны обеспечивать защиту граждан [12]. Результаты зарубежных исследований подтверждают, что молодёжь склонна перекладывать ответственность за собственную безопасность на других субъектов рискованного пространства [13]. Также неадекватно завышенное чувство безопасности среди представителей молодого поколения может быть связано с переоценкой своих личностных качеств и способностей в этой сфере [14].

В отечественном исследовании 2011 года выявлено, что российская молодёжь в основном показывает недостаточную подготовленность к безопасному поведению, что выражается в дефиците знаний и ограниченном опыте в данной сфере [15]. Вторичный анализ данных ФОМ за 2019 год подтверждает устойчивую тенденцию к игнорированию мер безопасности среди молодёжи: при ответе на вопрос «Вы лично стараетесь как-то обезопасить себя?» основная доля (68%) опрошенных в возрасте 18–30 лет выбирает вариант «не стараюсь, специально ничего не делаю»¹. Подобная позиция доминирует даже в контексте защиты от преступлений и террористических угроз², где осознанность, казалось бы, должна быть выше. Это указывает на системный характер проблемы в формировании культуры безопасности среди молодёжи. Возможно, указанная проблема связана с тем, что меры по обеспечению безопасности воспринимаются молодыми людьми как абстрактные рекомендации, а повседневные практики по сохранению жизни и здоровья осуществляются интуитивно/ситуативно [15], то есть они необъяснимы с позиции теории рационального выбора. Результаты исследований подтверждают необходимость изучения проблемы личной безопасности через призму повседневных поведенческих установок и практик по сохранению здоровья и жизни.

Цель исследования – выявить актуальные поведенческие модели обеспечения личной безопасности молодёжи из городов-миллионников и установить их взаимосвязь с субъективной оценкой состояния защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам.

¹ Чувство безопасности // ФОМ: сайт. 18.11.2019. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291> (дата обращения: 03.05.2025).

² Терроризм и безопасность // ФОМ: сайт. 15.12.2020. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14517> (дата обращения: 03.05.2025).

Материалы и методы

Эмпирическое исследование поведенческих моделей обеспечения личной безопасности молодёжи являлось частью проекта «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности»¹, в рамках которого в апреле-марте 2025 г. был проведён формализованный опрос населения городов-миллионников РФ. В качестве генеральной совокупности выступили жители в возрасте 18 лет и старше из 13 городов РФ с численностью населения 1 млн человек и более (не включены Москва, в силу своей социально-экономической специфики, Ростов-на-Дону и Краснодар – в силу значительного влияния геополитической ситуации на восприятие рисков и выбор самосохранительных стратегий). Выборочная совокупность исследования формировалась с помощью двухступенчатого отбора: на первом этапе осуществлялся отбор территорий для проведения опроса, на втором – отбор респондентов на основании половозрастных квот. В качестве территорий проведения опроса выбраны три города-миллионника – 1) Новосибирск (как репрезентирующий города Сибири и Дальнего Востока и входящий в первую треть городов РФ по численности населения); 2) Нижний Новгород (как репрезентирующий города центральной России и входящий во вторую треть городов РФ по численности населения); 3) Пермь (как репрезентирующая города Урала и входящая в последнюю треть городов РФ по численности населения). На втором этапе осуществлялся набор респондентов методом ривер-сэмплинг (ссылка на опросник, размещённый на платформе Questionstar.ru, распространялась через социальные сети и мессенджеры). После наполнения всех квотируемых групп было осуществлено приведение выборочной совокупности в соответствие с половозрастной структурой генеральной совокупности методом случайного исключения респондентов без учёта территории проживания. Общий объём выборки – 1 762 человека. Далее для целей конкретного исследования, данные которого анализируются в статье, из общего массива была сформирована подвыборка молодёжи, соответствующая законодательным возрастным критериям² (нижняя возрастная граница смещена до 18 лет, так как участие лиц младшего возраста в опросе исключалось). Объём анализируемой выборки составил 564 человека в возрасте от 18 до 35 лет (32% общей выборки, что соответствует доле данной группы в генеральной совокупности). Структура выборочной совокупности представлена в таблице 1.

Выделенные в таблице 1 социально-демографические характеристики с незначительной долей погрешности (до 5%) отражают не только половозрастную структуру генеральной совокупности (население от 18 до 35 лет 13 городов-миллионников РФ), но и социальную структуру молодёжи РФ в целом. Так, доля

¹ Авторы статьи являются исполнителями проекта.

² Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. 2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 03.05.2025).

Таблица 1

Структура анализируемой выборочной совокупности

Показатель		Количество, чел.	Доля, %
Пол	Мужчины	214	38
	Женщины	350	62
Уровень образования	Общее среднее	126	22
	Среднее профессиональное и незаконченное высшее	192	34
	Высшее	246	44
Статус занятости	Работают по найму	236	42
	Работают «на себя» (ИП, самозанятый, фрилансер)	72	13
	Студент дневного отделения	213	38
	Не учатся и не работают*	39	7

*Примечание: сумма опрошенных по статусу занятости указана за минусом четырёх респондентов, не давших ответа

обучающихся на дневном отделении среди молодёжи близка к статистическим данным по стране (около 40%)¹. Распределение молодёжи по уровню образования в выборке почти соответствует общероссийскому: общее среднее – 24% от всех молодых людей, среднее профессиональное – 36%, высшее – 40%². Незначительное смещение выборки не оказывает существенного влияния на достоверность результатов. Для минимизации искажений в анализе были учтены ключевые социально-демографические параметры, что позволяет считать полученные выводы репрезентативными в рамках исследовательских задач.

Поведенческие модели обеспечения личной безопасности выстраивались на основе оценок молодёжи соответствия или несоответствия предложенных утверждений их поведенческим практикам и установкам в сфере личной безопасности. Респонденты не ограничивались в количестве выборов суждений, полный список которых представлен в таблице 2. Субъективная оценка личной безопасности (состояния защищённости) формировалась за счёт ответов респондентов на вопрос: «Можно ли сказать, что Вы себя чувствуете в полной безопасности?» Для оценки самооэффективности молодёжи в данной сфере, то есть их уверенности в способности противостоять угрозам, использовались утверждения, требующие выражения степени согласия: «Оцените высказывания: Я считаю, что мои действия могут значительно повысить мою личную безопасность; Я уверен(а), что могу защитить себя и своих близких в случае необходимости», демонстрирующее осознание личной роли и веры в собственные

¹ Труд и занятость в России. 2023 : Стат. сб. М. : Росстат, 2023. 180 с.

² Образование в цифрах 2023 : краткий стат. сб. / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

силы в обеспечении безопасности своей и близких. Ответы фиксировались по 5-балльной интервальной шкале, где 1 соответствовал минимальному ощущению или уровню согласия, а 5 – максимальному. Согласованность переменных проверена с помощью коэффициента альфа Кронбаха = 0,7.

Для обработки и анализа данных использовалась программа SPSS Statistics. В качестве методов анализа применялись дескриптивная статистика, сравнение средних, корреляционный анализ и расчёт отношения шансов. Кроме этого, с целью углубления анализа были задействованы методы многомерного анализа (факторный, кластерный и регрессионный анализ).

Результаты и дискуссия

Поведенческие установки и практики в сфере личной безопасности.

К основным практикам обеспечения личной безопасности опрошенной в ходе исследования молодёжи можно отнести социально приемлемое поведение (89% стараются быть доброжелательными и вежливыми со всеми и 70% избегают конфликтов и споров) и социальную настороженность (более 80% отметили, что всегда закрывают двери и окна в своём доме и никогда не откроют дверь незнакомцу). При этом 40% респондентов пренебрегают правилами не ходить в одиночку в тёмное время суток и избегать опасных районов, учитывая, что средства для самообороны (газовый баллончик, электрошокер и т. д.) имеют менее 20% опрошенных. И всё же женщины почти в 2 раза чаще избегают опасных районов ($OR = 2,228$ с 95% ДИ 1,573–3,157¹) и закрывают двери на все замки, даже если выходят ненадолго ($OR = 1,791$ с 95% ДИ 1,185–2,705). Примечательно, что практика «избегание опасных районов» также зависит от уровня образования (ρ -Спирмена = 0,170, при $p < 0,001$): молодые люди с высшим образованием демонстрируют бóльшую склонность к избеганию. Здесь стоит пояснить, что оценка угроз часто сопряжена с субъективной оценкой риска, которая включает в себя не только оценку тяжести последствий реализации какого-либо фактора, но и вероятность реализации [16]. Возможно, молодёжь недооценивает факторы риска, предполагая низкую вероятность возникновения каких-либо угроз, что приводит к игнорированию профилактических мер безопасности, особенно со стороны мужчин.

Касаясь установок в отношении обеспечения личной безопасности, участвовавшая в опросе молодёжь считает, что важно: а) быть бдительным и осторожным, чтобы избежать опасности (82% опрошенных); б) иметь позитивный настрой, т. е. не думать о неприятностях (70%); в) уметь общаться, так как это помогает избежать многих проблем (68%). И только половина опрошенных разделяет мнение о том, что соблюдение законов является гарантией безопасности. Также важно отметить, что основная доля молодёжи в вопросах безопасности всё же ориентируется на свою самооценку, а не надеется

¹ Здесь и далее означает: OR – Odds Ratio, отношение шансов; ДИ – доверительный интервал, в котором с вероятностью 95% находится истинное значение OR.

на везение. В ходе корреляционного анализа было установлено, что мужчины примерно в 2 раза реже проявляют социальную настороженность, чем женщины ($OR = 0,558$ с 95% ДИ 0,370–0,844). Вероятно, это связано с переоценкой своих возможностей в сфере обеспечения безопасности или стереотипами о маскулинности. Других значимых корреляций практик и установок с социально-демографическими характеристиками обнаружено не было, т. е. полученные выводы характерны для опрошенной молодёжи в целом.

Поведенческие модели обеспечения личной безопасности. Указанные выше практики и установки послужили основой разведочного факторного анализа с использованием метода главных компонент и вращения Варимакс для выявления и описания моделей поведения в сфере безопасности на выборке российской молодёжи городов-миллионников. Пригодность полученных в результате анализа данных подтверждается значением меры адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (0,754), а значимость критерия сферичности Бартлетта ($p < 0,001$) свидетельствует о весомых корреляциях между переменными. Все показатели, за исключением «избегаю опасных районов», продемонстрировали достаточные факторные нагрузки без перекрёстных связей (см. табл. 2).

Таблица 2

*Поведенческие модели обеспечения личной безопасности,
 результаты факторного анализа*

Модели	Суждения, соответствующие поведенческим установкам и практикам в сфере обеспечения личной безопасности	Факторная нагрузка	Объяснительная дисперсия фактора, %
а) Контроль социальных взаимодействий	Я стараюсь избегать конфликтов и споров	0,525	14,5
	Я верю в то, что важно быть бдительным и осторожным, чтобы избежать опасности	0,623	
	Я считаю, что моё умение общаться помогает избежать многих проблем	0,697	
б) Контроль физической среды	Я всегда закрываю дверь на все замки, даже если выхожу ненадолго	0,732	7,5
	Я никогда не открою дверь незнакомцу, не спросив, кто он	0,504	
	Избегаю опасных районов	0,372	
в) Использование специальных средств и знаний	Установил(а) сигнализацию в квартире/доме	0,581	5,8
	Имею средства самообороны (газовый баллончик, электрошокер и т. д.)	0,662	
	Я стараюсь знать номера телефонов экстренных служб наизусть	0,475	
	Избегаю опасных районов	-0,352	

продолжение таблицы 2

Модели	Суждения, соответствующие поведенческим установкам и практикам в сфере обеспечения личной безопасности	Факторная нагрузка	Объяснительная дисперсия фактора, %
г) Позитивное мышление	Я редко задумываюсь о плохом, предпочитаю наслаждаться жизнью	0,619	7,5
	Я считаю, что всё будет хорошо, зачем думать о плохом	0,809	
	Я предпочитаю не думать о неприятностях, это помогает мне	0,787	
д) Осведомлённость с институциональной зависимостью	Я обычно доверяю полиции и другим правоохранительным органам	0,684	7,3
	Внимательно слежу за новостями о преступности в своём районе	0,446	
	Я стараюсь быть в курсе новостей о происшествиях в моём городе/районе	0,597	
	Я считаю, что соблюдение мною законов – лучшая гарантия безопасности	0,680	
е) Фаталистическое отношение к своей безопасности	В конечном итоге от меня мало что зависит, когда дело касается защиты от преступности	0,698	5,5
	В трудной ситуации я скорее надеюсь на везение, чем на чью-то помощь	0,744	
ж) Социальная вовлечённость	Я стараюсь не ходить в одиночку в тёмное время суток	0,754	6,2
	Я сообщаю близким, куда иду и когда планирую вернуться	0,718	
з) Соблюдение социально-правовых норм	Соблюдаю правила дорожного движения	0,596	5,8
	Я стараюсь поддерживать хорошие отношения с соседями	0,594	
	Я стараюсь быть доброжелательным и вежливым со всеми	0,676	

В результате факторного анализа (см. табл. 2) были определены 8 поведенческих моделей обеспечения личной безопасности: а) контроль социальных взаимодействий; б) контроль физической среды; в) использование специальных средств и знаний для защиты от внешних угроз; г) позитивное мышление (избегание угроз в своём восприятии); д) осведомлённость с институциональной зависимостью (перекладывание ответственности за обеспечение безопасности на социальные институты); е) фаталистическое отношение к своей безопасности (вера в предопределённость и неконтролируемость угроз); ж) социальная вовлечённость; з) соблюдение социально-правовых норм. Индикаторы внутри

каждой модели показывают удовлетворительную согласованность (значение Альфа Кромбаха составляет от 0,5 до 0,7). Примечательно, что переменная «избегаю опасных районов» относительно модели В – «Использование специальных средств и знаний» – имеет обратную связь. Это можно трактовать так: респонденты, реализующие эту модель поведения, определяют свой район проживания как опасный, принимают это как данность, поэтому используют различные средства защиты.

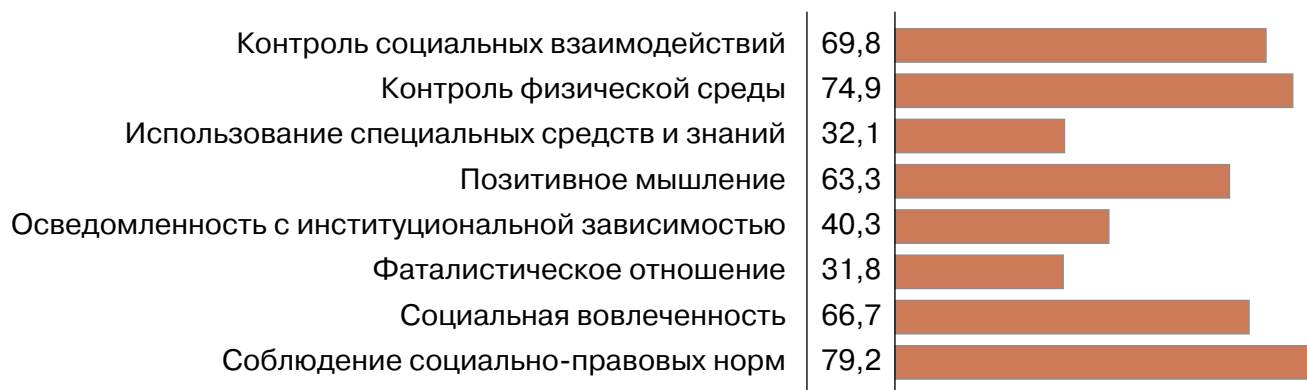

Рис. 1. Распространённость поведенческих моделей обеспечения личной безопасности российской молодёжью, проживающей в Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, 2025 г., %¹

Распространённость поведенческих моделей обеспечения личной безопасности российской молодёжью представлена на рисунке 1. Подавляющая часть молодых людей предпочитает для сохранения жизни и здоровья от внешних угроз соблюдать социально-правовые нормы (79%) и контролировать физическую среду (75%). Меньше всего (32%) верят в предопределённость и неконтролируемость угроз. В целом полученные данные говорят о том, что представители молодого поколения готовы брать на себя ответственность и предпринимать различные действия в сфере обеспечения личной безопасности. Данный вывод укладывается в теорию У. Бека, где самостоятельность становится важным вектором в условиях «общества риска», когда коллективные действия и социальные институты не успевают оперативно реагировать на современные вызовы и перестраиваться в соответствии с ними [17].

Типология поведенческих моделей обеспечения личной безопасности.

Указанные модели были распределены в три типологические группы (см. рис. 2).

Первая группа – это проактивные модели с проявлением личных усилий и ответственности в обеспечении собственной безопасности. Вторая группа – адаптивные модели с ориентацией на внешние системы, т. е. передача ответственности за обеспечение своей безопасности другим субъектам рискогенного пространства. Третью группу составляют пассивные модели, подразумевающие избегание или игнорирование угроз в своём восприятии. Содержательно последняя группа хорошо раскрывается в теории пассивной

¹ Вопрос давал возможность выбора нескольких ответов.

Группы моделей		Проактивная	Адаптивная	Пассивная
Локус контроля		Внутренний	Внешний «субъектный»	Внешний «внесубъектный»
Модели поведения	Контроль социальных взаимодействий	Осведомленность с институциональной зависимостью	Позитивное мышление	
	Контроль физической среды	Социальная вовлеченность	Фаталистическое отношение к своей безопасности	
	Использование специальных средств и знаний	Соблюдение социально-правовых норм		
		59%	62%	48%

Рис. 2. Типология поведенческих моделей обеспечения личной безопасности и их распространённость среди молодёжи городов Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, 2025 г., %

адаптации Е. В. Шлыковой [18]. Данные группы можно ранжировать в зависимости от локуса контроля индивида в вопросах обеспечения безопасности. Первая группа – это демонстрация внутреннего локуса контроля, вторая группа – внешнего «субъектного», третья – внешнего «внесубъектного», что появляется в ответ на дефицит доверия к социальным институтам и осознание неконтролируемости угроз. Это приводит к отсутствию веры в способность управлять рисками и угрозами и, как следствие, к отказу от возложения ответственности в вопросах безопасности на каких-либо субъектов [19].

Несмотря на осознание личной роли в обеспечении собственной безопасности, адаптивные модели с ориентацией на внешние системы оказались среди молодёжи самыми распространёнными (см. рис. 2). Опора на другие субъекты в вопросах безопасности у молодых людей, с одной стороны, может помогать им компенсировать недостаток личных ресурсов и снижать нагрузку ответственности за принятие решений в этой сфере. Такое объяснение является близким к идее социального капитала, которая описывает значимость социальных связей для получения различных ресурсов в разных сферах жизнедеятельности [20]. С другой стороны, ориентация на внешние системы в вопросах сохранения жизни и здоровья может быть показателем восприятия безопасности в сознании молодёжи как «совместного проекта», а не индивидуальных решений.

Субъективные оценки состояния защищённости и самоофективности в сфере обеспечения личной безопасности. В результате исследования

было установлено, что молодёжь, проживающая в российских городах-миллионниках Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, демонстрирует умеренно высокое субъективное состояние защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам (см. табл. 3). На основании результатов применения критерия равенства дисперсий Ливиня ($p < 0,05$) можно говорить о статистически значимых различиях в средних значениях у мужчин и женщин. Мужчины дают более высокие оценки относительно своей безопасности и самоэффективности в данной сфере. Также образованность респондента коррелирует с уверенностью в собственных силах противостоять угрозам (r -Спирмена = $-0,161$, при $p < 0,001$). Наблюдается тенденция к снижению уверенности по мере повышения уровня образования.

Таблица 3

Субъективные оценки молодыми мужчинами и женщинами состояния защищённости и самоэффективности в сфере личной безопасности в городах Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, 2025 г., средние значения

Оценки		Эмпирический индикатор	Всего	Муж.	Жен.
1. Субъективная оценка безопасности		Чувствуют себя в полной безопасности	3,46	3,62	3,36
2. Самоэффективность в сфере личной безопасности	2.1. Осознание личной роли	Считают, что их действия могут значительно повысить личную безопасность	3,87	4,12	3,71
	2.2. Вера в собственные силы	Уверены, что могут защитить себя и своих близких в случае необходимости	3,35	3,64	3,17

Взаимосвязь субъективных оценок защищённости и самоэффективности с поведенческими моделями обеспечения личной безопасности. Для изучения того, как выявленные модели «сочетаются» между собой в реальном поведении опрошенных молодых горожан для защиты от различных угроз и связаны с субъективными оценками защищённости и самоэффективности в сфере личной безопасности, был проведён иерархический кластерный анализ методом Уорда. В результате анализа было выделено 7 социальных «типов» личной безопасности с прогностической способностью в 78%, которая подтверждена дискриминантным анализом. На основе данных можно заметить интересные закономерности. Во-первых, в сознании молодёжи фиксируется группа «обязательных» практик, которые реализуются при любом типе личной безопасности и устойчиво коррелируют с высоким уровнем самоэффективности молодёжи в этой сфере, – это контроль физической среды, а именно: закрытие дверей на замки и знание телефонов экстренных служб.

Во-вторых, в различных типах личной безопасности высокая самооценка безопасности и эффективности в этой сфере сопровождается социальной

вовлечённостью и нормативным поведением. Молодые люди, которым это не свойственно (самая маленькая по объёму группа – 40 чел.), в большей степени склонны к рискованным действиям: они готовы открывать двери незнакомцам, не избегают опасных зон и конфликтов. Возможно, низкая социальная включённость ведёт к ограниченности различных ресурсов, поэтому данная группа плохо информирована о потенциальных угрозах.

В-третьих, две самые многочисленные группы (133 и 118 чел.) реализуют совершенно противоположные типы безопасности. Первая группа проявляет внутренний локус контроля и делает упор на обеспечение безопасности с помощью собственных усилий – управление социальными отношениями и физическим пространством. Вторая группа сочетает пассивную адаптацию с опорой на социальные институты (в частности – правоохранительные органы) в вопросах сохранения жизни и здоровья. Поведение второй группы в отношении обеспечения личной безопасности может быть следствием двух причин. Первая причина – это патернализм со стороны государства, который усиливает экстернальный локус контроля в вопросах безопасности [21], в том числе и для молодёжи. Вторая причина – это отголоски концепции «иллюзии неуязвимости» [22]. Другие исследования в этой области [23] показывают, что для обеспечения безопасности молодым людям достаточно психологической устойчивости (сохранение спокойствия и внимательности) перед угрозами, без практических мер защиты, которые опять же, по мнению опрошенной молодёжи, обязаны реализовывать другие субъекты.

На основе сравнения средних значений через критерий равенства дисперсий Ливиня при $p < 0,05$ установлено, что пассивное поведение молодёжи во второй группе приводит к более выраженному ощущению безопасности и самоэффективности, нежели активные действия. Однако данные в приближении дают основания говорить о том, что ощущение безопасности и модели поведения указанных выше двух групп имеют двухстороннюю (симметричную) связь: субъективная оценка безопасности «усиливает» поведение, которое, в свою очередь, повышает само ощущение безопасности (d -Сомерса = 0,2 при $p < 0,001$). Рассматривая эту закономерность через регрессионный анализ пошаговым методом, обнаруживается, что при схожих обстоятельствах ощущение безопасности будет выше у тех, кто реализует проактивные модели по сохранению жизни и здоровья (4,074 против 3,804). Это позволяет предположить, что надежда на социальные институты в вопросах обеспечения безопасности в сочетании с позитивным мышлением может создавать иллюзорное чувство защищённости, которое не всегда соответствует реальным рискам.

Заключение

Анализ результатов проведённого исследования позволяет утверждать, что молодёжь, проживающая в российских городах-миллионниках Новосибирске, Нижнем Новгороде и Перми, демонстрирует умеренно высокий уровень

ощущения безопасности и уверенности в своей способности защитить себя, несмотря на высокие риски городского пространства. Среди различных моделей поведения в сфере безопасности респонденты предпочитают адаптивные модели с ориентацией на поддержку внешних систем. Проактивные модели, которые сильнее обуславливают ощущение безопасности, проявляются в меньшей степени: молодые люди игнорируют даже базовые меры предосторожности, например – ходят в одиночку в тёмное время суток без средств самообороны. Также часть респондентов – молодых горожан, вошедших в выборку городов-миллионников – реализует пассивные модели, хотя они лишь создают иллюзию безопасности. Определены различия в зависимости от пола и уровня образования. Мужчины демонстрируют более высокую субъективную оценку безопасности, хотя реже прибегают к реализации мер предосторожности. Более образованные молодые люди лучше анализируют риски, что снижает иллюзию контроля и, соответственно, повышает осознание уязвимости. Поиск причин безопасного и небезопасного поведения молодёжи может служить основой для дальнейших исследований в этой области.

Предложенный авторами статьи подход к измерению состояния личной безопасности и способов её обеспечения показывает достаточно высокую объяснительную способность и практическую значимость. В рамках данного подхода была предпринята попытка преодоления традиционного противопоставления субъективных и объективных аспектов личной безопасности, показана связь субъективных оценок и поведения индивида в этой сфере в зависимости от этой оценки.

Результаты исследования могут оказаться полезными для разработки механизмов обеспечения личной безопасности молодёжи, особенно в условиях повышенных рисков в городах-миллионниках. Стоит развивать у молодого поколения активные модели поведения в сфере безопасности, т. е. обучать базовым правилам и навыкам безопасности, использованию специальных средств защиты. Полученные данные позволяют утверждать, что эффективными мерами могут оказаться укрепление институтов гражданского общества и поощрение государством сотрудничества в вопросах безопасности, а не только упор на индивидуальные действия молодых людей. Кроме этого, рекомендуется в образовательных учреждениях внедрять занятия по оценке вероятности угроз и управлению рисками, корректирующие «пассивные» установки молодёжи в сфере обеспечения безопасности и развенчивающие миф о «неуязвимости» молодых людей в крупных городах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Дашкин И. И.* Социодинамика положения молодёжи в обществе риска // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 48–52. DOI [10.24158/spp.2019.3.6](https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.6). EDN [ZAQIUH](https://www.edn.ru/ZAQIUH).
2. *Vilchez M., Trujillo F.* The Perception of Security and Youth: A Practical Example // Social Sciences. 2023. Vol. 12, № 4. P. 227. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/4/227> (дата обращения: 04.06.2025).

3. Milić M., Vlačić R., Križanić V. Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students // *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019. № 2. P. 177–203. DOI [10.31299/ksi.27.2.2](https://doi.org/10.31299/ksi.27.2.2).
4. Шлыкова Е. В. Социальное настроение молодёжи в условиях повседневных рисков мегаполиса // *Россия реформирующаяся : ежегодник*. 2017. № 15. С. 395–418. EDN [ZFBFJ](https://elibrary.ru/zfbefj).
5. Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 3. С. 56–75. DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993). EDN [MAKRVJ](https://elibrary.ru/makrvj).
6. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Персональные концепции безопасности студентов-юристов // *Психология и право*. 2023. Т. 13, № 3. С. 108–118. DOI [10.17759/psylaw.2023130308](https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308). EDN [VBQFRQ](https://elibrary.ru/vbqfrq).
7. Blazsin H., Guldenmund F. The social construction of safety: Comparing three realities // *Safety Science*. 2015. Vol. 71. P. 16–27. DOI [10.1016/j.ssci.2014.06.001](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.06.001).
8. Зинченко Н. И. Личная безопасность как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2007. № 2 (274). С. 137–140. EDN [HYUXQJ](https://elibrary.ru/hyuxqj).
9. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture. An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1982.
10. Bandura A. Exercise of personal and collective efficacy in changing societies // *Self-efficacy in changing societies* / A. Bandura (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 1–45.
11. Веркеев А. М. Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. Т. 24, № 3. С. 169–192. DOI [10.31119/jssa.2021.24.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8). EDN [LATCOP](https://elibrary.ru/latscop).
12. Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодёжи как субъективное восприятие рисков // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 4. С. 57–70. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6). EDN [NVBYMM](https://elibrary.ru/nvbymm).
13. Young people's leisure and safety: an international perspective / M. Banhidi, M. Shahzeidi, M. J. Malema [et al.] // *International leisure review*. 2020. № 9 (1). P. 48–65. DOI [10.6298/ILR.202006_9\(1\).0003](https://doi.org/10.6298/ILR.202006_9(1).0003).
14. Khairova S. I. Social competence as the basis for safe behavior of adolescents // *Conference: International Scientific Congress «KNOWLEDGE, MAN AND CIVILIZATION»*. 2021. P. 744–754. DOI [10.15405/epsbs.2021.05.102](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.102).
15. Сорокина Л. А. О состоянии готовности подростков к безопасному поведению в повседневной жизни // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2011. № 3. С. 70–74. EDN [NUINRD](https://elibrary.ru/nuinrd).
16. Luria P., Perkins C., Lyons M. Health risk perception and environmental problems: findings from ten case studies in the North west of England. Liverpool, 2009. 70 p.
17. Усманов Г. Р. Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ // *Вестник экономики, права и социологии*. 2024. № 2. С. 247–250. EDN [TGACSF](https://elibrary.ru/tgacsf).
18. Шлыкова Е. В. Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации // *Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся»*. 2016. № 2. С. 1–15. EDN [WBYCWN](https://elibrary.ru/wbycwn).
19. Chien P. M., Sharifpour M., Ritchie B. W., Watson B. Travelers' Health Risk Perceptions and Protective Behavior: A Psychological Approach // *Journal of Travel Research*. 2017. Vol. 56, № 6. P. 744–759. DOI [10.1177/0047287516665479](https://doi.org/10.1177/0047287516665479).
20. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; пер. с англ. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.

21. Шабунова А. Здоровьесбережение: баланс ответственности государства и личности // Оздоровление городской среды. 2022. № 1. С. 96–101. DOI [10.24412/cl-37030-2022-1-96-101](https://doi.org/10.24412/cl-37030-2022-1-96-101).
22. Harris A. J., Hahn U. Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note // Psychological Review. 2011. Vol. 118, № 1. P. 135–154. DOI [10.1037/a0020997](https://doi.org/10.1037/a0020997).
23. Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Ляхов А. В. Психологические корреляты бытовых практик безопасности молодёжи // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 1. е18. EDN [ORPJJO](https://orcid.org/0000-0002-5398-2891).

Сведения об авторах

С. Ю. Шарыпова

кандидат социологических наук,
доцент, научный сотрудник
SPIN-код: [4286-7557](https://orcid.org/0000-0003-3519-8531)

А. С. Шляпина

ассистент, научный сотрудник
SPIN-код: [2221-8878](https://orcid.org/0000-0002-5398-2891)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.2)

PERSONAL SAFETY OF YOUNG PEOPLE IN A MILLION-PLUS CITY: ANALYSIS OF BEHAVIORAL PATTERNS

Sofya Yurievna Sharypova ¹

Anastasiya Sergeevna Shlyapina ²

^{1, 2} Perm State National Research University,
Perm, Russia,

¹ sonia.eliseeva@bk.ru,

ORCID [0000-0003-3519-8531](https://orcid.org/0000-0003-3519-8531)

² shlyapina.psu@mail.ru,

ORCID [0000-0002-5398-2891](https://orcid.org/0000-0002-5398-2891)

For citation: Sharypova S. Yu., Shlyapina A. S. Personal safety of young people in a million-plus city: analysis of behavioral patterns. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):35–52. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.2).

Abstract. The relevance of the study is due to the social demand for the analysis of behavioral preferences of young people in the field of personal safety in cities with a population of over one million in order to justify the feasibility of including this aspect in government programs. The empirical basis of the study is the data of a formalized survey conducted in 2025 among young people aged 18–35 living in Perm, Nizhny Novgorod and Novosibirsk. It was found that

young people have a moderately high subjective level of security and their own capabilities to resist threats. Based on the factor analysis, 8 behavioral models of ensuring personal security were identified, which were typologized into three groups: 1) proactive models with the manifestation of personal efforts and responsibility in ensuring their own safety – 59% of respondents in this group; 2) adaptive models with a focus on external systems, i. e. transfer of responsibility for ensuring their safety to other subjects of the risky space – 62% of respondents; 3) passive models, implying avoidance or ignoring threats in their perception – 45% of respondents. It was revealed that young people have a set of universal protective measures related to control of the physical environment, which are implemented even when ignoring other rules. In addition, young people actively combine models: ignoring threats in personal perception is enhanced by shifting responsibility for ensuring security to social institutions. It was found that passive models, although they determine an increased sense of security, but this feeling is rather illusory. Reliance of young people on social mechanisms indicates a demand for increased attention and the role of social institutions and the public in the field of youth safety in modern large cities. There are differences depending on gender and level of education: women and respondents with higher education tend to use a wider range of protective measures, while men have a much narrower set. The obtained results allow us to substantiate the need to revise the state approach to the formation of a culture of youth safety, paying attention to socio-demographic characteristics, illusory attitudes and the integration of social capital into protection mechanisms.

Keywords: personal safety, subjective assessment, self-efficacy, behavioral models, youth, million-plus cities

Acknowledgements: the current research was performed under the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) grant No. 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>.

REFERENCES

1. Dashkin I. I. Sociodynamics of the situation of youth in a risk society. *Society: sociology, psychology, pedagogy*=*Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2019;(3):48–52. (In Russ). DOI [10.24158/spp.2019.3.6](https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.6).
2. Vílchez M., Trujillo F. The perception of security and youth: a practical example. *Social Sciences*. 2023;12(4):e227. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/4/227> (accessed: 04.06.2025).
3. Milić M., Vlajčić R., Križanić V. Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students. *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019;(2):177–203. DOI [10.31299/ksi.27.2.2](https://doi.org/10.31299/ksi.27.2.2).
4. Shlykova E. V. Social mood of young people in the conditions of everyday risks of a metropolis. *Russia in transition*=*Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik*. 2017;(15):395–418. (In Russ.).
5. Shlykova E. V. Subjective assessment of personal safety as an indicator of adaptation to a risky environment. *Sociological Journal*=*Sociologicheskij zhurnal*. 2018;(3):56–75. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993).
6. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Personal security concepts of law students. *Psychology and Law*=*Psixologiya i pravo*. 2023;13(3):108–118. (In Russ.). DOI [10.17759/psylaw.2023130308](https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308).

7. Blazsin H., Guldenmund F. The social construction of safety: comparing three realities. *Safety Science*. 2015;71:16–27. DOI [10.1016/j.ssci.2014.06.001](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.06.001).
8. Zinchenko N. I. Personal security as an object of sociological analysis [Lichnaya bezopasnost' kak ob'ekt sociologicheskogo analiza]. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2007;2(274):137–140. (In Russ.).
9. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture. An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles: University of California Press; 1982.
10. Bandura A. Exercise of personal and collective efficacy in changing societies. In: A. Bandura (ed.) *Self-efficacy in changing societies*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. P. 1–45.
11. Verkeev A. M. Inequality in the perception of (u)street safety in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2021;24(3):169–192. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2021.24.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8).
12. Didkovskaya Ya. V., Vishnevskij Yu. R., Zyrjanova O. B. Social security of student youth as a subjective perception of risks. *Research Result. Sociology and management=Nauchnyj rezultat. Sociologiya i upravlenie*. 2022;8(4):57–70. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6).
13. Banhidi M., Shahzeidi M., Malema M. J. [et al.]. Young people's leisure and safety: an international perspective, *International leisure review*. 2020;9(1):48–65. DOI [10.6298/ILR.202006_9\(1\).0003](https://doi.org/10.6298/ILR.202006_9(1).0003).
14. Khairova S. I. Social competence as the basis for safe behavior of adolescents. In: Conference: International scientific congress “Knowledge, man and civilization”. 2021. P. 744–754. DOI [10.15405/epsbs.2021.05.102](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.102).
15. Sorokina L. A. On the state of readiness of adolescents for safe behavior in everyday life. *Innovative projects and programs in education=Innovacionny'e proekty' i programmy' v obrazovanii*. 2021;(3):70–74. (In Russ.).
16. Luria P., Perkins C., Lyons M. Health risk perception and environmental problems: findings from ten case studies in the North west of England. Liverpool, 2009. 70 p.
17. Usmanov G. R. The concept of Ulrich Beck's “risk society”: a theoretical analysis. *Bulletin of Economics, Law and Sociology=Vestnik e'konomiki, prava i sociologii*. 2024;(2):247–250. (In Russ.).
18. Shlykova E. V. Attitude to risk as a differentiating factor in choosing the method of forced adaptation. *Satellite of the Russia in transition=Sputnik ezhegodnika “Rossiya reformiruyushayasya”*. 2016;(4):1–15. (In Russ.).
19. Chien P. M., Sharifpour M., Ritchie B. W., Watson B. Travelers' health risk perceptions and protective behavior: a psychological approach. *Journal of Travel Research*. 2017;56(6):744–759. DOI [10.1177/0047287516665479](https://doi.org/10.1177/0047287516665479).
20. Putnam R. To make democracy work. Civic traditions in modern Italy [Chtoby' demokratiya srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii]. Ed. by A. Zakharov. Moscow: Ad Marginem, 1996. 287 p. (In Russ.).
21. Shabunova A. Health protection: balance of responsibility of the state and the individual. *Improving the urban environment=Ozdorovlenie gorodskoj sredy'*. 2022;(1):96–101. (In Russ.). DOI [10.24412/cl-37030-2022-1-96-101](https://doi.org/10.24412/cl-37030-2022-1-96-101).
22. Harris A. J., Hahn U. Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note. *Psychological Review*. 2011;118(1):135–154. DOI [10.1037/a0020997](https://doi.org/10.1037/a0020997).
23. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G., Lyakhov A. V. Psychological correlates of everyday youth safety practices. *World of Science. Pedagogy and Psychology=Mir nauki. Pedagogika i psixologiya*. 2022;10(1):1–12. (In Russ.).

Information about the Authors

S. Yu. Sharypova

Candidate of Sociology,
Associate Professor, Research Associate
Scopus Author ID: **57207856816**

A. S. Shlyapina

Assistant, Research Associate

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.3

EDN: JLTMZQ

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ТРАДИЦИОННЫМИ И ИННОВАЦИОННЫМИ УСТАНОВКАМИ

Александр Лазаревич Темницкий

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

МГИМО МИД РОССИИ,

Москва, Россия

taleksandr@list.ru,

ORCID 0000-0002-5275-7457

Для цитирования: Темницкий А. Л. Формирование индивидуального оптимизма работающего населения России во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 53–76. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.3. EDN JLTMZQ.

Аннотация. В статье даётся обоснование и диагностика подхода к формированию индивидуального оптимизма российских работников во взаимосвязи с их традиционными и инновационными ценностными установками. На примерах обращения к истории показывается, что оптимизм социального настроения, формируемый на доверии к новым идеям и политическим программам, имеет неустойчивый характер. Обращение к феномену индивидуального оптимизма, который чаще всего связывается исследователями с оценками перспектив изменений в своём материальном положении и получил название экономический оптимизм, дополняется включением в анализ таких его видов, как эмоциональный и гражданский. Проблема исследования формулируется посредством постановки главного исследовательского вопроса: могут ли традиционные установки работающего населения России рассматриваться как действенные и надёжные факторы формирования оптимизма в сравнении с инновационными установками при условии их взаимосвязи с признаками самодостаточности работников? Для эмпирического ответа на поставленный вопрос используется база данных мониторинговых исследований, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2011, 2017, 2021 и 2023 гг. Методологическое решение поставленной проблемы опирается на вычисление типологических категорий работников, раскрывающих особенности связей традиционных/инновационных установок и установок на самодостаточность / зависимость от государства. Результаты анализа показали, что определяющий вклад в формирование оптимизма по-прежнему вносят оценки перспектив изменений в своём материальном положении. Оценки эмоционального настроения по отношению к настоящему времени не могут рассматриваться как самостоятельный фактор формирования оптимизма, так как они во многом зависят от материального

положения и перспектив его улучшения. Гражданский оптимизм, измеряемый посредством показателя возможности выражать свои политические взгляды, является собирательным результатом всевозможных форм влияния, которые работники способны оказывать в своей повседневной жизни. Проведённый анализ позволяет с высокой долей вероятности говорить о конструктивной роли традиционных установок работающего населения России в процессе формирования оптимизма при условии, что они будут дополняться признаками самодостаточности. Работники, названные нами самодостаточными традиционалистами, ничем не уступают по показателям экономического оптимизма самодостаточным инноваторам и явно опережают их по показателям эмоционального и гражданского оптимизма по данным исследования 2023 года.

Ключевые слова: индивидуальный оптимизм, традиционные и инновационные установки, ценности, самодостаточность, зависимость, наёмные работники

Постановка проблемы и методология исследования

Социальный оптимизм, который чаще всего ассоциируется с ожиданием благоприятного развития событий, верой в свои силы справиться с имеющимися и возможными трудностями, верой в лучшее будущее, является одной из важнейших ценностей не только для отдельного человека, но и для всего общества. И чем больше в социальном настроении общества тревожности и неопределённости, тем больше предпосылок, чтобы предполагать факт наличия своего рода запроса на оптимизм.

Предыдущие исследования показывают, что росту социального оптимизма населения современной России в большей мере способствуют внешние по отношению к личности, контекстуальные факторы, которые в целом имеют политическую окраску. К ним относят: лояльность к власти и готовность её поддержать [1]; конформистскую позицию в отношении к институтам власти, к проводимой ею политике [2, с. 32]; оправдание социальной системы; доверие к государству и институтам гражданского общества [3, с. 28]. В целом, как утверждается, социальный оптимизм формируется при определённых внутренних условиях, создаваемых и поддерживаемых конструктивной государственной политикой [4, с. 160].

Отсюда можно сделать первый предварительный вывод, что факторы деятельности, активной жизненной позиции личности, достигнутые результаты уступают контекстуальным в формировании оптимизма.

Обращение к истории показывает, что оптимизм социального настроения, выстраиваемый на доверии к новым идеям и политическим программам, на вере в лучшее будущее, имеет характер «качелей». После небольшого по времени периода эйфории и энтузиазма наступает период беспокойства и разочарований. Так было в первые годы советской власти, когда абсолютное большинство рабочих и крестьян увидели в большевиках «свою» власть, которой можно доверять и с удовольствием подчиняться, а затем на всём протяжении советского периода институтам власти необходимо было идеологически и административно поддерживать и укреплять трудовую дисциплину, чтобы трансформировать оптимизм настроения в атмосферу производительного труда. Так

было и в период послевоенного и зрелого социализма. Характеризуя массовое сознание россиян начала 1960-х гг., Б. Грушин отмечает, что советский народ в общем и в целом был на подъёме. Одним из его оснований являлась высокая мера удовлетворённости своей текущей жизнью, другое основание – не менее высокая мера оптимизма людей при взгляде в будущее. Широкая программа роста народного благосостояния давала твёрдую уверенность в том, что всё идёт к лучшему. Большинство молодых людей имели цели в жизни и были уверены в том, что эти цели будут достигнуты [5, с. 538]. Однако в книгах Б. Грушина, посвящённых эпохе Брежнева, уже не приводятся факты наличия оптимизма. Зато в рубрике «Эмоционально-психологическое состояние масс» даются указания на неудовлетворённость людей своей жизнью, нарастающее беспокойство по поводу завтрашнего дня. От вчерашней уверенности в том, что «всё идёт к лучшему», не осталось и следа [6, с. 867].

Всплеск оптимизма и зародившаяся вера в лучшее будущее в начальный период «горбачевской» перестройки (1985–1987 гг.) к её окончанию (1991 г.) завершились крахом надежд на хотя бы частичное улучшение жизни. Произошёл классический разрыв между ожиданиями людей и реальностью, во многом потому, что за годы перестройки не удалось поднять реальный жизненный уровень людей [7].

В начальный период либеральных реформ в 1990-е гг. декларировалось, что превращение работников в совладельцев средств производства (через аренду, владение акциями, создание народных и других форм предприятий) даст им возможность почувствовать себя подлинными хозяевами. Это породило новые чаяния и надежды, особенно среди шахтёров, которых справедливо называли элитой рабочего класса. Их основными характерными чертами в это время являлись дух активизма, энтузиазм, вера в лучшую жизнь, абсолютная решимость биться против реставрации тоталитарной власти [8, с. 35]. Однако уже к 1994 году, когда процесс приватизации предприятий в основном завершился, стало ясно, что в реальности произошло перераспределение собственности в пользу руководства, а рабочие оказались среди проигравших.

Все эти факты раскрывают признаки социального оптимизма как компоненты массового настроения больших групп людей, формируемого под влиянием политических нововведений сверху.

Применительно к настоящему времени социальный оптимизм чаще всего «привязывается» и измеряется посредством обращения к характеристикам социального настроения населения, обусловленного влиянием текущих злободневных ситуаций, будь то пандемия или СВО. Справедливо отмечается, что российское общество за время либеральных реформ пережило множество событий, травмирующих общественное сознание, но ни одно из них не оказало такого сильного влияния на социально-психологическое состояние, как СВО на Украине, начавшаяся в феврале 2022 г. [9, с. 68]. Проведённая диагностика не позволила выявить устойчивых факторов, которые позволили бы повысить уровень социального подъёма россиян, его распространение названо случайным, а к наиболее простым способам улучшения настроения жителей страны

отнесены те, которые связаны с созданием источников позитивных настроений, подобно выставке-форуму «Россия» на ВДНХ в 2023–2024 гг. [9, с. 76].

Более веским фактором позитивного восприятия настоящего и оптимизма в отношении будущего является принятие большинством россиян текущего направления государственного развития. В этой связи высказывается предположение, что преобладание у граждан позитивных чувств в отношении современной России на фоне тяжёлой психологической атмосферы общества может быть производным от патриотического сплочения граждан в критической для нации ситуации [10, с. 152].

Оптимизм социального настроения также связывается с приверженностью россиян различным идеологиям. Доказано, что у сторонников консервативности и державности чаще наблюдается уверенность в будущем (прежде всего, в будущем страны), реже – страх и отчаяние перед ним. У приверженцев социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот [11, с. 99].

Но можно ли назвать обнаруженные факторы оптимизма эмоционального настроения долгосрочными, не потеряют ли они своей силы по прошествии определённого времени, после изменения ситуации, как это уже было показано выше на исторических примерах?

Поиск ответа на этот вопрос сопряжён с обращением к проблеме выявления факторов долгосрочных оптимистических ориентаций. Предполагается, что прежде всего у страны должна быть долгосрочная национальная стратегия, рассчитанная на десятилетия [3, с. 6]. Для коллектива и личности наличие долгосрочной ориентации имеет не меньшее значение. При этом если коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее опирается на доверие социальным институтам и сопереживание, то индивидуалистическая – на личные достижения и самостоятельность [3, с. 28].

В какой мере и благодаря каким предпосылкам возможно проявление форм оптимизма индивида, независимых от ценностно-нормативных координат социальности, в которые он погружён? Отвечая на этот вопрос, исследователи обращаются к феномену индивидуального оптимизма. В психологии, если этот феномен рассматривается в качестве защитного фактора в ситуациях столкновения с жизненными трудностями, такими как болезнь, он получает название диспозиционный оптимизм [12] или личностный оптимизм – если речь идёт об оценке субъектом своих успехов и неудач, поиске их причин [13].

Социологи чаще всего связывают индивидуальный оптимизм с оценками перспектив изменений в своём материальном положении в ближайший год в сравнении с оценками изменений в материальном положении большинства жителей страны [14; 15].

Индивидуальный (экономический) оптимизм может рассматриваться как фактор повышения адаптационного потенциала личности в трансформирующемся обществе [14, с. 50], а также как субъективный ресурс снижения остроты восприятия экономических трудностей, вызванных политическими решениями, – при условии, если они поддерживаются людьми [15, с. 25].

Соглашаясь с актуальностью обращения к феномену индивидуального оптимизма, основу которого составляют оценки перспектив изменений в личном (семейном) материальном положении, предлагается обратить внимание: 1) на факт наличия/отсутствия зависимости в его обеспечении от поддержки государства или от собственных сил и ресурсов и 2) на роль ценностей инициативы и предприимчивости или на уважение к сложившимся традициям.

Предполагается, что для формирования устойчивого оптимизма является важным обретение людьми твёрдой «социальной почвы», социальной зрелости, ответственного и самостоятельного подхода к собственной жизни и жизни страны. Такого рода основания были замечены у категории россиян, которые были названы «самодостаточными» не только потому, что они декларировали установку на собственные ресурсы, а не на государственную помощь в решении материальных проблем, но и потому, что и на практике они являлись людьми с более высокими доходами и уровнем удовлетворённости всеми аспектами повседневной жизни [16, с. 8].

Логично, когда установки на самодостаточность подкрепляются, в свою очередь, установками на инновационное поведение, предприимчивость и поиск нового в работе и жизни. Однако, как показывают результаты исследований, инновативность российских работников является хрупким образованием, она во многом зависит от уверенности в будущем, связана с сохранением ценностей индивидуальной свободы, а в условиях расширения precarious занятости проявляется преимущественно как способ адаптации к новым вызовам [17]. Поэтому ориентация на получение выгод в будущем может с не меньшим основанием сочетаться с настойчивостью и упорством в настоящем, а также с уважительным отношением к традициям прошлого [18].

В этой связи предполагается, что не менее надёжным основанием для формирования индивидуального оптимизма могут стать ценности традиций, прежде всего в том случае, если они в сознании и поведении индивида положительно дополняются признаками самодостаточности в материальном обеспечении своей жизни, за которыми стоят упорство и труд, ответственный и самостоятельный подход к жизни.

Данные многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН¹ (с 2001 по 2023 г.) показывают, что в 2023 году по сравнению с предыдущими годами, и особенно с 2021 года, наблюдался резкий рост значимости традиций для населения страны, в результате которого доля россиян, которые считают, что главное – это уважение к сложившимся традициям, выросла до своего максимального значения в 64%, в то время как доля тех, для кого главное – это поиск всего нового, снизилась с 60 до 36%. Такие изменения авторы назвали революционными [19, с. 150].

Является ли выявленный всплеск уважения к традициям показателем только консолидации по отношению к текущей общественно-политической обстановке,

¹ До 2017 года – Институт социологии РАН.

к проведению Россией СВО на Украине, к внешней угрозе для страны, как пишут авторы [19, с. 150]? Или, быть может, за уважением к традициям скрывается идущая из прошлого, сохранившаяся в настоящем и имеющая хорошие основания для долгосрочных ориентаций на будущее платформа социального оптимизма?

В обращении к ценностям традиций и инноваций мы исходим из того, в современном обществе на фоне явной индивидуализации жизни они не могут рассматриваться как принудительная сила, заставляющая индивида их осваивать и к ним приспособливаться. Скорее и традиции, и инновации «определённым образом отбираются, интерпретируются, реализуются социальными субъектами в актуальном поведении» [20, с. 243].

Приведённые выше факты и полученные результаты исследований позволяют поставить главный исследовательский вопрос: «Насколько действенными по отношению к различным видам оптимизма оказываются традиционные установки работающего населения России в сравнении с инновационными при условии их взаимосвязи с признаками самодостаточности?».

Цель исследования – на основе раскрытия содержания и особенностей связей традиционных и инновационных установок с различными видами оптимизма выявить их возможности и ограничения как факторов формирования оптимизма у работающего населения России.

Эмпирической базой исследования стали данные общероссийских опросов россиян, проведённых ИС ФНИСЦ РАН. Для вторичного анализа использовались массивы данных 2011, 2017, 2021 и 2023 гг.¹ Из числа опрошенных были отобраны работники предприятий (организаций), а также самозанятые, имевшие на момент опроса оплачиваемую работу².

В качестве предмета исследования рассматривались различные виды оптимизма: экономический, эмоционально-психологический, гражданский – во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками работников.

¹ Отбор массивов осуществлялся, исходя из наличия в вопросниках необходимых для анализа базовых вопросов. Данные мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2023 года были любезно предоставлены сотрудниками Центра комплексных социальных исследований, которые выполняют проект «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» при финансовой поддержке РНФ № 23-18-45034 (продление проекта 20-18-00505). В 2011 году в исследовании, посвящённом 20-летию реформ, по выборке, репрезентирующей взрослое население страны по региону проживания (территориально-экономическим районам, согласно районированию Росстата), было опрошено 1 750 человек. В 2017 году в исследовании «25 лет российских трансформаций в оценках и суждениях россиян» по выборке, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, было опрошено 4 000 человек. В 2021 и 2023 гг. было опрошено по 2 000 человек по выборке, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население страны по параметрам пола, уровня образования, социально-профессионального статуса и типа населённого пункта проживания.

² Обращение к работающему населению как объекту исследования исходило из ожидания более взвешенных ответов от этой категории населения, подкрепляемых практиками трудового поведения, на вопросы, касающиеся предмета исследования.

Социально-демографические характеристики выборки работников и методика вторичного анализа

К числу наиболее заметных тенденций в динамике наблюдаемых годов опроса, согласующихся с известными статистическими данными, относятся снижение доли молодых работников в возрасте до 30 лет и снижение доли рабочих. При этом остаются стабильными доли работников мужского пола, имеющих высшее образование, проживающих в мегаполисах и областных центрах (см. табл. 1).

Таблица 1

*Отдельные социально-демографические характеристики выборки
работников, по годам опросов, %*

Характеристики, доли которых представлены в выборках	Годы опроса			
	2011	2017	2021	2023
Мужчины	48	48	48	49
Молодые работники в возрасте до 30 лет	24	20	17	15
Имеющие высшее образование	31	35	35	35
Специалисты, работающие на должности, предполагающей высшее образование	25	27	25	26
Рабочие	41	37	33	32
Занятые на государственных предприятиях	35	39	43	42
Проживающие в мегаполисах и областных центрах	39	37	41	39
Количество опрошенных	1 339	2 752	1 401	1 381

С учётом актуализируемой в последнее время проблемы прекарной занятости следует добавить, что доля работающих на постоянной основе, по данным 2023 года, составила 80%.

Приведённые социально-демографические характеристики рассматриваются автором как важные контрольные переменные по отношению к предмету исследования.

Методика вторичного анализа отобранных массивов данных включала следующие основные принципы и процедуры.

1. Построение и вычисление типологических категорий по методу логического квадрата, в котором традиционные/инновационные установки работников соотносились с установками на самодостаточность / зависимость от государства.
2. Определение наличия и содержания связей между вычисленными типологическими группировками работников¹ и их социально-демографическими и социокультурными характеристиками с использованием таблиц сопряжённости, выявления существенности в процентных различиях и величины стандартизированных остатков.

¹ В статье термины категории и группировки рассматриваются как тождественные.

3. Рассмотрение вычисленных типологических категорий работников как условно независимых переменных по отношению к выделяемым видам оптимизма.
4. Операциональное определение каждого из выделенных видов индивидуального оптимизма с учётом имеющихся в анкете вопросов, наличия идентичных формулировок как минимум по двум сравниваемым годам опроса.
6. Сравнительный анализ взаимосвязи типологических категорий работников и видов оптимизма по годам опроса с использованием метода таблиц сопряжённости, коэффициентов симметричной связи Крамера и направленной – Лямбда.

Результаты.

Характеристики типологических категорий работников

Соотношение установок работающего населения на следование традициям или поиску нового в динамике наблюдаемых лет до 2023 года имело признаки линейности (доля инновационно настроенных росла, а традиционалистов – снижалась). Тогда как доля самодостаточных работников оставалась стабильной, а в 2023 году заметно увеличилась по отношению ко всем предыдущим годам опросов. По данным 2023 года, доли традиционалистов и самодостаточных работников оказались равными друг другу (по 60%; см. рис. 1).

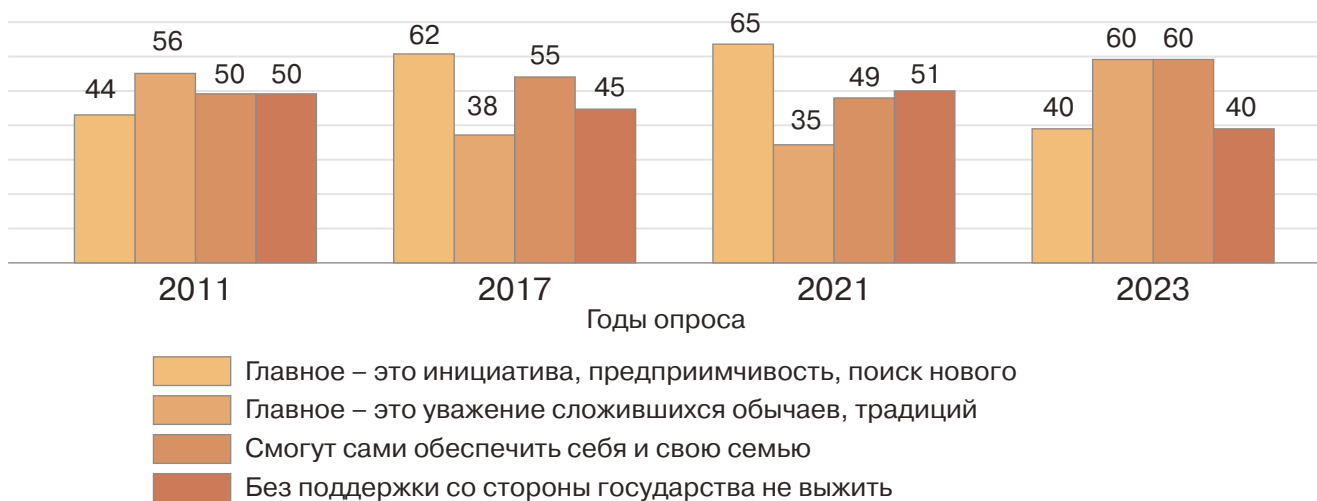

Рис. 1. Ценностные установки работников на проявления инициативы / уважение традиций, самодостаточность / помощь государства

Типологические категории работников, построенные по методу логического квадрата, раскрывающие связи традиционных/инновационных установок и установок на самодостаточность / зависимость от государства, позволяют использовать в дальнейшем анализе четыре группировки: 1) «самодостаточные инноваторы», т. е. те работники, для которых являются важными инициатива

и предприимчивость и при этом они считают себя способными обеспечить себя и свою семью без помощи государства; 2) «самодостаточные традиционалисты», для которых является важным уважать сложившиеся традиции, но при этом они считают, что смогут сами без помощи государства обеспечить себя и свою семью; 3) «зависимые инноваторы», ориентированные на проявление инициативы и предприимчивости, но при этом считающие, что без поддержки со стороны государства им не выжить; 4) «зависимые традиционалисты», ценящие традиции и не способные выжить без помощи государства.

Распределение ответов в динамике наблюдаемых годов свидетельствует в пользу явного преобладания и заметного увеличения к 2023 году доли «самодостаточных традиционалистов» (33% против 15% в 2021 году), также как и «зависимых традиционалистов» (28% против 20% соответственно), и снижения долей «самодостаточных инноваторов» (28% против 43%) и «зависимых инноваторов» (12% против 22% соответственно; см. табл. 2).

Таблица 2

Типологические категории работников по ориентациям на проявление инициативы vs уважения традиций и ориентации на самодостаточность vs зависимость от государства, в динамике, %

Группировки	Годы опроса			
	2011	2017	2021	2023
Самодостаточные инноваторы	19	42	43	28
Самодостаточные традиционалисты	19	14	15	33
Зависимые инноваторы	25	21	22	12
Зависимые традиционалисты	37	24	20	28
Количество ответивших	1 319	2 752	1 397	1 372

Прежде чем проводить анализ по предмету исследования, важно выявить наличие и содержание связей между указанными типологическими группировками работников и их социально-демографическими характеристиками. В целях выявления отличительных признаков использовалась статистика стандартизированных остатков, позволяющая точно зафиксировать значимые различия. Такой анализ был проведён по всем годам исследований, но в качестве показательного возьмём 2023 год (см. табл. 3).

Наибольшим количеством отличительных признаков обладает категория самодостаточных инноваторов, среди которых существенно больше работников с высоким уровнем ресурсного потенциала (молодых мужчин, предпринимателей, людей с более высокими доходами). Самодостаточные традиционалисты и так же, как и самодостаточные инноваторы, чаще имеют доход, превышающий медианное значение, их больше среди работающих на приватизированных предприятиях, они реже, в сравнении с первой категорией, работают на условиях precarious занятости. В наиболее уязвимом положении находятся зависимые традиционалисты, отличительными признаками которых являются пожилой

Таблица 3

Отличительные социально-демографические характеристики типологических категорий работников (по данным 2023 г.), метод стандартизированных остатков *

Самодостаточные инноваторы	Чаще встречаются среди	мужчин; в возрасте 18–30 лет; предпринимателей, имеющих работников; занятых ИТД и самозанятых; с личным доходом выше медианы; проживающих в мегаполисах; работающих по временному письменному договору
	Реже встречаются среди	респондентов 51–60 лет; имеющих общее среднее образование; служащих, должность которых не требует высшего образования; работающих на государственных предприятиях
Самодостаточные традиционалисты	Чаще встречаются среди	работающих на приватизированных предприятиях; с личным доходом выше медианы; руководителей среднего и низшего звена
	Реже встречаются среди	респондентов 61 года и старше; работающих по временному письменному договору
Зависимые инноваторы	Чаще встречаются среди	респондентов 61 года и старше
	Реже встречаются среди	имеющих личный доход выше медианы; проживающих в мегаполисах
Зависимые традиционалисты	Чаще встречаются среди	респондентов 61 года и старше; служащих, должность которых не требует высшего образования; занятых на государственных предприятиях
	Реже встречаются среди	имеющих два высших образования; предпринимателей, имеющих работников; занятых ИТД и самозанятых; с личным доходом выше медианы; проживающих в мегаполисах

* Учитывались различия с величиной стандартизированного остатка $>1,64$.

возраст и занятость в качестве государственных служащих, работа которых не требует высшего образования. К категориям с низким доходом и принадлежностью к старшим возрастным группам относятся зависимые инноваторы. Эта категория работников наименьшая по численности (12%, по данным 2023 года), с минимальным количеством отличительных признаков, характеризуется также наименьшим количеством значимых связей с большинством из актуальных для предмета исследования вопросов анкеты. Поэтому она как слабо дифференцирующая переменная будет исключена из дальнейшего анализа.

Обращение к предыдущим годам опроса показало, что именно возраст является наиболее устойчивой отличительной характеристикой вычисленных типологических категорий работников, учёт которого будет важен в дальнейшем анализе.

Поиск отличительных социокультурных характеристик выделенных типологических категорий осуществлялся посредством обращения к вопросам анкеты, которые раскрывают важные для предмета исследования косвенные показатели: самоидентификации с различными социальными группами, институционального и личностного доверия. В качестве точки отсчёта использовались

данные 2023 года. В фокусе внимания была категория самодостаточных традиционалистов.

По результатам сравнения было установлено, что самодостаточные традиционалисты, в отличие от других категорий, прежде всего самодостаточных инноваторов, чаще идентифицируют себя с людьми той же профессии, как и они, гражданами России, представителями рабочего и среднего класса. При ответе на вопрос: «Какие социальные группы способствуют, а какие препятствуют развитию России?» самодостаточные традиционалисты чаще указывали, что развитию способствуют государственные служащие и сотрудники правоохранительных органов. По показателям личностного доверия они отличаются от других категорий тем, что чаще доверяют коллегам по работе, соседям и родственникам, а по показателям институционального доверия – президенту и всем органам государственной власти (правительству, Государственной думе, Совету Федерации, судебной системе, полиции и органам внутренних дел). Однако наиболее сильные различия самодостаточных традиционалистов с самодостаточными инноваторами установлены по доверию телевидению (доверяют 44 и 25% соответственно), церкви (64 и 49%), армии (83 и 68%).

Имеют ли выявленные отличительные социокультурные характеристики признаки долгосрочности, т. е. находят ли они значимые, устойчивые проявления по результатам прошлых исследований? Для ответа на этот вопрос мы можем обратиться только к данным исследований 2017 и 2021 гг., анкеты которых содержали идентичные вопросы по институциональному доверию.

В итоге было установлено, что в 2017 году самодостаточные традиционалисты отличались только более высоким уровнем доверия полиции и органам внутренних дел, а в 2021 году вовсе не было выявлено ни одного существенного отличия, если не считать, что самодостаточные традиционалисты, в сравнении с инноваторами, реже доверяли интернету и социальным сетям (34 и 50% соответственно).

Результаты сравнительного анализа социокультурных характеристик показывают, что: 1) созданные типологические категории не являются чисто статическими образованиями, поскольку обнаружены содержательные различия между традиционалистами и инноваторами с включением признака самодостаточности, и они являются более выразительными, нежели при сравнении доверия по отдельным парам традиционности/инновационности в ценностных установках; 2) выявленные различия характерны только для 2023 года, что не позволяет пока утверждать, что уважение традиций является долгосрочной ориентацией.

Посмотрим, наблюдаются ли проявления долгосрочности при сравнительном анализе связей выделенных типологических категорий и видов оптимизма.

Экономический оптимизм. В качестве определяющего индикатора экономического оптимизма рассматривались ожидания улучшения в изменении своего материального положения в ближайший год¹ (см. табл. 4).

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете свои перспективы в материальном плане на ближайший год?». Объединялись ответы «должно и скорее улучшится» и «должно и скорее ухудшится».

Таблица 4

Оценки перспектив изменений в материальном положении на ближайший год
у различных типологических категорий работников, %

Материальное положение	Годы опроса ¹					
	2017			2023		
	Типологические категории					
	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодоста- точные традициона- листы	Зависимые традициона- листы	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодоста- точные традициона- листы	Зависимые традициона- листы
Улучшится	36	37	30	36	36	24
Ухудшится	18	16	31	19	12	23
Останется без изменений	47	47	39	45	51	53
Коэффициент Крамера	0,103			0,133		
Количество ответивших	1 141	384	657	379	448	381

В результате анализа таблиц сопряжённости установлено, что более высокий уровень экономического оптимизма у всех групп работников, вне зависимости от принадлежности к выделенным типологическим категориям, в наибольшей мере связан с уровнем доходов, но не с личными, а со среднедушевыми. Работники со средним душевым доходом, превышающим две медианы, примерно в 2 раза чаще, чем те, у кого доход меньше двух медиан, считают, что их материальное положение должно улучшиться. Тогда как по связям показателя личных доходов с оценками перспектив улучшения материального положения различий не обнаружено.

Ожидания самодостаточных традиционалистов в этом плане ничем не отличаются от ожиданий самодостаточных инноваторов, но вот у зависимых традиционалистов связи оптимизма с семейным доходом не обнаружено. Корректирующее влияние возраста на связь среднедушевого дохода с экономическим оптимизмом обнаружено только у работников в возрасте 31–40 лет. При наличии среднедушевого дохода, превышающего две медианы, они в 3 раза чаще отмечают перспективы улучшения материального положения по сравнению с теми, у кого доход ниже двух медиан, и эта тенденция примерно в равной мере характерна как для самодостаточных традиционалистов, так и для инноваторов. Поскольку сравниваемые категории существенно различаются только по долям 18–30-летних работников, фактор среднего возраста (31–40 лет) можно рассматривать как равнозначный для обеих групп. Следует отметить, что проявления экономического оптимизма, не имевшие существенных различий в 2017 году, стали заметными в 2023 году. Самодостаточные

¹ Для сравнения использовались те годы опроса, по которым имелись идентичные анкетные вопросы.

традиционалисты реже испытывают пессимизм в отношении перспектив возможного ухудшения своего материального положения – по сравнению с инноваторами.

Эмоционально-психологический оптимизм настоящего. Социологическое измерение повседневного эмоционально-психологического состояния посредством опроса выводит исследование на уровень выявления общественного настроения по отношению к переживаемой в данный момент жизненной ситуации, тех чувств и эмоций, которые при этом возникают. В таком понимании оптимизм обращён к настоящему времени, а эмоциональное настроение может рассматриваться как форма реагирования на происходящие в обществе изменения, затрагивающие повседневную жизнь личности. Такие эмоциональные чувства, как ощущение эмоционального подъёма, чувства спокойствия и уравновешенности, могут рассматриваться как индикаторы оптимистического настроя на жизнь, тогда как ощущение тревоги и чувства раздражения могут оцениваться как индикаторы пессимизма.

Если по данным 2017 года чувство спокойствия и уравновешенности оказалось доминирующей характеристикой настроения работников, то в 2023 году, на выходе из пандемии и при набирающем силу факторе СВО, преобладающим стало чувство тревожности (46%), к которому в примерно равной мере добавились раздражение и безразличие. Если по данным 2017 года ещё были заметны признаки большего оптимизма у самодостаточных инноваторов и традиционалистов по сравнению с зависимыми традиционалистами, то в 2023 году, на фоне господства тревожности, значимых различий не обнаружено (см. табл. 5).

Наибольший вклад в формирование эмоционального оптимизма вносят высокие оценки материальной обеспеченности, здоровья, а также оценки того, как складывается жизнь в целом. Последнее оказалось самым сильным фактором – по данным 2023 года. Среди тех работников, которые считают, что их жизнь складывается хорошо, 58% чувствуют себя спокойно и уравновешенно, ощущают эмоциональный подъём, тогда как при низких оценках таковых только 12%. В этом же году самодостаточные традиционалисты чаще, чем самодостаточные инноваторы, отмечали, что их жизнь складывается хорошо. Во всех связях оптимизм эмоционального настроения оказывался зависимой переменной (по коэффициенту направленной связи Лямбда). Эта тенденция является устойчивой по годам опроса, в равной мере характерна для всех выделяемых типологических категорий, не зависит от возрастной принадлежности, за исключением возрастной группы старше 60 лет.

Таким образом, эмоциональный оптимизм является производным от других факторов, прежде всего связанных с материальным положением, потенциалом здоровья и общих оценок жизни, также и от экономического оптимизма. То, что самая сильная дифференциация социально-психологического самочувствия россиян наблюдается по критерию самооценок материального положения, подчёркивается другими исследователями [9, с. 72, 11, с. 98].

Таблица 5

Характеристика повседневного эмоционально-психологического состояния
различных типологических категорий работников¹, %

Характеристика состояния	Годы опроса					
	2017			2023		
	Типологические категории					
	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты
Оптимистическое. Чувствуют себя спокойно и уравновешенно, ощущают эмоциональный подъём	64	63	51	38	42	36
Пессимистическое. Чувствуют тревогу, раздражение, безразличие	36	37	49	62	58	64
Коэффициент Крамера	0,119			Нет связи		
Количество ответивших	1 111	374	643	371	446	378

Всё это не позволяет утверждать факт наличия самостоятельной роли эмоционального настроения в формировании оптимизма.

Эмоционально-психологический оптимизм в отношении своего будущего. Оптимизм в отношении своего будущего, измеряемый палитрой чувств спокойствия и надежды, уверенности в хорошем будущем, в противовес чувствам беспокойства, страха и отчаяния, может рассматриваться как продолжение эмоционального настроения в оценках настоящего. Причём, как показывают данные исследования 2023 года, в целом оптимистический настрой в отношении своего будущего выше его оценок в отношении настоящего (см. табл. 6).

То, что в среднем около 2/3 работников, вне зависимости от принадлежности к типологическим категориям, испытывали чувства оптимизма в отношении своего будущего как в пандемийном 2021 году, так и в разгар СВО в 2023 году, может свидетельствовать в пользу сохраняющейся душевной стабильности, главной составляющей которой является чувство надежды (31%, по обоим годам опроса). Неизменность оптимистического настроения на своё будущее сохраняли самодостаточные традиционалисты (69%), тогда как у самодостаточных инноваторов он заметно поубавился (с 72 до 64%).

¹ Формулировка вопроса: «Как бы Вы охарактеризовали своё нынешнее повседневное психологическое состояние?». Из анализа исключались варианты: «ощущаю чувство озлобленности», «ощущаю чувство агрессии» как не набравшие более 3%.

Таблица 6

**Чувство оптимизма/пессимизма в отношении своего будущего
у различных типологических категорий работников ¹, %**

Характеристика состояния	Годы опроса					
	2021			2023		
	Типологические категории					
	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты
Оптимистическое. Уверенность в хорошем будущем, чувства спокойствия и надежды	72	69	48	64	69	57
Пессимистическое. Чувства беспокойства, страха, отчаяния	28	31	52	36	31	43
Коэффициент Крамера	0,209			0,104		
Количество ответивших	582	198	269	376	444	379

Формируется ли оптимизм будущего под влиянием материального положения и общих оценок личной жизни, как было показано выше в отношении оптимизма эмоционального настроения настоящего, или же он в большей мере обусловлен внешними по отношению к личности, контекстуальными факторами, прежде всего оценками перспектив развития страны? В ответе на поставленный вопрос сталкиваются модели экономического и социального оптимизма. «Если страна имеет перспективы развития, движется в желательном направлении, то и мне будет хорошо в ней жить», – так примерно рассуждает социальный оптимист, в отличие от оптимиста экономического. Последний, скорее, живёт надеждой на свой собственный успех, его достижения будут придавать ему ощущение удовлетворённости и уверенности в будущем – вне зависимости от перспективы развития страны. Также предполагается, что работники с традиционными установками, вне зависимости от признаков их самодостаточности, будут чаще уповать на внешние факторы (перспективы развития страны), а инноваторы – на внутренние (достижение личного успеха).

Результаты анализа (использовались методы построения двумерных и трёхмерных таблиц сопряжённости, коэффициенты симметричной и направленной связи) показали, что оптимизм в отношении своего будущего в 2023 году стал в меньшей мере связываться с оценками перспектив в изменении своего

¹ Формулировка вопроса: «Когда Вы думаете о своём будущем и о будущем нашей страны, то какие чувства Вы чаще всего испытываете?».

материального положения по сравнению с оценками перспектив в развитии страны¹. Доля работников, чувствующих уверенность в своём будущем, спокойствие и выражающих надежду, составила 85% в 2023 году при выборе ответа «страна будет развиваться успешно» и 76% при выборе ответа «материальное положение должно улучшиться в ближайший год». В 2021 году картина была иная. Оптимизм в отношении своего будущего, пусть и незначительно, но чаще связывался с оценками перспектив в улучшении своего материального положения, чем с оценками перспектив в развитии страны (91 и 88% соответственно). Принадлежность к выделенным типологическим категориям здесь не оказывает корректирующего влияния. Заметим только, что в наибольшей мере связывают своё будущее с оценками перспектив развития страны, по данным 2023 года, зависимые традиционалисты (их оптимизм в этом случае достигает 95%).

Гражданский оптимизм. В качестве показателей гражданского оптимизма могут рассматриваться положительные оценки возможного влияния на политику государственных, региональных и муниципальных властей, возможности выражать свои политические взгляды, влиять на то, что происходит на работе, по месту проживания. Автор называет такие формы влияния проявлениями индивидуального гражданского оптимизма потому, что на деле осуществить их весьма сложно, и с большей вероятностью можно говорить о потенциале влияния или о том, что исследователи называют запросом на «демократическое участие», которое зачастую носит пульсирующий характер, представляя собой реакцию граждан на те или иные политические события, которые им представляются важными [21].

Предполагается, что за ответами на вопросы о разных формах влияния могут стоять как позиции гражданской активности, сопровождаемые ориентациями на неконформизм, готовность к борьбе за свои права, так и позиции конформизма к власти, подкрепляемые достигнутым уровнем материальной комфортности жизни, экономического и социального благополучия.

Проявления гражданского оптимизма по сравнению с его другими видами (экономический, эмоционально-психологический, социальный) являются маловыразительными, характерными не более чем для одной трети взрослого населения в отношении возможности оказывать влияние на политику муниципальных властей, примерно для одной пятой – по оценкам влияния на политику государства в целом, по данным 2016 года [2, с. 32]. С тех пор эти возможности, по самооценкам, существенно снизились и составили, по данным 2021 года, 22% в отношении возможности оказывать влияние на муниципальные власти и 11% – на государство в целом.

Для оценки гражданского оптимизма в качестве базового может рассматриваться показатель возможности выражать свои политические взгляды. По сравнению с 2021 годом, когда такие возможности на хорошо оценивали 15% респондентов, в 2023 году положительные оценки давали 20% опрошенных.

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?».

Причём самодостаточные традиционалисты чаще других типологических категорий работников демонстрируют свой оптимизм (см. табл. 7).

Таблица 7

*Оценки возможности выражать свои политические взгляды
у различных типологических категорий работников ¹, %*

Оценки	Годы опроса					
	2021			2023		
	Типологические категории					
	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодос- таточные традицио- налисты	Зависимые традицио- налисты	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодос- таточные традицио- налисты	Зависимые традицио- налисты
Хорошо	15	20	9	19	24	17
Удовлетворительно	59	52	64	56	63	63
Плохо	26	28	27	25	13	20
Коэффициент Крамера	0,081			0,102		
Количество ответивших	596	209	281	379	448	381

Оценки возможности выражать свои политические взгляды не зависят от половозрастных и образовательных характеристик работников, мало связаны с условиями занятости и оплаты труда. Анализ двумерных распределений по ответу на вопрос, формируется ли гражданский оптимизм в большей мере под влиянием оценок перспектив изменения в материальном положении или перспектив развития страны, показал примерно равное влияние данных факторов на оценки возможности выражать свои политические взгляды – как по данным 2021 года, так и по данным 2023 года.

В большей мере различия значений данного показателя связаны с политическими позициями, которых придерживались респонденты. Так, по данным 2021 года, среди собиравшихся проголосовать на осенних выборах в Государственную думу за «Единую Россию» оценили на хорошо возможности выражать свои политические взгляды 34% респондентов, в отличие от тех, кто хотел бы проголосовать за КПРФ (10%), ЛДПР (13%).

Однако в наибольшей мере оценки возможностей выражать свои политические взгляды связаны с другими формами влияния, которые работники способны оказывать в своей повседневной жизни: влиять на то, что происходит вокруг них, на планирование своей жизни, ещё больше при оценках возможности оказывать влияние на политику государства, региональных и муниципальных властей. Установлено, что самый большой прирост положительных оценок возможности выражать свои политические взгляды обеспечивается за счёт

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете возможность выражать свои политические взгляды?»

влияния на собственную жизнь в целом. У тех работников, которые считают, что у них есть хорошая возможность оказывать влияние на то, как складывается их собственная жизнь, доля положительных оценок возможности выражать свои политические взгляды увеличивается до 47% – по данным 2023 года и в среднем по выборке 19%. Принадлежность к типологическим категориям работников здесь не оказывает корректирующего влияния, а у самодостаточных традиционалистов доля соответствующих оценок выше, чем у остальных категорий, и достигает 49%.

Таким образом, формирование гражданского оптимизма является производным от успешной практики накопления разных форм проявлений субъектности работников.

Заключение

В социологической практике обращение к оптимизму как объекту исследования чаще всего связано с его инструментальным пониманием как фактора развития общества, видения будущего, т. е. оптимизма социального. При этом в фокусе внимания, как правило, оказывается оптимизм социального настроения.

В данном исследовании показана актуальность выделения в качестве самостоятельного объекта анализа индивидуального оптимизма и его различных видов: экономического, эмоционального, гражданского. Несомненно, что все виды индивидуального оптимизма положительно связаны между собой, но при этом, как было показано, они не являются равными в формировании оптимистического настроения на жизнь.

Экономический оптимизм, измеряемый сквозь призму оценок перспектив изменений в материальном положении, имеет больший вес по сравнению с эмоциональным, связываемым с восприятием переживаемого времени. Последний во многом зависит от первого. Эмоциональный оптимизм работающего населения в отношении своего будущего к 2023 году стал меньше зависеть от материального положения и общих оценок личной жизни и больше – от оценок успешности развития страны.

Отдельное значение имеет оптимизм, названный нами гражданским, который является дефицитным, но весьма важным фактором в формировании ответственной субъектности личности. Высокие оценки возможностей выражать свои политические взгляды, как показал анализ, являются результирующими других форм влияния, которые (по самооценкам) работники способны оказывать в своей повседневной жизни.

В качестве определяющих факторов оптимизма чаще всего используются объективные переменные (пол, возраст, тип поселения, образование, профессиональный статус, размер дохода и т. п.). В данной статье сделана попытка связать проявления индивидуального оптимизма с ценностными установками с учётом предварительно выявленных связей с социально-демографическими

характеристиками. Эмпирической предпосылкой для такого подхода стал зафиксированный в 2023 году исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН резкий рост значимости традиций для населения страны, методологической – предположение, что за этим может скрываться идущая из прошлого, сохранившаяся в настоящем и имеющая хорошие основания для долгосрочных ориентаций на будущее платформа для индивидуального и социального оптимизма.

Поскольку в качестве эмпирического объекта исследования выступало работающее население, то было важным помимо обращения к традиционным и инновационным установкам учитывать содержание и особенности связи работников с признаками самодостаточности или зависимости от государства в обеспечении себя и своих семей. Мы исходили из того, что сами по себе ни традиционные, ни инновационные установки не способствуют росту оптимистических ожиданий. Они должны дополняться признаками ответственности и самостоятельности в труде и подходах к жизни, воплощением которых и выступает качество самодостаточности. Историческими образами гармоничного сочетания традиции и самодостаточности выступают зажиточные крестьяне сельских общин, квалифицированные рабочие и инженеры советских предприятий, любящие свою работу и гордящиеся своей профессией. По данным проведённого в 2023 году исследования к ним тяготеют руководители среднего и низшего звена, занятые, как правило, на приватизированных предприятиях.

Исследовательская задача состояла в том, чтобы показать, что существующие стереотипные представления о традициях как о негативном пережитке прошлого, от которого надо избавляться во имя инновации, её внедрения и освоения, не имеют под собой прочных оснований. Именно поэтому при разработке предложенной типологии было совершено исследовательское насилие: то, что математически находится в обратной корреляции друг с другом, было соединено в одну типологическую категорию, названную самодостаточными традиционалистами. И мы не считаем это артефактом. Выявление социально-демографического и социокультурного профилей самодостаточных традиционалистов показало, что данная категория обладает рядом отличительных признаков, что позволило провести их сравнительный анализ по отношению к выделенным видам индивидуального оптимизма.

Следует признать, что установки на самодостаточность и на уважение традиций не являются равнозначными в отношении анализируемых видов оптимизма. В случаях с экономическим и эмоциональным оптимизмом в отношении настоящего решающую роль играла самодостаточность, а в случаях эмоционального оптимизма в отношении своего будущего и гражданского оптимизма больший вес имели признаки традиционных установок. Также следует признать, что гипотеза об укоренённости традиционных установок не подтвердилась, потому как выявленные различия (по показателям институционального доверия) характерны только для 2023 года, что не позволяет пока утверждать, что уважение традиций является долгосрочной ориентацией.

В целом проведённый анализ позволяет с высокой долей вероятности говорить о конструктивной роли традиционных установок работающего населения России в процессе формирования оптимизма при условии, что они будут дополняться признаками самодостаточности. Работники, названные нами самодостаточными традиционалистами, ничем не уступают по показателям экономического оптимизма самодостаточным инноваторам и явно опережают их по показателям эмоционального и гражданского оптимизма по данным исследования 2023 года.

Можно утверждать, что уважение сложившихся обычаев, традиций вкупе с проявлениями самодостаточности в обеспечении себя и своей семьи, не упо-вая на поддержку государства, могут рассматриваться не только как надёжная база для формирования оптимизма работающего населения, но и как основание для неспешных социальных преобразований, устойчивого развития общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иудин А. А., Привалов И. В. Соотношение оптимизма и лояльности к власти: (вторичный анализ данных ВЦИОМ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 8–20. DOI [10.15593/2224-9354/2018.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.1). EDN [VAPMZQ](#).
2. Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 4 (16). С. 19–35. DOI [10.19181/snsp.2016.4.4.4760](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760). EDN [XEAVDD](#).
3. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 9 (14). С. 6–48. EDN [SIJJS](#).
4. Левашов В. К., Сащенко Н. П., Лиханова Т. Ю. Ресурсный потенциал социального оптимизма в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 144–166. DOI [10.21638/spbu23.2024.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201). EDN [MHYYXB](#).
5. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. : Прогресс-Традиция, 2001. ISBN 5-89826-074-9.
6. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М. : Прогресс-Традиция, 2006. ISBN 5-89826-249-0. EDN [OXOJSE](#).
7. Ольшанский Д. В. Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 3–15.
8. Гордон Л. А., Груздева Е. Б., Комаровский В. В. Шахтеры–92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М. : Прогресс–Комплекс: Экопрос, 1993. 112 с. EDN [RJXXG](#).
9. Латова Н. В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15, № 4. С. 62–78. DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078). EDN [ELHSAW](#).

10. Бараш Р. Э. Социальные настроения и эмоции российского общества: к итогам 2024 г. // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7, № 4. С. 140–155. DOI [10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155). EDN [JDNUTR](#).
11. Латов Ю. В. Между футурошоком и футурозйфорией (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян) // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 88–101. DOI [10.31857/S0132162524120087](https://doi.org/10.31857/S0132162524120087). EDN [NEFVGK](#).
12. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 1985. № 4 (3). P. 219–247. DOI [10.1037//0278-6133.4.3.219](https://doi.org/10.1037//0278-6133.4.3.219).
13. Depressive attributional style / M. E. Seligman, L. Y. Abramson, A. Semmel, C. von Baeyer // Journal of Abnormal Psychology. 1979. № 88 (3). P. 242–247. DOI [10.1037/0021-843X.88.3.242](https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242).
14. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 39–54. EDN [UGRTSJ](#).
15. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 3–29. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372). EDN [YJWKUW](#).
16. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16. EDN [VGMFJB](#).
17. Темницкий А. Л. Потенциал инновативности работающего населения России в динамике трех десятилетий реформ // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 3. DOI [10.15838/sa.2023.3.39.7](https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.7). EDN [RKHQIK](#). URL: http://socialarea-journal.ru/article/29756?_lang=en (дата обращения: 25.07.2025).
18. Hofstede G., Minkov M. Long- Versus Short-Term Orientation: New Perspectives // Asia Pacific Business Review. 2010. № 16 (4) P. 493–504. DOI [10.1080/13602381003637609](https://doi.org/10.1080/13602381003637609).
19. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова ; ИС ФНИСЦ РАН. М. : Издательство «Весь мир», 2024. 308 с. ISBN 978-5-7777-0947-9. EDN [XILLPM](#).
20. Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254. EDN [NQXENP](#).
21. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 16–38. DOI [10.19181/vis.2021.12.1.697](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697). EDN [IKKVCJ](#).

Сведения об авторе

А. Л. Темницкий

доктор социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [5717-0857](#)

Статья поступила в редакцию 16.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 23.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.3)

FORMATION OF INDIVIDUAL OPTIMISM IN WORKING POPULATION OF RUSSIA IN CONNECTION WITH TRADITIONAL AND INNOVATIVE ATTITUDES

Alexander Lazarevich Temnitskiy

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),
Moscow, Russia
taleksandr@list.ru,
ORCID [0000-0002-5275-7457](https://orcid.org/0000-0002-5275-7457)

For citation: Temnitskiy A. L. Formation of individual optimism in working population of Russia in connection with traditional and innovative attitudes. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):53–76. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.3).

Abstract. The paper provides a rationale and diagnostics of the approach to the formation of individual optimism in Russian workers in connection with their traditional and innovative value systems. History examples prove that optimism of social sentiment based on trust in new ideas and political programs is unstable. The study of the phenomenon of individual optimism, which is most often associated by researchers with assessments of potential changes in financial situation, is referred to as economic optimism; other types of optimism included into the analysis are emotional and civic optimism. The research problem is formulated by posing the main research question: Can traditional attitudes of the working population in Russia be thought effective and reliable factors in the formation of optimism in comparison with innovative attitudes, provided that they are interconnected with signs of self-sufficiency in workers? To answer the question posed empirically, we used the database of the monitoring surveys conducted by the Federal Scientific and Research Center of Sociology under the Russian Academy of Sciences in 2011, 2017, 2021 and 2023. The methodological solution to the posed problem is based on the calculation of typological categories of workers, revealing features of the relationships between traditional/innovative attitudes and attitudes towards self-sufficiency/dependence on the government. The results of the analysis demonstrated that the essential contribution to the formation of optimism is made by assessments of potential changes in one's financial situation. Assessments of emotional mood in relation to the present time cannot be viewed as an independent factor in the formation of optimism, since they largely depend on the financial situation and potential improvements thereof in the future. Civic optimism measured by the indicator of the ability to express one's political views is the collective result of multiple types of influence that workers are able to exert in their daily lives. Economic optimism of workers, whom we call self-sufficient traditionalists, is in no way inferior to that of innovators and clearly outperforms theirs in terms of emotional and civic optimism, which became most noticeable according to the 2023 survey. This makes it possible for us to assert with a high degree of probability that traditional attitudes of the working population in Russia play a constructive role in the process of forming optimism, provided that they are supplemented by signs of self-sufficiency.

Keywords: individual optimism, traditional and innovative attitudes, values, self-sufficiency, dependence, employees

REFERENCES

1. Iudin A. A., Privalov I. V. The relationship between optimism and loyalty to the authorities (secondary analysis of VCIOM data). *Bulletin of PNRPU. Social and economic sciences*=*Social'no-e'konomicheskie nauki*. 2018;(3):8–20. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2018.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.1).
2. Temnitskiy A. L. Socio-cultural factors of optimism of modern youth of Russia. *Sociological science and social practice*=*Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2016;4(4):19–35. (In Russ.) DOI [10.19181/snsp.2016.4.4.4760](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760).
3. Nestik T. A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *SocioDigger*=*SocioDigger*. 2021;29(14):6–48. (In Russ.).
4. Levashov V. K., Sashchenko N. P., Likhanova T. Y. The resource potential of social optimism in modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*=*Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'K*. 2024;20(2):144–166. (In Russ.) DOI [10.21638/spbu23.2024.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201).
5. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls [*Chety're zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya*]. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1. The Khrushchev era. Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. (In Russ.). ISBN 5-89826-074-9.
6. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls [*Chety're zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya*]. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 2. The Brezhnev Era (part 2). Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. (In Russ.). ISBN 5-89826-249-0.
7. Olshansky D. V. Mass sentiments of the transitional period [Massovy'e nastroyeniya perexodnogo vremeni]. *Questions of Philosophy*=*Voprosy filosofii*. 1992;(4):3–15. (In Russ.).
8. Gordon L. A., Gruzdeva E. B., Komarovskiy V. V. Miners–92. Social consciousness and social appearance of the working elite in post-socialist Russia [*Shaxtery–92. Social'noe soznanie i social'ny'j oblik rabochej e'lity' v poslesocialisticheskoy Rossii*]. Moscow: Progress – Complex: Ecopros; 1993. 112 p. (In Russ.).
9. Latova N. V. Socio-psychological state of Russian society and social attitudes of different groups of Russians *Journal of Institutional Research*=*Zhurnal institucional'ny'x issledovanij*. 2023;15(4):62–78. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078).
10. Barash R. E. Social sentiments and emotions of Russian society: by the results of 2024. *Digital Scientist: Philosopher's Laboratory*=*Cifrovoy uchyony'j: laboratoriya filosa*. 2024;7(4):140–155. (In Russ.). DOI [10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155).
11. Latov Yu. V. Between future shock and future euphoria (perception of the Future in the context of ideological preferences of modern Russians). *Sociological studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(12):88–101. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524120087](https://doi.org/10.31857/S0132162524120087).
12. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies. *Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association*. 1985;4(3):219–247. DOI [10.1037//0278-6133.4.3.219](https://doi.org/10.1037//0278-6133.4.3.219).
13. Seligman M. E., Abramson L. Y., Semmel A., von Baeyer C. Depressive attributional style. *Journal of Abnormal Psychology*. 1979;88(3):242–247. DOI [10.1037/0021-843X.88.3.242](https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242).
14. Keselman L. E., Matskevich M. G. Individual economic optimism/pessimism in a transforming society [Individual'ny'j e'konomicheskij optimizm/pessimizm v transformiruyushchemsya obshchestve]. *Sociological Journal*=*Sociologicheskij zhurnal*. 1998;(1-2):39–54. (In Russ.).
15. Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. Perception of economic changes during the Special Military Operation in Russian public opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*=*Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny*. 2023;(4):3–29. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372). (In Russ.).

16. Gorshkov M. K., Sedova N. N. "Self-sufficient" Russians and their life priorities. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;(12):4–16. (In Russ.).
17. Temnitskiy A. L. The innovative potential of the Russian working population over three decades of reforms. *Social space=Social'noe prostranstvo*. 2023;9(3). (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2023.3.39.7](https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.7). Available at: http://socialarea-journal.ru/article/29756?_lang=en. (accessed: 25.07.2025).
18. Hofstede G., Minkov M. Long- versus short-term orientation: new perspectives. *Asia Pacific Business Review*. 2010;16(4):493–504. DOI [10.1080/13602381003637609](https://doi.org/10.1080/13602381003637609).
19. Gorshkov M. K. (ed). "The arrow of time" in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future. Moscow: Ves' mir; 2024. 308 p. ISBN 978-5-7777-0947-9. (In Russ.).
20. Hoffman A. B. In search of lost identity: traditions, rationalism, and national identity. *Social theory issues=Voprosy sotsial'noj teorii*. 2010;(4):241–254. (In Russ.).
21. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(1):16–38. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.1.697](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697).

Information about the Author

A. L. Temnitskiy

Doctor of Sociology, Associate Professor

Leading Researcher

ResearcherID: [I-4615-2018](https://orcid.org/0009-0001-4615-2018)

Scopus AuthorID: [56525280700](https://orcid.org/0009-0001-4615-2018)

The article was submitted 16.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 23.07.2025.

УДК 316.444; 314.7.044; 316.682

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.4

EDN: BJEEYY

Научная статья

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЖИЗНЕННОМ ПУТИ РОССИЯН: МОТИВЫ, БАРЬЕРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Наталья Сергеевна Воронина¹

Вячеслав Леонидович Кожарин²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

^{1,2} Институт сравнительных социальных исследований,

Москва, Россия,

¹ navor@bk.ru,

ORCID 0000-0001-8859-6803

² darker3389@gmail.com,

ORCID 0009-0003-4273-8628

Для цитирования: Воронина Н. С., Кожарин В. Л. Нереализованная географическая мобильность в жизненном пути россиян: мотивы, барьеры, последствия // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 77–95. DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.4). EDN BJEEYY.

Аннотация. Современные исследования демонстрируют, что желание осуществления географической мобильности есть у каждого четвертого россиянина 18 лет и старше, но каковы мотивы, барьеры её реализации и последствия данного решения для жизни – нереализации географической мобильности, остаётся малоизученным. Эмпирической базой исследования выступает всероссийский опрос по случайной вероятностной выборке населения 50 лет и старше, проведённый ЦЕССИ в 2023–2024 гг. в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослого в 1990-е». Данные исследования позволяют сделать вывод, что нереализованный потенциал географической мобильности населения 50 лет и старше составляет 10%. Группа с нереализованным потенциалом отличается от респондентов, которые целенаправленно не осуществляли географическую мобильность и от группы реализующих географическую мобильность по возрасту. Наибольшая нереализованная географическая мобильность была обнаружена в возрастной группе 1964–1973 гг. рождения. Мотивы нереализованной мобильности отличаются от мотивов реализованной мобильности. Реализованная мобильность чаще всего связана с семейными мотивами: переезды при создании новой семьи, при отделении от родительской семьи без образования своей семьи, воссоединение многопоколенной семьи, переезды вследствие профессиональных задач или интересов членов семьи, их здоровья и других обстоятельств. Нереализованная мобильность связана с качеством жизни: респонденты хотели переехать с целью улучшения климатических/экологических и инфраструктурных условий жизни, а также хотели бы просто изменить жизнь и попробовать жить по-другому. Основными барьерами переезда для группы «не реализовавших географическую мобильность» выступают недостаток

© Воронина Н. С., 2025

© Кожарин В. Л., 2025

материальных средств и семейные обязанности, психологические причины (нерешительность). Результаты регрессионного анализа показали, что нереализованная географическая мобильность демонстрирует связь с негативными последствиями для жизненного пути: нисходящей межпоколенческой профессиональной мобильностью, отсутствием реализации в жизни, низкой самооценкой социального статуса и отсутствием удовлетворённости жизнью.

Ключевые слова: географическая мобильность, нереализованная географическая мобильность, социальная мобильность, социальное неравенство, мотивы, жизненный путь

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23–18–00635. Авторы выражают признательность А. В. Андреевской за ценные рекомендации на этапе написания текста.

Введение

Ещё в XIX веке большинство людей проводили всю жизнь там же, где родились, однако по мере развития общества, внедрения новых технологий, появлялись дополнительные возможности к перемещению, увеличивая долю населения, осуществляющую географическую мобильность. Одним из вероятных положительных последствий географической мобильности может выступать преодоление разного вида неравенств. В зависимости от того, где рождается человек, он в разной степени сталкивается с неравенством (экономическим, цифровым и др.). Переезд может быть связан с расширением возможностей, например, иметь постоянный доступ к информации, поступить в университет с высоким качеством образования, найти высокооплачиваемую работу.

Предполагалось, что в современном мире, где переезды внутри страны становятся всё более доступными вследствие развития транспортной системы, изменений в административной, политической, экономической сферах, общего повышения качества жизни населения, уровень географической мобильности должен повыситься. Однако эмпирические исследования фиксируют снижение уровня географической мобильности в поколениях 1954–1963, 1964–1973 гг. рождения по сравнению со старшим поколением 1924–1953 гг. рождения [1]. Исследования показывают, что увеличение уровня географической мобильности приводит к: установлению баланса на рынке труда и повышению его производительности за счёт перераспределения человеческих ресурсов; освоению новых территорий; общему повышению экономической конкурентоспособности страны [2]. Географическая мобильность «является одним из основных механизмов, с помощью которых спрос и предложение рабочей силы сопоставляются в локальных и региональных пространственных масштабах» [3, р. 59]. Для жизненного пути человека географическая мобильность не может быть оценена как бесспорно выигрышная или бесспорно проигрышная. Было выявлено, что среди долгосрочных последствий географической мобильности – влияние на самооценку здоровья, широту социальных связей и образовательную межгенерационную мобильность [4].

В России на государственном уровне отмечается низкий уровень географической мобильности¹. При этом результаты исследования за 2021 год показали, что каждый четвёртый россиянин старше 18 лет хотел бы переехать в другой город². Это означает, что существует противоречие между возможностями, которые могут быть реализованы с помощью географической мобильности и нереализованностью географической мобильности при наличии желания её осуществления. Цель исследования заключается в ответе на нерешённые пока вопросы: каков уровень нереализованной географической мобильности? Каковы мотивы нереализованной географической мобильности? Каковы барьеры нереализованной географической мобильности и каковы последствия её нереализации для жизненного пути? Все эти вопросы относятся к россиянам старше 50 лет. Выбор данной возрастной группы определяется тем, что этот возраст предполагает прохождение значительной части этапов жизненного пути и возможность оценки барьеров географической мобильности с этих позиций.

Развитие понятия «географическая мобильность» в работах социологов

У истоков понятия «географическая мобильность» стоят представители чикагской школы социологии Р. Парк, Э. Берджесс. Хотя данный термин не употреблялся ими, они начали рассматривать перемещения не просто как физические переходы, а как социальные действия, которые формируют социальную структуру общества [5].

П. Сорокин использовал термин «мобильность» как синоним перемещению, миграции, переезду [6, р. 382], территориальной мобильности [6, р. 385]. П. Блау и Д. Данкан использовали как синонимы термины «географическая мобильность» и «миграция» [7, р. 253]. При этом авторы не давали конкретных определений данным понятиям.

Согласно П. Сорокину, географическая мобильность, являясь по своей сути горизонтальной социальной мобильностью, может выступать в качестве фактора социальной мобильности: «...может погубить одну группу людей и способствовать развитию другой. То же самое верно и в отношении изменений в географической среде» [6, р. 367].

П. Блау и Д. Данкан отмечали, что чаще всего переезды осуществляются с целью улучшения собственной жизни, повышения статуса [7, р. 247–248]. И действительно, сложно себе представить ситуацию, чтобы кто-то преднамеренно переезжал с целью ухудшения собственной жизни, если только речь

¹ Президент России утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России : сайт. 13.06.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 13.07.2025).

² Охота перемены мест: зачем и почему? // ВЦИОМ : сайт. 29.07.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1> (дата обращения: 13.07.2025).

не идёт о вынужденных переездах (связанных, например, с военными действиями, природными катастрофами и т. п.). Если говорить о преднамеренном ухудшении качества жизни, то в некотором роде к этой категории можно отнести дауншифтинг [8]. Например, если речь идёт о переходе с высокооплачиваемой работы на менее высокооплачиваемую и о переезде в сельскую местность. В таком случае можно говорить о снижении уровня дохода как факторе, ухудшающем качество жизни и улучшении в экологическом плане. Взвешивая возможные последствия от переезда, для кого-то лучшие экологические условия могут оказаться весомее высокого дохода.

Исследовательский интерес к изучению географической мобильности увеличился после так называемого «мобильного поворота» [9]. После публикаций Дж. Урри мобильность стала рассматриваться как «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» [10, с. 21]. С точки зрения Дж. Урри, географическая мобильность способствует концентрации ресурсов в определённых регионах, углубляя разрыв между центром и периферией. Дж. Урри описывает крупные города как «узлы мобильности», которые притягивают рабочую силу, капитал и инновации, в то время как менее урбанизированные регионы теряют население и экономический потенциал. Это создаёт «мобильные» и «немобильные» классы, где первые имеют больше возможностей для социальной и экономической мобильности, а вторые оказываются в ловушке стагнации.

С течением времени, в исследовательском поле социологов, демографов, географов стали использоваться такие понятия, как «жилищная, территориальная, географическая мобильность» и «миграция», которые стали часто употребляться как синонимы [11]. В большинстве современных зарубежных исследований, которые нам удалось обнаружить по тегу «географическая мобильность», вопрос о смежных понятиях не рассматривается, а определение географической мобильности не приводится вовсе. Различия смежных понятий подробно рассматриваются в статье А. В. Андреевской, Н. С. Ворониной, где подчёркивается, что понятие географической мобильности используется для описания и анализа долгосрочных перемещений на большие дистанции [1].

Л. Л. Рыбаковский, Д. П. Маевский, Н. И. Кожевникова показали эволюцию изучения связи понятий «миграция» и «мобильность» и попытки их разграничения различными авторами [12], где отметили, что ещё в 1978 году Т. И. Заславская уточнила эти понятия, указав, что миграция – это фактическое перемещение, а мобильность употребляется в связи с психологической готовностью к перемещению [13], такого же мнения придерживаются и многие другие исследователи, например, С. В. Рязанцев [14]. Термин «миграция» относится в первую очередь к географическому перемещению в физическом пространстве, тогда как «мобильность» может означать перемещение в социальном или физическом пространстве [15]. Д. Рид-Данахай утверждает, что миграция часто понимается как форма мобильности, которая подразумевает постоянное перемещение: «кто-то был немобильным, стал мобильным, а затем снова перестал

быть мобильным после “обустройства”». Однако, по её мнению, такой подход может быть маркирован как упрощённый, так как он не учитывает мотивацию переездов, социальную агентность.

Современные исследования географической мобильности, вслед за Дж. Урри, анализируют более широкий перечень показателей, связанных с осуществлением географической мобильности: мотивация переезда, агентность переезда, адаптация после переезда, самооценка переезда (влияние на жизненный путь) [1]. В исследованиях географической мобильности перемещающийся индивид рассматривается как элемент социальной структуры, его перемещения связываются с наличием у него определённых ресурсов (например, высокого дохода). Географическая мобильность и её последствия для жизненного пути используются в связи с изучением социальных неравенств [10, с. 343].

Таким образом, при изучении географической мобильности необходимо применение многомерного подхода, учитывающего комплекс связанных вопросов. Помимо вышеупомянутых, отметим барьеры географической мобильности, последствия географической мобильности для дальнейшей жизни (в том числе вопрос осуществления/не осуществления социальной мобильности), возраст при переезде, направление переезда и др.

Географическая мобильность в данном исследовании рассматривается через два показателя: во-первых, как перемещение (смена населённого пункта) с долгосрочными целями (смена постоянного места жительства сроком более чем на один год); во-вторых, как готовность к перемещению, операционализируемая через наличие у респондента плана на переезд.

Мы разделяем тезис Л. Пикколи [16], который утверждает, что существующий плюрализм терминов не является проблематичным при чётком прописывании определений и уделению внимания разграничениям со смежными терминами. Таким образом, термины, описанные выше, могут применяться для разных тематик в зависимости от основного исследовательского фокуса.

В современных исследованиях для изучения неосуществления переезда при наличии желания переехать используются разнообразные термины, например:

«недобровольная имобильность» [17] – чаще всего описывает респондентов, которые приняли окончательное решение не переезжать (окончателность решения подчёркивается респондентами), чаще всего в качестве причин называются внешние условия (например, необходимость ухода за родственниками);

«застрявшее население» [18] (trapped population) – чаще используется для обозначения респондентов, которые добровольно предпочитают оставаться даже в экологически неблагоприятных (например, заражённых радиацией) или опасных районах (на территории, где проводятся военные действия) – чаще всего остаются из-за ощущения ностальгии по прожитым годам в данном населённом пункте, любви к месту, патриотическим чувствам;

«оставленные позади» [19] (left behind) – чаще всего используется для обозначения пассивности в процессе выбора: переезжать или нет. Предпочтение

оставаться в том же населённом пункте при необходимости ухаживать за больным родственником или из-за так называемых «связанных жизней» (когда один из супругов не переезжает даже при наличии такого желания из-за устоявшейся карьеры второго супруга), но в отличие от «недобровольной иммобильности» не предполагает, что решение о нереализации мобильности окончательное.

В исследованиях С. Н. Мищук, опираясь на опыт зарубежных исследований [17], выделяет три категории «неподвижного» населения: «добровольные немигранты», которые планируют переезд, независимо от обстоятельств; «покорные немигранты», которые не планируют переезд и не имеют возможности; «недобровольные немигранты», которые желают осуществить переезд, но не имеют такой возможности [20, с. 113].

С точки зрения подхода жизненного пути, переезд является одним из важнейших «жизненных выборов», при этом выбором может быть как сам переезд, так и отказ от него [21]. В данном исследовании мы будем использовать термин «нереализованная географическая мобильность» для описания случаев, когда респонденты имеют желание/план переезда, но по каким-то причинам не осуществляют его на данном этапе жизненного пути.

П. Бурдьё рассматривал перемещения в пространстве – социальном и физическом. Данные пространства тесно связаны между собой, поскольку социальное пространство конструируется неравным распределением видов капитала, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективизированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [22, с. 53]. Таким образом, физическое пространство индивида определяется сложной структурой социальных неравенств, а изменение физического пространства зависит от наличия накопленных у индивида видов капитала (экономического, культурного, символического, социального). Согласно П. Бурдьё, столица является «местом капитала», местом притяжения, где сконцентрированы индивиды, занимающие высшие позиции в обществе. Возможность занимать эти позиции зависит от способности присвоения материальных или символических дефицитных благ, и эта борьба за присвоение благ зависит от наличного капитала. Данная борьба за блага, по П. Бурдьё, может приводить к социальной мобильности (внутри/межпоколенческой), автор приводит пример переезда в столицу как выстроенной социальной траектории, которая приводит к успеху [22, с. 57]. С позиции данной теории недостаток разного вида накопленного капитала может выступать барьером для желаемого переезда, например, недостаток экономического капитала может выражаться в нехватке материальных средств. В качестве барьеров социального капитала можно рассматривать отсутствие связей для устройства на работу. Барьером для культурного капитала может выступать наличие у респондента местного диалекта, характерного для села, в этом случае он может ощущать себя чужаком, испытывать стыд, психологические страхи при мысли о переезде, даже при осознании, что его доходы на новом

месте могут быть выше. Или, если говорить о символическом капитале, можно привести следующий пример: респондент мог считаться самым высококлассным зубным врачом в маленьком городе (где практически не было других врачей), обладать высокой репутацией, а, приехав в столицу, не выдержать конкуренции с более профессиональными специалистами.

Конечной целью переезда, по П. Бурдьё, не обязательно является столица, а место жительства, где индивид может добиться максимальной реализации накопленных капиталов, подняться вверх по социальной лестнице. Таким образом, можно предположить, что те респонденты, которые уже проживают в столице, реализовали свой потенциал и добились высокого положения в обществе, не будут обладать желанием осуществить географическую мобильность. Теория П. Бурдьё помогает понять возможные барьеры нереализованной географической мобильности, основываясь на социальном неравенстве. Вместе с тем, считаем необходимым проанализировать современные эмпирические исследования для уточнения возможных мотивов, барьеров, последствий и общих особенностей нереализованной мобильности.

Отечественные и зарубежные исследования нереализованной географической мобильности

Среди особенностей группы респондентов, не реализовавших географическую мобильность, было выявлено, что данная группа дифференцируется по переменным наличия детей, семейному положению, уровню образования, полу (для респондентов, находящихся в браке, при наличии детей, низком уровне образования, принадлежности к мужскому полу переезд менее вероятен) [23; 24]. Существуют исследования, в которых наоборот утверждается, что принадлежность к женскому полу увеличивает вероятность нереализации географической мобильности, вследствие ухода за детьми, традиционной гендерной роли «хранительницы очага», ограничивающей доступ к ресурсам [25]. Было показано, что для группы «нереализованной географической мобильности» более характерна принадлежность старшей возрастной группе [26].

Противоречивые результаты в исследованиях демонстрирует переменная занятости: с одной стороны, нереализованная географическая мобильность связана с безработицей [27] – в этом случае очень часто респондент полагается на финансовую помощь родственников и не решается переехать в поисках работы, в других исследованиях, наоборот, безработица называется фактором осуществления географической мобильности [28].

Мотивы. В 2019 году ВЦИОМ выявил, что основными мотивами нереализованной мобильности россиян являются: безработица или удалённость работы, более высокий уровень жизни в месте желаемого переезда, экологические причины, а также предпочтение более благоприятного климата ¹.

¹ Охота к переменам мест: зачем и почему? // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu> (дата обращения: 13.07.2025).

Зарубежные исследования показали, что основными мотивами нереализации географической мобильности являются: улучшение материального положения [29], желание воссоединения с семьёй [30], общее улучшение качества жизни [31].

Барьеры. Среди барьеров, связанных с нереализацией геомобильности, исследователи выделяют психологические причины – неготовность серьёзно изменить свою жизнь [32], боязнь потерять то, что уже имеешь (жильё, привычный уровень жизни). Ещё Э. Тоффлер отмечал, что переезжающие «испытывают чувство тягостной утраты, тоски, общей депрессии, крайней раздражительности, проявляют симптомы психологического, социального или физического недомогания... испытывают чувство беспомощности, склонны идеализировать утраченное место» [33, с. 101]. В этой связи, для респондентов, не реализовывающих географическую мобильность, психологические страхи могут выступать в качестве барьера переездам, например, неуверенность в отношении успешного поиска работы [34].

На нереализованную географическую мобильность могут влиять наличие друзей и родственников в данном месте проживания, с которыми респонденты потенциально не хотят потерять связь после переезда. Кроме того, было показано, что решение о переезде чаще всего не принимается отдельными членами семьи, а является своего рода стратегией действий, обсуждаемых всей семьёй или её частью [35]. Переезд может быть необходим в случае обеспечения ухода за болеющими/пожилыми родственниками [36].

Нереализованная географическая мобильность чаще всего в публикациях связывается с экономическими причинами – низким доходом [26] (например, неспособностью оплатить аренду жилья [32]).

Ж. Зайончковская и Н. Мкртчян [36] выделяют бюрократические барьеры переезда, в частности, необходимость регистрации по новому месту жительства, сбор документов для аренды квартиры, ограничения, связанные с оформлением возможности пользования медицинским обслуживанием, устройством детей в детские сады.

Последствия. Исследования показывают, что нереализованная географическая мобильность связана со снижением заработка, длительной безработицей, может приводить к нисходящей профессиональной мобильности [38], особенно это касается респондентов, которые остались проживать в экономически неблагополучных регионах. Кроме того, анализ данных выявил, что респонденты, не реализовавшие географическую мобильность в среднем чаще, чем те, кто осуществил её, отмечают низкий уровень качества жизни и снижение удовлетворённости жизнью [39]. Установлена связь между нереализованной географической мобильностью и самооценкой социального статуса. Как показывают результаты исследований, респонденты склонны рассматривать отсутствие переезда как ключевую причину жизненной нереализации и оценивать свой социальный статус как низкий [40].

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования выступает всероссийский опрос по случайной вероятностной выборке населения 50 лет и старше, проведённый ЦЕССИ в 2023–2024 гг. в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослого в 1990-е». Анализ географической мобильности россиян на разных этапах их жизненного пути предполагает рассмотрение либо всего жизненного цикла, либо его значительной части. Поэтому в качестве объектов исследования могут выступать исключительно респонденты из тех возрастных групп, которые уже прошли большую часть этих этапов.

Опрос проведён в два этапа: первый – осень 2023 г., второй – весна 2024 г. Модель выборки – всероссийская случайная вероятностная многоступенчатая территориальная выборка 2 000 респондентов и дополнительно 326 интервью по модели «boost», отобранных по критерию мобильности (хотя бы раз меняли населённый пункт проживания). Дополнительная выборка мобильных респондентов построена, чтобы увеличить количество мобильных респондентов в выборке и расширить возможности для проведения статистического анализа.

Структура основной выборки очень близка к данным демографической статистики по основным социально-демографическим и географическим параметрам. Дополнительно построен и применён демографический вес для приближения выборки к параметрам генеральной совокупности не только на страновом уровне, но и внутри федеральных округов. Для работы с данными всего населения целевой группы построен вес (weight), чтобы привести соотношение мобильных и немобильных групп к уровню, полученному в основной случайной выборке. Для этого количество немобильных респондентов увеличено в соответствии с их долей, количество мобильных остаётся неизменным.

Исследование не учитывает кратковременные перемещения, жилищные переезды внутри одного населённого пункта, вынужденные переселения по закону (срочная служба в армии, тюремное заключение).

Ограничением является то, что данные собирались по выборке наличного населения РФ на 2023 год, то есть люди, покинувшие страну (внешняя миграция) в разные годы, в выборку не включались, что может повлиять на недооценку уровня мобильности за счёт недоучёта эмиграции.

Нереализованная географическая мобильность и её особенности

Для измерения нереализованной географической мобильности респондентам задавался вопрос о том, возникало ли у них в течение жизни желание или планы переехать жить в другое место – другой населённый пункт, регион, страну. Для выделения особенностей группы «нереализованной мобильности» (респонденты, которые хотели переехать, но не переехали) мы выделили группу «целенаправленной не мобильности» (респонденты, которые не хотели переезжать и не переехали) и «реализованной мобильности» (респонденты, которые

переехали). Всего доля «нереализованной мобильности» составляет 10%, «целенаправленная не мобильность» – 55%, «реализованная мобильность» – 35% (см. табл. 1). В продолжении анализа мы применили таблицы сопряженности с использованием статистики χ^2 для определения параметров, по которым между этими группами есть различия.

Наибольший потенциал нереализованной мобильности в самой молодой из исследуемых возрастной группе – 1964–1973 г. рожд., наибольшая «целенаправленная не мобильность» в группе 1953–1963 г. рожд., а «реализованная мобильность» в самой старшей возрастной группе до 1953 г. рожд. Если сопоставить этот результат с предыдущими исследованиями, получается, что наибольший уровень географической мобильности был как раз у самой старшей возрастной группы, которая осуществляла переезды в советское время [1]. Можно предположить, что нереализованный потенциал наиболее молодой группы (1964–1973 г. рожд.) связан с контекстом периода желаемых перемещений. Наиболее активный возраст для переезда – 25–30 лет, таким образом, этот период у данной группы совпал со сложной эпохой 1990-х. Период нестабильной социально-экономической ситуации в стране, войны в Чечне.

Таблица 1

Особенности группы «нереализованной мобильности» в сравнении с группами «целенаправленной» и «реализованной мобильности», %

Группы с разными видами географической мобильности	Нереализованная мобильность	Целенаправленная не мобильность	Реализованная мобильность
Всего в выборке	10	55	35
<i>Возрастная группа</i>			
До 1953 г. рожд.	19	29	40
1953–1963 гг. рожд.	29	36	35
1964–1973 гг. рожд.	52	35	25
<i>Федеральный округ</i>			
Северо-Западный	6	5	7
Центральный	37	34	29
Приволжский	20	18	25
Южный	8	15	8
Северо-Кавказский	3	8	2
Уральский	9	8	8
Сибирский	13	10	12
Дальневосточный	4	2	9

Тест χ^2 , $p \leq 0,001$

Все три анализируемые группы более всего распространены в Центральном ФО, доля «нереализованной мобильности» чуть больше в Центральном ФО (37%), на фоне группы «целенаправленной» (34%) и «реализованной мобильности» (29%).

Наибольшая доля «нереализованной мобильности» обнаружена в Центральном ФО (37%), следом идут Приволжский (20%) и Сибирский (13%) ФО.

Других значимых различий у группы «нереализованной мобильности» с группами «целенаправленной не мобильности» и «реализованной мобильности» по социально-демографическим переменным (пол, уровень образования, уровень дохода¹, семейное положение, тип населённого пункта) не выявлено.

Мотивы нереализованной мобильности. Мотивы «нереализованной мобильности» отличаются от мотивов «реализованной мобильности». Если для «реализованной географической мобильности» основными мотивами являются семейные (переезды при создании новой семьи, при отделении от родительской семьи без образования своей семьи, воссоединение многопоколенной семьи, переезды вследствие профессиональных задач или интересов других членов семьи, их здоровья и других обстоятельств) [1, с. 155], то наиболее распространёнными по частоте мотивами «нереализованной мобильности» являются мотивы изменения качества жизни: лучшие климатические/экологические условия (21%), условия жизни, инфраструктура (20%), стремление изменить жизнь (9%) (см. рис. 1). Данное распределение согласуется с результатом отсутствия различий у группы «нереализованной геомобильности» по сравнению с группами «целенаправленной не мобильности» и «реализованной мобильности» в доходе, уровне образования – мотив улучшения материального положения только на четвёртом месте в рейтинге, а образование на последнем.

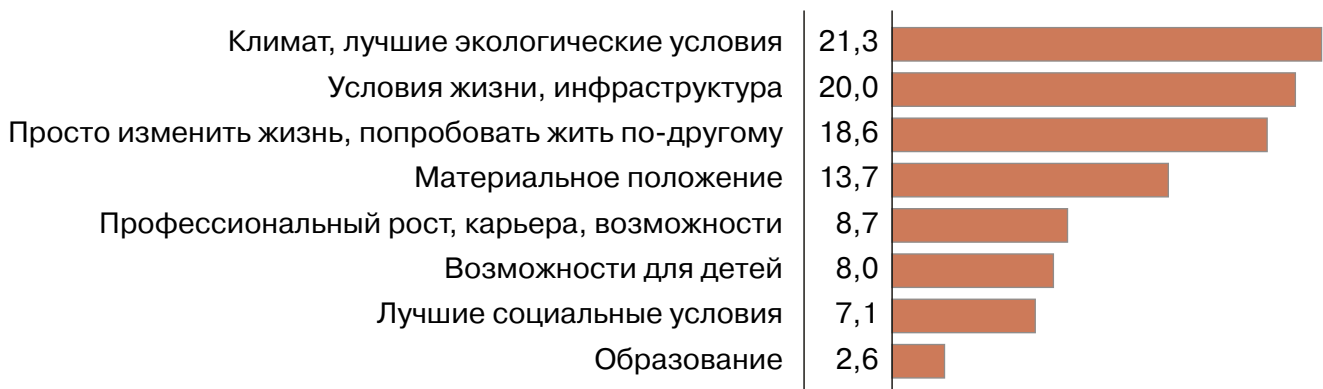

Рис. 1. С чем было связано желание переехать, % от не реализовавших географическую мобильность

Соотнося результат о превалировании мотива лучших экологических условий с данными об особенностях группы «нереализованной мобильности» (см. табл. 1), можно сказать, что данная группа в настоящий момент преимущественно проживает в Центральном ФО и не имеет значимых различий с группами «реализованной мобильности» и «целенаправленной не мобильности» по достигнутому доходу, образованию, типу населённого пункта, в котором сейчас проживает респондент, что позволяет предположить удовлетворённость базовых потребностей группы «нереализованной мобильности». И как следствие – мотив

¹ Для анализа разницы дохода в этих группах применялся анализ сравнения средних, который показал отсутствие статистически значимых различий ($p > 0,05$).

улучшения экологических условий как гипотетическую возможность жить ещё лучше, удовлетворить потребности в улучшении жизни в аспекте климата, например, жить где-нибудь у моря в более тёплом климате, но этот мотив не является необходимостью, побуждающей к немедленному действию.

Барьеры нереализованной мобильности. При ответе на вопрос о том, что помешало переезду, респонденты чаще всего называли нехватку материальных средств (30%), невозможность переезда из-за семейных обязанностей или других удерживающих обстоятельств (20%), а также из-за психологических причин, нехватки решимости (18%) (см. рис. 2). Таким образом, наше предположение о доминирующем барьере «нереализованной географической мобильности» – боязни потерять накопленное – не подтвердилось.

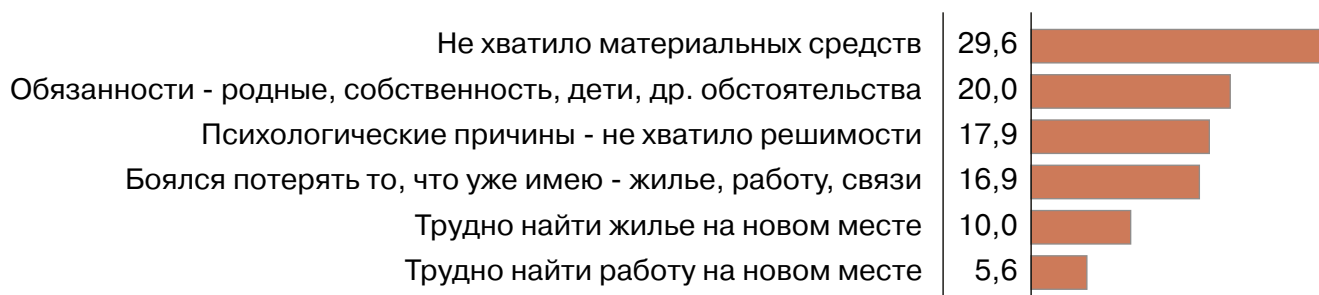

Рис. 2. Самооценка барьеров переезда, % от не реализовавших географическую мобильность

Нехватка материальных средств в качестве основного барьера «нереализованной географической мобильности» согласуется с теорией П. Бурдьё, который писал о том, что наличие экономического капитала увеличивает вероятность переезда [22, с. 16].

Последствия нереализованной мобильности. На следующем этапе анализа в базе данных были отобраны переменные, наиболее близкие к ранее выделенным показателям, потенциально связанным с последствиями нереализованной мобильности (см. табл. 2).

Для проверки последствий нереализованной мобильности используется бинарная логистическая регрессия. В качестве зависимой переменной используется дихотомическая шкала (0 – всегда хотел жить только здесь, 1 – возникало желание/план переезда). В качестве независимых переменных выступали все переменные (см. табл. 2), которые были проверены на отсутствие мультиколлинеарности и включались в модель постепенно. В итоговой таблице мы приводим только статистически значимые коэффициенты (см. табл. 3).

Результаты показывают, что для группы респондентов «нереализованной мобильности» характерна низкая удовлетворённость жизнью. Связь обнаружена с переменной, которая отражает отличия респондентов от родителей по профессиональной группе – межпоколенческую профессиональную мобильность. Анализ данных свидетельствует о том, что «нереализованная мобильность» связана с нисходящей профессиональной мобильностью. Нисходящая

Таблица 2

*Операционализация факторов, потенциально связанных
с последствиями нереализованной географической мобильности*

Показатели	Индикаторы в базе данных
Факторы удовлетворённости различными сторонами жизни	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? 0 – совершенно неудовлетворён, 10 – полностью удовлетворён
Бюрократические факторы	Аналогов в базе не обнаружено
Социально-демографические факторы	Пол, возраст, семейное положение, тип поселения сейчас, уровень образования, занятость
Экономические факторы	Каким был общий доход Вашей семьи из всех источников в последний год?
Символические факторы	Самооценка социального статуса (1 – очень низкое общественное положение, 10 – очень высокое общественное положение)
Факторы социальных связей	Количество близких людей
Профессиональная мобильность	Профессиональный статус (выше, чем у родителей; ниже, чем у родителей; такой же)
Реализация себя в жизни	Удалось в полной мере/отчасти; Удалось в малой степени/совсем не удалось реализовать
Влияние на ход жизни	Совсем не влияю; В чём-то да, в чём-то нет; сильно влияю

Таблица 3

*Факторы, связанные с последствиями нереализованной географической
мобильности. Результаты бинарной логистической регрессии*

Переменные в уравнении	B	Среднеквадратичная ошибка	Степени свободы	Значимость	Exp(B)
Не реализовались в жизни	0,71	0,13	1	0,00	2,03
Профессиональный статус ниже, чем у родителей	0,43	0,22	1	0,07	1,54
Удовлетворённость жизнью	–0,20	0,06	1	0,01	0,81
Самооценка социального статуса	–0,12	0,04	1	0,00	0,89
Constant	–17,84	0,16	1	0,99	0,00

Сводка по логистической модели: Псевдо- R^2 Кокса и Снелла = 0,100, Псевдо- R^2 Нагелькерка = 0,156
 Доля верно квалифицированных случаев – 83,60%

профессиональная мобильность в группе «нереализованной» географической мобильности согласуется с результатами их самооценки реализации в жизни и самооценкой социального статуса. Принадлежность к группе респондентов, которые считают, что не смогли реализоваться в жизни и низкой самооценкой социального статуса связаны с принадлежностью к группе «нереализованной географической мобильности».

Основные выводы и обсуждение результатов

Согласно результатам исследования нереализованный потенциал географической мобильности по достижении зрелого возраста (50 лет и старше) составляет 10%. Группа с «нереализованной геомобильностью» отличается от групп «целенаправленной немобильности» и «реализованной мобильности» по возрастному составу и по региону проживания.

Нереализованный переезд прежде всего связан с мотивами качества жизни – улучшить климатические, экологические и инфраструктурные условия жизни. Сопоставляя данный результат с портретом группы не реализующих геомобильность, можно сказать, что речь отнюдь не идёт о переезде для удовлетворения базовых потребностей/вынужденном переезде. Это респонденты, преимущественно проживающие в Центральном ФО, у которых нет различий по достигнутому доходу, уровню образования, типу населённого пункта, где они проживают в настоящий момент по сравнению с группами «целенаправленной не мобильности» и «реализованной мобильности». Речь идёт об удовлетворении потребностей высшего уровня – удовлетворённости качеством жизни. Согласно П. Бурдьё, респонденты должны стремиться жить в месте притяжения капитала, однако наши данные показывают, что они и так преимущественно живут в центральном регионе, а хотели бы жить, возможно, в менее статусном месте, но более комфортном в плане климатических условий.

Таким образом, желание осуществить геомобильность реализуется в первую очередь потому, что это связано с базовыми потребностями или внешней необходимостью – сильными мотиваторами поведения [1]. Мотивы более высокого порядка (качества жизни, новой жизненной траектории, более комфортных условий) менее мотивирующие на действия, поэтому реализуется реже. При этом сами респонденты называют основными барьерами материальные причины, хотя в реальности ими могут также служить и другие – психологические (привычка, боязнь рисковать), разрыв социальных связей и неопределённость в благополучном исходе на месте переезда.

Анализ последствий для группы с «нереализованной географической мобильностью» показал, что в отличие от группы «реализованной геомобильности» [4], последствия являются преимущественно негативными: в настоящее время данная группа характеризуется нисходящей межпоколенческой профессиональной мобильностью, низкой удовлетворённостью жизнью, а также отсутствием реализации себя в жизни и низкой самооценкой социального статуса.

Результаты исследования могут быть использованы для усовершенствования социальной политики, расширяя возможности населения для осуществления желаемой географической мобильности в течение жизненного пути.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Андрееenkova А. В., Воронина Н. С. Долгосрочная географическая мобильность в жизненном пути разных поколений россиян: уровень, направление, мотивация, потенциал // Мир России. 2025. Т. 34, № 2. С. 143–165. DOI [10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165). EDN YOYVDK. [Andreenkova A. V., Voronina N. S. Long-term geographic mobility in the life path of different generations of Russians: level, direction, motivation, potential. *The World of Russia=Mir Rossii*. 2025;34(2):143–165. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165)].
2. Sanchez A. C., Andrews D. Residential Mobility and Public Policy in OECD Countries // OECD Journal: Economic Studies. 2011. Vol. 2011, № 1. P. 1–22. DOI [10.1787/eco_studies-2011-5kg0vswqt240](https://doi.org/10.1787/eco_studies-2011-5kg0vswqt240).
3. Stillwell J., Bell M., Shuttleworth I. Studying Internal Migration in a Cross-National Context // Internal Migration in the Developed World: Are we Becoming Less Mobile? London, New York : Routledge, 2018. P. 56–75.
4. Андрееenkova А. В. Воронина Н. С. Социальные последствия географической мобильности в жизненном пути россиян старше 50 лет // Социологический журнал. 2025. № 3. С. 39–62. [Andreenkova A. V., Voronina N. S. Social consequences of geographic mobility in the life path of Russians over 50 years old. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2025;(3):39–62. (In Russ.)].
5. Park R. E., Burgess E. W. The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago: University of Chicago Press, 1925. 239 p. ISBN 978-0-226-M611.
6. Sorokin P. A. Social mobility. Harper & Brothers, 1927. 455 p.
7. Blau P. M., Duncan O. D. The American Occupation Structure. London, New York, Sidney : John Wiley & Sons Inc., 1967. 520 p. ISBN 978-0-471080350.
8. Zaritska N. Downshifting as Alternative Lifestyle Practices and Result of Individual Voluntary Life Strategies: Case of Ukrainian Society // Teorija in Praksa. 2015. Vol. 52, № 1-2. P. 220–235. EDN XLEZVF.
9. Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning A: Economy and Space. 2006. Vol. 38, № 2. P. 207–226.
10. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри ; пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с. ISBN 978-5-901574-98-0. [Urry J. Mobility. Trans. from English by A. V. Lazareva, intro article by N. A. Kharlamov. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis»; 2012. 576 p. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-98-0].
11. Re-routing Migration Geographies: Migrants, Trajectories and Mobility Regimes / J. Schapendonk, I. Van Liempt [et al.] // Geoforum. 2020. № 116. P. 211–216. DOI [10.1016/j.geoforum.2018.06.007](https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.06.007). EDN DFOADM.
12. Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение // Народонаселение. 2019. № 2. С. 4–16. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00011](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00011). EDN CWWEYR. [Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I., Maevsky D. P. Migration mobility of the population and its measurement. *Population=Narodonaselenie*. 2019;(2):4–16. (In Russ.). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00011](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00011)].
13. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1.

- C. 56–65. EDN [VYRWBH](#). [Zaslavskaya T. I., Rybakovsky L. L. Migration processes and their regulation in a socialist society. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*.1978;(1):56–65. (In Russ.)].
14. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М. : Формула права, 2007. 567 с. ISBN 978-5-8467-0049-9. EDN [QSOKDX](#). [Ryazantsev S. V. Labor migration in the CIS and Baltic Countries: trends, consequences, regulation. Moscow: Formula Prava; 2007. 567 p. ISBN 978-5-8467-0049-9. (In Russ.)].
15. Reed-Danahay D. Bourdieu and Social Space: Mobilities, Trajectories, Emplacements. New York : Berghahn Books, 2020. 161 p. ISBN 978-1-78920-353-0.
16. What Is the Nexus Between Migration and Mobility? A Framework to Understand the Interplay Between Different Ideal Types of Human Movement / L. Piccoli, M. Gianni, D. Ruedin [et al.] // *Sociology*. 2024. Vol. 58, № 5. P. 1019–1037. DOI [10.1177/00380385241228836](#). EDN [NEJXJK](#).
17. Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 28, № 1. P. 5–42. DOI [10.1080/13691830120103912](#).
18. Farbotko C., McMichael C. Voluntary Immobility and Existential Security in a Changing Climate in the Pacific // *Asia Pacific Viewpoint*. 2019. Vol. 60, № 2. P. 148–162. DOI [10.1111/apv.12231](#).
19. Mata-Codesal D. Ways of Staying Put in Ecuador: Social and Embodied Experiences of Mobility-Immobility Interactions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. Vol. 41, № 14. P. 2274–2290. DOI [10.1080/1369183X.2015.1053850](#).
20. Мищук С. Н. Факторы немиграции как элемент управления миграционными процессами // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 3. С. 103–117. DOI [10.14258/ssi\(2022\)3-07](#). EDN [ZFEZPI](#). [Mishchuk S. N. Non-migration factors as an element of migration process management. *Society and Security Insights*. 2022;5(3):103–117. (In Russ.). DOI [10.14258/ssi\(2022\)3-07](#)].
21. Андрееenkova А. В. Жизненные выборы на разных этапах жизненного пути – автобиографии одного поколения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3 (181). С. 88–113. DOI [10.14515/monitoring.2024.3.2538](#). EDN [SQDGCM](#). [Andreenkova A. V. Life Choices at Different Stages of the Life Path – Autobiographies of One Generation. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2024;(3):88–113. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2024.3.2538](#)].
22. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетея, 2007. 288 с. ISBN 5-89329-762-8. EDN [QOECDF](#). [Bourdieu P. Sociology of social space. Translation from French by N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletheya; 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-762-8].
23. Lu M. Do People Move When They Say They Will? Inconsistencies in Individual Migration Behavior // *Population and Environment*. 1999. Vol. 20, № 5. P. 467–488. DOI [10.1023/A:1023365119874](#). EDN [EQLXSZ](#).
24. Life Events and the Gap Between Intention to Move and Actual Mobility / C. De Groot, C. H. Mulder, M. Das [et al.] // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2011. Vol. 43, № 1. P. 48–66. DOI [10.1068/a4318](#).

25. Gender Differences in the Migration Process: A Narrative Literature Review / A. Anastasiadou, J. Kim, E. Sanlitürk [et al.] // *Population and Development Review*. 2024. Vol. 50, № 4. P. 961–996. DOI [10.1111/padr.12677](https://doi.org/10.1111/padr.12677). EDN [ZIKKRS](#).
26. Moore E. G. Mobility Intention and Subsequent Relocation // *Urban Geography*. 1986. Vol. 7, № 6. P. 497–514.
27. Monti A., Saarela J. Geographical Immobility and Local Ancestral Ties: A Study of Three Generations of Natives in Finland // *Geografiska Annaler: Series B: Human Geography*. 2025. Vol. 107, № 2. P. 117–134. DOI [10.1080/04353684.2023.2283102](https://doi.org/10.1080/04353684.2023.2283102).
28. Why do People Stay? Insider Advantages and Immobility / P. A. Fischer, E. Holm, G. Malmberg [et al.] // *HWWA Discussion Paper*. 2000. № 112. P. 1–41.
29. Chort I. Mexican Migrants to the US: What Do Unrealized Migration Intentions Tell Us About Gender Inequalities? // *World Development*. 2014. Vol. 59. P. 535–552. DOI [10.1016/j.worlddev.2014.01.036](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036).
30. Robins D. Immobility as Loyalty: ‘Voluntariness’ and narratives of a duty to stay in the context of (non) migration decision making // *Geoforum*. 2022. Vol. 134. P. 22–29. DOI [10.1016/j.geoforum.2022.05.017](https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2022.05.017). EDN [GFNKIG](#).
31. Geist C., McManus P. Geographical Mobility Over the Life Course: Motivations and Implications // *Population, Space and Place*. 2008. Vol. 14, № 4. P. 283–303. DOI [10.1002/psp.508](https://doi.org/10.1002/psp.508).
32. Geographical Mobility Barriers Identification for Persons to Become Active / A. Grigorescu, C. Lincaru, C. Stroe. [et al.] // *STRATEGICA*. 2020. Vol. 1. P. 631–644. URL: <https://strategica-conference.ro/wp-content/uploads/2022/04/48-1.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
33. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с. ISBN 5-17-010706-4. [Toffler E. Future shock. Moscow: ООО Izdatel'stvo AST; 2002. 557 p. ISBN 5-17-010706-4. (In Russ.)].
34. Barcus H. R., Brunn S. D. Towards a Typology of Mobility and Place Attachment in Rural America // *Journal of Appalachian Studies*. 2009. Vol. 15, № 1. P. 26–48.
35. Hjälml A. The ‘Stayers’: Dynamics of Lifelong Sedentary Behaviour in an Urban Context // *Population, Space and Place*. 2014. Vol. 20, № 6. P. 569–580. DOI [10.1002/psp.1796](https://doi.org/10.1002/psp.1796).
36. Stockdale A., Haartsen T. Editorial Introduction: Putting Rural Stayers in the Spotlight // *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24, № 4. P. 283–303. DOI [10.1002/psp.2124](https://doi.org/10.1002/psp.2124).
37. Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М. : Центр миграционных исследований. 2007. 87 с. EDN [WJYZNV](#). [Zayonchkovskaya Zh. A., Mkrtchyan N. V. Internal migration in Russia: legal practice. Moscow: Centr migracionnyh issledovaniy; 2007. 87 p. (In Russ.)].
38. Caliendo M., Künn S., Mahlstedt R. The Intended and Unintended Effects of Promoting Labor Market Mobility // *IZA Discussion Papers*. Institute of Labor Economics. 2022. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15011.html> (дата обращения: 29.07.2025).
39. Diaz A., Janez A., Wellschmied F. Geographic Mobility Over the Lifecycle // *IZA Discussion Papers*. Institute of Labor Economics. 2023. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15896.html> (дата обращения: 29.07.2025).
40. Rejection, Stigma and Self-Esteem Among South American Immigrants in an Irregular Situation in Chile / J. Berríos-Riquelme, D. Frías-Navarro, V. Vargas-Salinas [et al.] // *Journal of Immigrant and Minority Health*. 2025. DOI [10.1007/s10903-025-01696-9](https://doi.org/10.1007/s10903-025-01696-9).

Сведения об авторах

Н. С. Воронина

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 7577-4230

В. Л. Кожарин

старший лаборант,
младший научный сотрудник
SPIN-код: 7882-5806

Вклад авторов:

Н. С. Воронина – 90% (разработка общетеоретической и методологической основы исследования; анализ данных; написание текста статьи, редактирование статьи и участие в оформлении текста по требованиям журнала)

В. Л. Кожарин – 10% (участие в поиске литературы, реферирование, участие в оформлении текста по требованиям журнала)

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 11.08.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.4

UNREALIZED GEOGRAPHIC MOBILITY IN THE LIFE PATH OF RUSSIANS: MOTIVES, OBSTACLES CONSEQUENCES

Natalia Sergeevna Voronina¹

Vyacheslav Leonidovich Kozharin²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,

^{1, 2} Institute for Comparative Social Research,

Moscow, Russia,

¹navor@bk.ru,

ORCID 0000-0001-8859-6803

²darker3389@gmail.com,

ORCID 0009-0003-4273-8628

For citation: Voronina N. S., Kozharin V. L. Unrealized geographic mobility in the life path of Russians: motives, obstacles consequences. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):77–95. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.4.

Abstract. Modern research shows that every fourth Russian aged 18 and over wants to be geographically mobile, but the motives, barriers to its implementation and consequences of this decision for life – failure to implement geographical mobility – remain poorly understood. The empirical basis of the study is an all-Russian survey of a random probability sample of the population aged 50 and older, conducted by CESSI in 2023–2024 as part of the project “Life Path of the Generation Who Came of Age in the 1990s”. The study data allow us to conclude that the unrealized potential of geographical mobility of the population aged 50 and older is slightly lower than that of the population aged 18 and

older – 10%. The group with unrealized potential differs from respondents who deliberately did not implement geographical mobility and from the group implementing geographical mobility by age. The greatest unrealized geographic mobility was found in the age group born in 1964–1973. The motives for unrealized mobility differ from the motives for realized mobility. Realized mobility is most often associated with family motives: moving when starting a new family, when separating from the parental family without forming one's own family, reuniting a multi-generational family, moving due to professional tasks or interests of family members, their health and other circumstances. Unrealized mobility is associated with the quality of life: respondents wanted to move in order to improve the climatic/ecological and infrastructural living conditions and would also like to simply change their lives and try to live differently. The main barriers to moving for the group of “unrealized geographic mobility” are lack of material resources and family responsibilities, psychological reasons (indecision). The results of the regression analysis showed that unrealized geographic mobility demonstrates a connection with negative consequences for the life course: downward intergenerational occupational mobility, lack of fulfilment in life, low self-esteem of social status and lack of life satisfaction.

Keywords: geographic mobility, unrealized geographic mobility, social mobility, social inequality, motives, life course

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00635. The authors express their gratitude to A. V. Andreenkova for valuable recommendations at the stage of writing the text.

Information about the Authors

N. S. Voronina

Candidate of Sociology,
Leading Researcher
ResearcherID: [AAC-7585-2019](#)
Scopus AuthorID: [57208439607](#)

V. L. Kozharin

Senior Laboratory Assistant,
Junior Research Associate
ResearcherID: [JMC-8041-2023](#)

Contribution of the authors:

N. S. Voronina – 90% (development of the general theoretical and methodological basis of the study; data analysis; writing the article text, editing the article and participating in formatting the text according to the journal's requirements)

V. L. Kozharin – 10% (participation in literature search, abstracting, participating in formatting the text according to the journal's requirements)

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication 11.08.2025.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.5

EDN: YYBDUN

Научная статья

СОКРАЩЕНИЕ ДОСТУПА ДЕТЕЙ-ИНОСТРАНЦЕВ К РОССИЙСКОМУ ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ

Ксения Сергеевна Григорьева

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

ksenia_grig@mail.ru,

ORCID 0000-0002-7761-7792

Для цитирования: Григорьева К. С. Сокращение доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию: вероятные последствия для политики интеграции // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 96–114. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.5. EDN YYBDUN.

Аннотация. Дети, родившиеся в принимающей стране или привезённые в дошкольном/школьном возрасте, представляют собой особый контингент мигрантов, обладающий повышенным интеграционным потенциалом по сравнению с мигрантами первого поколения. При этом ключевую роль в процессе интеграции таких детей в принимающую среду играет образование. В последние годы доступ детей мигрантов к российскому школьному образованию улучшался. Несмотря на сложности, с которыми сталкивались учащиеся-иностранцы в российских общеобразовательных учреждениях, к старшим классам им удавалось справиться с ними и в последующей взрослой жизни достичь высоких показателей интеграции в социально-экономической, культурной и идентификационной сферах. Однако новации миграционного законодательства 2024 года, а также законодательные инициативы 2025 года, нацеленные на полное или частичное закрытие доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию, способны перечеркнуть указанные достижения. В статье на основании анализа научной литературы, данных массовых опросов иностранных граждан, проведённых в 2011, 2017 и 2020 гг., законопроектов 2024–2025 гг. об ограничении или лишении прав детей мигрантов на получение бесплатного образования в России, статистической информации о тестировании по русскому языку детей-иностранцев, желающих поступить в российские общеобразовательные учреждения, исследуются показатели интеграции детей иностранных граждан, их доступа к российскому школьному образованию до и после 2025 года. Рассматриваются возможные последствия частичной или полной отмены права таких детей на бесплатное школьное образование в России для них самих, локальных принимающих социумов и страны назначения в целом. По результатам анализа сформулирован вывод: закрытие или ограничение доступа детей-иностранцев к российскому образованию не сможет решить проблему поступления в общеобразовательные учреждения учащихся, недостаточно владеющих русским языком. Для эффективного решения этой проблемы требуется комплекс мер,

© Григорьева К. С., 2025

направленный на расширение доступа детей мигрантов к дошкольному образованию, курсам социокультурной и языковой адаптации, повышение квалификации работающих с ними педагогов.

Ключевые слова: дети мигрантов, образование, интеграция, миграционная политика, новации миграционного законодательства

Введение.

Проблема, эмпирическая и информационная база исследования

Хотя количество иммигрантов в России в последние годы снижается [1], страна по-прежнему входит в десятку государств мира, обладающих наиболее высокой миграционной привлекательностью. При этом структура миграционных потоков существенно изменилась: если в середине 2000-х гг. доля выходцев из стран Средней Азии была относительно небольшой, сегодня уроженцы среднеазиатских государств составляют большинство иммигрантов, едущих в Россию [2]. Учитывая, что выходцы из Средней Азии, как правило, менее образованы, хуже владеют русским языком и имеют более выраженные культурные отличия от принимающего российского населения по сравнению с уроженцами других стран-доноров, входящих в СНГ, указанные изменения актуализируют проблему интеграции иммигрантов в принимающую среду. Без эффективного решения данной проблемы возрастают риски обострения социальной и межэтнической напряжённости, возникновения локальных конфликтов между местным населением и приезжими, замыкания мигрантов в этнических и земляческих сообществах.

Интеграция зависит от множества факторов, а разные контингенты мигрантов имеют различный интеграционный потенциал. Важную роль играют экономический, социальный, культурный капитал приезжих, их ожидания и планы, владение языком страны назначения. Кроме того, общепризнано, что успех интеграции связан с возрастом прибытия в страну приёма. Если иммигранты, переезжающие во взрослом возрасте, как правило, не в полной мере включаются в принимающую среду, сохраняя сильные связи со страной исхода, то их дети (иммигранты 1,25-го поколения¹, полуторного², 1,75-го³ и особенно второго поколения⁴ [3, р. 1167]) обычно более успешны в данном отношении [4, с. 321].

Привезённые в дошкольном или школьном возрасте, а иногда и родившиеся в России, такие мигранты склонны видеть в ней свою родину (иногда вторую, но зачастую единственную), связывать со страной приёма своё будущее и будущее своих детей, способны становиться посредниками между двумя культурами.

¹ Дети, привезённые в принимающую страну в возрасте 13–17 лет.

² Дети, переехавшие в страну назначения в возрасте 6–12 лет.

³ Дети, приехавшие в страну приёма в возрасте 0–5 лет.

⁴ Дети, рождённые в принимающей стране.

При этом образование, получаемое детьми мигрантов в стране назначения, играет важнейшую роль в процессе их интеграции в принимающее общество.

В настоящей статье исследуются: показатели интеграции детей мигрантов в России, их доступа к российскому образованию до и после принятия Федерального закона от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ, установившего требования об обязательном тестировании по русскому языку и предъявлении документов, подтверждающих законность нахождения несовершеннолетнего иностранца на территории РФ; секьюритизирующие дискурсы, связанные с получением детьми-иностранцами бесплатного школьного образования в принимающей стране; вероятные последствия ограничения или полного закрытия доступа таких детей к российскому образованию.

Эмпирической и информационной базой исследования служат:

- 1) данные количественных опросов иностранных граждан, проведённых Центром этнополитических и региональных исследований в 2011 и 2017 гг. по заказу НИУ ВШЭ и Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН в 2020 г.¹ В 2011 году по общероссийской выборке, основой формирования которой послужили данные Главного управления по вопросам миграции МВД России², было опрошено методом «лицом к лицу» 8 499 респондентов-иностранцев, четверть которых проживала в России с несовершеннолетними детьми, в 2017 году по тем же методическим процедурам – 8 577 иностранных граждан, из них 1 411 человек привезли в принимающую страну несовершеннолетних детей. В 2020 году опрос проводился только в Московском регионе по сходной методике³. В исследовании приняли участие 700 иностранцев, среди которых 108 приехали в Россию вместе с несовершеннолетними детьми;
- 2) законопроекты об ограничении, частичном или полном закрытии доступа детей мигрантов к российскому школьному образованию (законопроекты №№ 778084-8, 982094-8 и 990640-8), пояснительные записки к ним, отзывы Правительства РФ, профильных комитетов Госдумы и Совета Федерации, а также связанные с данными законопроектами секьюритизирующие дискурсы в СМИ и телеграм-каналах депутатов Госдумы и руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (далее – Рособрнадзор), касающиеся получения детьми-иностранцами школьного образования в России;
- 3) статистические данные о доле несовершеннолетних иностранных граждан, успешно прошедших тестирование по русскому языку, представленные Рособрнадзором в мае и июне 2025 года.

¹ Руководитель проектов – В. И. Мукомель.

² ЦБДУИГ – центральная база данных учёта иностранных граждан.

³ Основная часть инструментария (анкеты) повторялась во всех трёх исследованиях. Во всех проектах использовался метод «лицом к лицу» (face to face), опрос проводился на улице, в местах концентрации иностранных граждан.

Результаты

Интеграция детей мигрантов в России: что выявили исследования.

Исследователи солидарны в том, что дети мигрантов являются важным человеческим ресурсом для принимающего общества и государства [5, с. 126; 6, с. 154; 7, с. 120]. Пройдя полную или частичную первичную социализацию в стране назначения, они имеют все шансы сформировать устойчивую российскую гражданскую идентичность, приобрести востребованную на рынке труда профессию и продвинуться по социальной лестнице.

Кроме того, дети нередко служат проводниками интеграции для своих родителей (мигрантов первого поколения). Это особенно справедливо в отношении неработающих матерей, зачастую не владеющих русским языком и ведущих замкнутый образ жизни. Благодаря своим детям женщины-мигрантки вступают в контакты с внешним миром в принимающей стране, прежде всего с образовательными учреждениями и учреждениями здравоохранения [8, с. 40–41; 6, с. 151–152; 9, с. 101; 10, с. 4610].

Исследования показывают: образование – ключевой институт адаптации и интеграции детей мигрантов в стране назначения [11; 8; 12; 9; 13]. При этом оно может играть двоякую роль: с одной стороны, образование способно стать социальным лифтом, открывающим возможности восходящей социальной мобильности [9, с. 102], с другой – образовательные среды могут воспроизводить социальное неравенство, закрепляя за детьми-иностранцами и детьми с миграционным фоном низшие социальные позиции [12, с. 196–197]. Последнему варианту развития событий способствует тот факт, что дети мигрантов нередко оказываются в школах, не обладающих высоким рейтингом [8, с. 26–30; 14; 15], практики перевода детей-инофонов в классы коррекционно-развивающего обучения [12, с. 196], а также низкая учебная мотивация части учеников с миграционным бэкграундом и недостаточная заинтересованность их родителей в получении детьми полного школьного и послешкольного образования [9, с. 100].

Впрочем, согласно результатам большинства российских исследований, значительная часть иностранцев и лиц с миграционным фоном всё же стремятся дать своим детям образование, рассматривая его как необходимый инструмент их самореализации и достижения успеха во взрослой жизни [8, с. 52; 16, с. 8149; 12, с. 207]. Важное наблюдение ряда российских учёных также состоит в том, что, вопреки всем сложностям, с которыми сталкиваются дети мигрантов в российских школах, они, как правило, имеют те же жизненные планы, что и их одноклассники без миграционного бэкграунда, и сходные с ними образовательные траектории [8, с. 52; 13, с. 225, 230]. Наконец, необходимо иметь в виду, что, несмотря на возможные негативные эффекты воспроизводства социального неравенства в ходе получения образования, отсутствие доступа к нему – верный путь к маргинализации молодых людей с миграционным фоном и утрате шансов на лучшее будущее в государстве приёма [6, с. 143–144].

Специалисты расходятся в оценках успеваемости детей мигрантов. Согласно одним исследованиям, учебные показатели детей с миграционным фоном даже превосходят показатели местных учеников [17]. Согласно другим – напротив, иностранные учащиеся и дети с миграционным бэкграундом серьёзно отстают от местных сверстников [9; 7]. Наконец, по данным третьих – значимые различия в успеваемости детей с миграционным фоном и без него отсутствуют [13]. Можно предположить, что такие разночтения обусловлены различием объектов изучения: в разных проектах исследовались «столичные» (московские и петербургские) и региональные школы, анализировались успехи младших школьников, только начинающих встраиваться в российскую образовательную систему, и старшеклассников, изучались контингенты учащихся, прибывших из разных стран и т. д.

Вероятно, более объективную картину дают исследования, предлагающие ретроспективный взгляд на образовательные успехи детей с миграционным бэкграундом. В частности, коллектив авторов, представляющий Группу исследований миграции и этничности РАНХиГС, проведя масштабный онлайн-опрос мигрантов второго поколения¹ и их сверстников без миграционного бэкграунда, пришёл к выводу, что выходцы из Закавказья более успешны в своих образовательных траекториях, чем уроженцы Средней Азии и даже местные жители: среди них наиболее высока доля людей с высшим образованием и учёной степенью. В то же время выходцы из среднеазиатских стран проигрывают по уровню образования двум другим группам [4, с. 328].

В числе основных проблем, с которыми сталкиваются дети мигрантов в российских образовательных учреждениях, называются: недостаточное знание русского языка [5; 12; 6]; буллинг со стороны других учащихся и предвзятость учителей [17; 13]; частые переезды детей (включая перемещения между отдающей и принимающей страной) и вызванная ими смена учебных заведений [8, 12, 6]; неподготовленность преподавательского состава к работе с детьми-инофонами [6]; отсутствие целевого бюджетного финансирования занятий по языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в школах, а также недостаток учебно-методических материалов для работы с ними [6; 9].

Несмотря на все перечисленные проблемы, исследования показывают: к старшим классам дети мигрантов успешно адаптируются к образовательной среде и российским реалиям в целом. Языковой барьер преодолевается, конфликты с одноклассниками и учителями сходят на нет, успеваемость выравнивается [12; 13].

Учёные также указывают на то, что дети мигрантов достигают высоких показателей интеграции в социально-экономической сфере (их доходы фактически не отличаются от доходов местных жителей), культурной сфере (их ценностные установки гораздо либеральнее родительских, хотя и несколько более консервативны, чем установки местных жителей) и идентификационной сфере

¹ В эту категорию авторы включили как родившихся на территории России, так и тех, кого привезли в страну в (до)школьном возрасте.

(подавляющая часть из них идентифицирует себя с принимающим обществом, а их круги общения полиэтничны и поликультурны) [4].

Во всех без исключения рекомендациях специалистов в области изучения интеграции говорится о необходимости улучшения доступа детей мигрантов к российскому образованию, оказания всесторонней системной поддержки таким детям и работающим с ними педагогам, усовершенствования методик работы с детьми-инофонами [см., напр.: 18; 6, 9, 5]. При этом данные рекомендации обусловлены не только гуманитарными представлениями, российскими и международными обязательствами государства по обеспечению права на образование каждому человеку независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и других обстоятельств¹, но и прагматическими соображениями, высокой перспективностью вышеупомянутого контингента мигрантов с точки зрения интеграции в принимающее общество.

Доступ детей и молодых людей с миграционным бэкграундом к российскому образованию до апреля 2025 г.: данные эмпирических исследований. Согласно нашим исследованиям, доступ детей и молодых людей с миграционным бэкграундом к образованию в России в течение последнего десятилетия постепенно улучшался.

Так, если в 2011 году полностью осуществить образовательные планы удалось лишь 36% опрошенных, то в 2017 году реализовать желание получить/продолжить образование смогли 63% респондентов, повысить квалификацию или приобрести профессию – 40,5% опрошенных, дать образование своим детям – 58,5% тех, кто намеревался это сделать². Согласно опросу 2020 года, перечисленные показатели в Московском регионе были ещё выше (см. рис. 1).

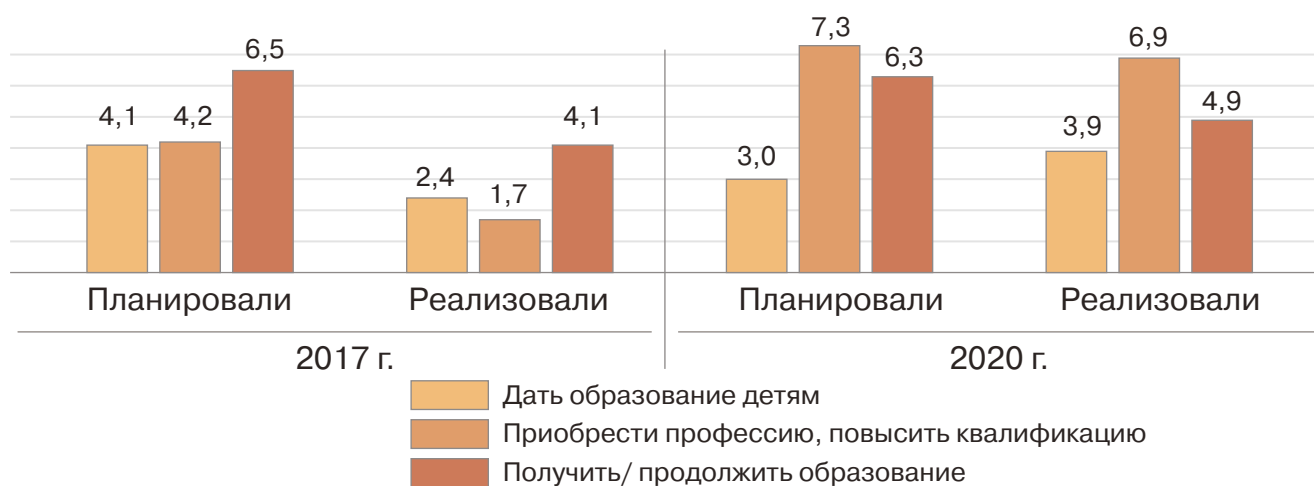

Рис. 1. Образовательные планы иностранных граждан и их реализация, 2017 и 2020 гг., %

¹ Конституция РФ, Конвенция ООН о правах ребёнка, Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

² Следует иметь в виду, что подавляющее большинство респондентов ехало в Россию с целью устройства на работу, те или иные образовательные планы имели менее десятой части опрошенных.

Особый оптимизм внушал тот факт, что дать образование детям в России в 2020 году в столичном регионе смогли даже те респонденты, которые изначально этого не планировали (рис. 1).

При этом уже в 2017 году фиксировалось значимое снижение воспринимаемого уровня враждебности к детям и родителям-мигрантам в российских учебных заведениях¹ (рис. 2).

Рис. 2. Доля детей и родителей-иностранцев, сталкивавшихся с негативным отношением в учебных заведениях из-за национального происхождения, 2011 и 2017 гг., %

Результаты опросов также свидетельствовали о том, что, хотя существовали определённые сложности с устройством детей мигрантов в российские детские сады, обусловленные, по всей видимости, дефицитом свободных мест в дошкольных учреждениях, от которого страдают и местные жители, поступление в школу ни в 2017 году, ни в 2020 году не представляло серьёзной проблемы. Подавляющее большинство детей школьного возраста (более 90%), желавших посещать учебные заведения в принимающей стране, в указанный период ходили в России в школы либо обучались в учреждениях среднего профессионального образования (техникумах и колледжах).

Данные наших исследований показали: языковая интеграция детей из мигрантских семей идёт вполне успешно. И в 2011, и в 2017 году² большинство детей-иностранцев (74 и 76% соответственно) владело русским языком либо наравне, либо лучше, чем материнским.

Наконец, результаты обследований выявили связь между образовательными планами и интеграционными намерениями мигрантов. Даже сама по себе мотивация получить образование в России или дать российское образование детям оказалась сопряжена с ориентацией на постоянное проживание в принимающей стране (в среднем от 40 до 70% респондентов, имевших подобную мотивацию, по данным исследований 2017 и 2020 гг., намеревались осесть в России). В случае же успешной реализации образовательных планов интеграционные намерения ещё более укреплялись: среди тех, кому удалось осуществить такие планы, доля желающих остаться в России навсегда увеличивалась в среднем на 10–15%.

Таким образом, до 2025 года включение детей мигрантов и молодых людей с миграционным бэкграундом в российские образовательные среды шло достаточно благополучно, а показатели освоения русского языка детьми и молодёжью иностранного происхождения, равно как долгосрочные стратегии

¹ В 2020 году этот вопрос не задавался.

² В 2020 году этот вопрос не задавался.

тех, кто имел и в особенности реализовал образовательные планы в России, свидетельствовали о том, что иностранцы, получающие/стремящиеся получить российское образование или дать его своим детям, обладают более высоким уровнем интеграционного потенциала в сравнении с другими мигрантскими контингентами. Однако, как будет показано ниже, недавние новации миграционного законодательства обратили вспять достижения последних лет.

Законодательные новации 2024 года и инициативы 2025 года, касающиеся доступа детей мигрантов к школьному образованию в России.

24 ноября 2024 г. в Государственную Думу РФ был внесён законопроект об обязательном тестировании на уровень владения русским языком детей иностранных граждан и лиц без гражданства при поступлении в общеобразовательные организации. Помимо этого, законопроект предполагал, что дети, не имеющие подтверждающих документов о законном нахождении на территории России, не могут быть приняты в школу.

Один из авторов законопроекта, депутат от фракции «Единая Россия» Ирина Яровая, поясняла, что проектируемая законодательная новация *«позволит обеспечить защиту прав граждан России на образование, а также гарантирует его доступность и качество»*¹. Доводы И. Яровой поддержала Ирина Белых, возглавляющая Комитет по просвещению и тоже являющаяся одним из авторов законопроекта. *«Речь идёт о том, чтобы не допустить в один класс для получения образования тех, кто не знает русский язык, потому что присутствие детей, не знающих русский язык, не даёт нормально осваивать программы нашим, российским детям. Мы должны думать о наших, российских детях»*², – утверждала она.

Попытки первого заместителя председателя комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константина Затуллина и первого заместителя председателя комитета ГД по науке и высшему образованию Олега Смолина внести в законопроект поправки, которые бы позволяли принимать в школы детей, не прошедших тест, после успешного освоения ими бесплатной дополнительной общеобразовательной программы по изучению русского языка в государственной или муниципальной общеобразовательной организации или хотя бы зачислять проваливших тестирование в частные общеобразовательные учреждения, не увенчались успехом.

Получив одобрение Правительства РФ и комитета Госдумы по просвещению, а также профильных комитетов Совета Федерации, законопроект был принят обеими палатами российского парламента, подписан Президентом РФ 28 декабря 2024 г. и с 1 апреля 2025 г. вступил в силу.

1 августа 2025 г. в Государственную Думу поступила очередная законодательная инициатива, на этот раз предлагающая сделать обучение в 10-х и 11-х классах российских общеобразовательных учреждений платным для

¹ Госдума одобрила запрет брать в школы не знающих русский язык мигрантов // РБК : сайт. 10.12.2024. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2024/6756de059a794709f109a29b> (дата обращения: 13.08.2025).

² Там же.

детей-иностранцев. Пояснительная записка, подготовленная авторами законопроекта, аргументировала проектируемую меру приоритетом обеспечения прав граждан Российской Федерации в сфере образования, а также необходимостью рационального использования бюджетных средств¹.

В тот же день Председатель комитета Госдумы по труду Ярослав Нилов заявил в своём телеграм-канале о ещё одном готовящемся законопроекте, предполагающем полный запрет бесплатного обучения в российских школах для детей мигрантов и сокращение количества попыток прохождения тестирования на знание русского языка до трёх раз². 12 августа 2025 г. данный законопроект (№ 990640-8) был внесён в Государственную Думу группой депутатов³. В пояснительной записке приводились доводы о том, что в российских школах наблюдается дефицит свободных мест, растут расходы государственного бюджета и нагрузка на учителей, а недостаточное владение детьми мигрантов русским языком тормозит процесс обучения российских учеников⁴.

Таким образом, в настоящее время парламентарии рассматривают возможность полного закрытия доступа детей-иностранцев к бесплатному школьному образованию в России.

Секьюритизация доступа детей мигрантов к российским школам.

Вышеупомянутые тезисы авторов вступивших в силу и обсуждаемых законодательных новаций, направленных на ограничение или полное закрытие доступа детей-иностранцев к бесплатному школьному образованию в России, имеют все признаки секьюритизирующего дискурса⁵.

В приведённых выше высказываниях декларируется наличие экзистенциальной угрозы качеству российского образования (референтному объекту⁶) со стороны детей мигрантов, обуславливающее необходимость выхода за рамки «нормальной политики» (нарушение конституционной нормы о равенстве

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 982094-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. [август 2025 г.]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/982094-8> (дата обращения: 13.08.2025).

² Запретить детям мигрантов бесплатно учиться в школе с 1 по 11 класс! // Ярослав Нилов : телеграм-канал. 1 августа 2021 г. URL: https://t.me/nilov_official/9794 (дата обращения: 13.08.2025).

³ Я. Е. Ниловым, С. М. Мироновым, Я. В. Лантратовой, Н. А. Останиной, А. Н. Диденко, Е. Е. Марченко, Д. Г. Гусевым, В. В. Сипягиным, А. Н. Свинцовым, А. А. Журавлёвым А. В. Скрозниковой Д. А. Свищевым.

⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 990640-8 «О внесении изменений в статью 78 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. [август 2025 г.]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990640-8> (дата обращения: 13.08.2025).

⁵ Секьюритизирующий дискурс, согласно Копенгагенской школе теории секьюритизации, представляет собой перформативный речевой акт (т. е. речевой акт, равный действию), нацеленный на выведение того или иного вопроса, связанного с проблемами безопасности, за пределы «нормальной политики» [19].

⁶ Референтный объект – то, что, согласно актору секьюритизации, необходимо защитить от опасности [20, р. 11].

прав на получение образования вне зависимости от национальности, языка и происхождения).

Быстрота принятия федерального закона № 544-ФЗ¹ свидетельствует о том, что указанный дискурс хорошо соответствует текущему социально-политическому контексту и встречает благосклонную реакцию аудиторий (в случае законодательных новаций таковыми являются Правительство РФ, профильные комитеты ГД и СФ, Президент РФ).

Чтобы понять, почему так происходит, следует обратиться к более широкому процессу секьюритизации миграции в России. Он начался позже, чем на Западе², поскольку до распада Советского Союза массовая внешняя миграция здесь фактически отсутствовала, а в первые годы после крушения СССР миграционные перемещения носили характер вынужденных и осуществлялись в основном русскими и русскоязычными переселенцами. Однако уже с середины 1990-х гг., когда вынужденная миграция сменилась трудовой, а в миграционных потоках стали преобладать представители титульных национальностей отдающих государств, отношение к ней стало более настороженным. Сыграла свою роль и начавшаяся русско-чеченская война: на уровне мер обеспечения безопасности все «лица кавказской национальности», включая закавказских мигрантов, начали рассматриваться как потенциально опасные.

Восприятие миграции в качестве угрозы усилилось во всём мире после теракта 11 сентября 2001 г. в США, и Россия не стала исключением. В стратегических документах по регулированию миграции начала декларироваться её связь с ухудшением криминогенной обстановки и террористической угрозой³. В это же время подозрительность в отношении «лиц кавказской национальности» распространилась и на мигрантов из Средней Азии, в массе своей мусульман, которые, как предполагалось, подвержены идеям радикального ислама.

Секьюритизирующие дискурсы и практики (массовые облавы, проверки документов, профилактические беседы, нацеленные на внутренних и внешних мигрантов, принадлежащих к «видимым меньшинствам») стали важным фактором распространения мигрантофобий в российском обществе. В 2005 году, согласно данным массового опроса населения, проведённого ВЦИОМ, угроза «заселения России представителями иных национальностей»⁴ вошла в пятёрку главных страхов россиян, а в 2013 году – вышла на первое место в указанном

¹ С момента внесения законопроекта до его подписания Президентом РФ прошло чуть больше месяца.

² В западных странах, по оценкам исследователей, миграция стала восприниматься как угроза в 1960–1970-е гг. [см., напр.: 21; 22].

³ Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативные-правовые акты РФ : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-01032003-n-256-r/> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴ Чего боятся наши соотечественники // ВЦИОМ : сайт. 16.05.2005. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chego-boyatsya-nashi-sootchestvenniki> (дата обращения: 13.08.2025).

рейтинге¹. Помимо опасений замещения местного населения пришлым², российскими респондентами широко разделялись убеждения в том, что мигранты являются источником преступности и коррупции, нежелательной конкуренции на рынке труда³.

Важной реперной точкой в развитии секьюритизации миграции в России стал теракт в петербургском метро 2017 года, после которого руководитель Федеральной службы безопасности РФ заявил, что основной костяк террористических групп сформирован из граждан стран СНГ⁴.

Подозрительность в отношении иностранцев ещё более усилилась с началом российско-украинского конфликта. Однако ключевым событием, после которого законодательные инициативы об ужесточении регулирования миграции приняли лавинообразный характер, стал теракт в «Крокус Сити Холле», произошедший 22 марта 2024 г.

В числе уже одобренных после теракта поправок в российское миграционное законодательство – введение режима контролируемого пребывания; сокращение срока максимального нахождения в стране для безвизовых иностранцев; расширение оснований для отказа иностранному гражданину во въезде (в частности, в случае возникновения подозрений в том, что он может угрожать национальной безопасности России⁵); лимит на владение сим-картами, возможность их приобретения только после сдачи биометрии; запреты и ограничения на работу иностранных граждан в отдельных сферах экономической деятельности в значительном числе российских регионов; ужесточение наказаний за различные правонарушения вплоть до лишения приобретённого российского гражданства и т. д.

С августа 2024 г. в России активно обсуждается возможность введения запрета трудовым мигрантам привозить в принимающую страну свои семьи⁶. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ и законодательные инициативы о полном или частичном закрытии доступа детей мигрантов к бесплатному школьному образованию, очевидно, находятся в фарватере этого более широкого дискурса.

¹ Рейтинг национальных угроз-2013 // ВЦИОМ : сайт. 22.07.2013. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-naczionalnykh-ugroz-2013-> (дата обращения: 13.08.2025).

² Классическая «угроза», ассоциируемая с миграцией, не только в России, но и на Западе [19].

³ Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? // ВЦИОМ : сайт. 01.08.2013. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigraciya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred-dlya-strany> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴ Бортников рассказал о составе террористических групп на территории России // РИА Новости : сайт. 11.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170411/1491977017.html> (дата обращения: 13.08.2025).

⁵ Причём решение о запрете въезда принимается пограничниками на месте, без обращения в другие инстанции.

⁶ В России хотят запретить трудовым мигрантам привозить с собой жён и детей: что изменит нововведение // Комсомольская правда. 19.08.2024. URL: <https://www.kp.ru/daily/27622/4973558/> (дата обращения: 13.08.2025).

Подытоживая данный раздел, можно заключить, что успешность секьюритизации получения российского школьного образования детьми мигрантов объясняется тем, что она хорошо отвечает современному всплеску опасений относительно миграции, являясь элементом более широкого процесса секьюритизации миграции в России, резко усилившегося в последние годы ввиду вышеупомянутых событий.

Первые итоги законодательной новации 2024 года и вероятные последствия ограничения доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию. Если законодательные инициативы по полному или частичному закрытию возможности для детей мигрантов получать в России бесплатное школьное образование ещё находятся в стадии разработки и обсуждения, то первые результаты принятия федерального закона от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ об обязательном тестировании на уровень владения русским языком детей иностранных граждан и лиц без гражданства при поступлении в общеобразовательные организации уже можно оценить.

13 мая 2025 г. на официальном портале Рособнадзора появилась информация о результатах проводимого ведомством мониторинга итогов тестирования по русскому языку для несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, планирующих обучение в российских образовательных учреждениях. Как выяснилось, за первые полтора месяца действия закона от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ подавляющее большинство детей-иностранцев, желающих обучаться в российских школах (82%), не смогут быть зачислены в учебные заведения. Объяснялось это не только и не столько неспособностью детей справиться с тестированием по русскому языку, сколько тем, что более 80% заявителей было отказано в приёме документов. Среди основных причин отказов назывались предоставление неполного комплекта документов, отсутствие мест в школах, установление недостоверных сведений в поданных документах. Можно предположить, что в значительной части случаев речь традиционно идёт об отсутствии регистрации по месту жительства – документа, который иностранные граждане не могут оформить самостоятельно и который подавляющее большинство российских арендодателей отказываются оформлять, несмотря на требования действующего законодательства (подробнее об этом см.: [23]). В итоге к тестированию было допущено 335 детей (из 1 762 изъявивших такое желание), на момент проведения мониторинга 44 поступающих в школы его прошли, при этом успешно справились с тестом 27 человек¹.

¹ 82% несовершеннолетних иностранных граждан, желающих обучаться в российских школах и уже заявивших об этом, не смогут быть зачислены в школы // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки : официальный сайт. 13.05.2025. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/82-nesovershennoletnih-inostrannyh-grazhdan-zhelayushhih-obuchatsya-v-rossijskih-shkolah-i-uzhe-zayavivshih-ob-etom-ne-smogut-byt-zachisleny-v-shkoly/> (дата обращения: 13.08.2025).

Обновлённые данные были представлены 9 июня 2025 г. председателем Государственной Думы РФ Вячеславом Володиным в его телеграм-канале. Отметив, что с момента вступления в силу закона от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ в школы были приняты только 4% от числа заявившихся детей (при этом на 22 мая 2025 г. из 2 868 человек, подавших документы, до тестирования было допущено 498 человек), В. Володин утверждал: законодательная новация показала свою эффективность¹.

24 июня 2025 г. глава Рособрнадзора Анзор Музаев огласил новые данные. Согласно ведомственному мониторингу, с 1 апреля по 25 мая было подано уже 3 677 заявлений о приёме детей-иностранцев в школу. К тестированию из-за проблем с документами были допущены лишь 509 человек, из них 55% успешно сдали экзамен. Позже, в интервью Sputnik Live, А. Музаев, сообщив, что *«большую часть детей мигрантов не допускают к тестированию по русскому из-за неполного пакета документов»*, заявил: *«если говорить об ощущениях, как проводится процедура, то нормы действительно работают»*².

Приведённые высказывания председателя Госдумы и руководителя профильного ведомства позволяют заключить, что федеральный закон от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ рассматривается как инструмент создания барьера на пути к получению российского образования большей частью детей мигрантов. Удовлетворённость обоих спикеров тем обстоятельством, что подавляющее большинство детей-иностранцев даже не доходит до этапа тестирования по русскому языку, не оставляет места для других интерпретаций.

Но если взят курс на недопуск основной массы таких детей к школьному образованию в России, какие последствия он повлечёт за собой?

Во-первых, укажем ещё раз на обсуждавшийся выше факт, установленный исследованиями, посвящёнными интеграции мигрантов: дети-иностранцы представляют собой контингент, обладающий повышенным уровнем интеграционного потенциала. Именно они имеют все шансы органично влиться в принимающее общество, стать его полноправными членами, принести пользу стране назначения. Отказ от использования данного ресурса в условиях обостряющихся демографических проблем, растущего дефицита рабочих рук как минимум нецелесообразен.

Доступ к образованию при этом является необходимым условием интеграции таких детей. Закрыть или значимо сузить его означает лишить детей мигрантов шансов на лучшее будущее в принимающей стране. Безусловно, часть детей будет возвращена родителями в страну исхода (что само по себе нежелательно, учитывая сказанное выше). Столкнувшись с тем, что принимающее общество воздвигло на их пути непреодолимые преграды, эти молодые люди вряд ли станут проводниками российской культуры в родных странах.

¹ Ещё раз о контроле за мигрантами // Вячеслав Володин : телеграм-канал. 09.06.2025. URL: https://t.me/vv_volodin/1128 (дата обращения: 13.08.2025).

² Sputnik Ближнее зарубежье : телеграм-канал. 07.07.2025. URL: <https://t.me/sputniklive/99637> (дата обращения: 13.08.2025).

Напротив, высока вероятность формирования негативного имиджа России в государствах СНГ как страны, враждебной даже к несовершеннолетним иностранцам.

Другая часть детей, несмотря на невозможность получить образование, останется в России. Отказ от зачисления в школу существенно повысит риски того, что они пополнят ряды маргинального населения. Помимо губительного воздействия на биографии этих детей, данное обстоятельство негативно скажется на локальных социумах, в которых они проживают. Возрастёт угроза дезинтеграции местных сообществ, повышения конфликтности и межнациональной напряжённости.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что бо́льшая часть детей-инофонов, обучающихся в российских школах, согласно данным отечественных исследований, не являются иностранцами [Омельченко 2021а: 147; Омельченко 2021b: 101]. Это дети с приобретённым гражданством, а значит, принятая законодательная норма (не распространяющаяся на россиян) не решит заявленной проблемы зачисления в российские школы детей, недостаточно владеющих русским языком.

Выводы

В процессе включения детей мигрантов в принимающее общество важнейшую роль играет образование. Наши исследования 2011, 2017 и 2020 гг. показали: в последние 15 лет доступ иностранцев к российскому образованию последовательно улучшался, а сами образовательные учреждения становились более инклюзивными и доброжелательными в отношении учащихся-инофонов и их родителей. Однако законодательные новации 2024 года и инициативы 2025 года способны свести на нет указанные положительные тенденции.

Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 544-ФЗ уже закрыл подавляющему большинству детей, желавших поступить в российские школы в 2025 году, доступ к школьному образованию по формальной причине отсутствия ряда документов. Законодательные инициативы 2025 года и вовсе предлагают ввести частичный или полный запрет на бесплатное общее образование детей-иностранцев в России. Данные предложения находят позитивный отклик и поддержку в российских общественно-политических кругах вследствие стремительно развивающегося процесса секьюритизации миграции.

Как было показано в настоящей статье, закрытие доступа к российскому образованию будет иметь ряд серьёзных негативных последствий не только для детей-иностранцев и их родителей, но и для локальных социумов, в которых они проживают, и принимающей страны в целом. Кроме того, подобные меры не решат проблему поступления в российские школы детей, недостаточно владеющих русским языком, поскольку значительную долю из них составляют дети, имеющие российское гражданство. Для решения этой проблемы следовало бы прислушаться к рекомендациям специалистов о максимально возможном

расширении доступа детей с миграционным фоном к дошкольному и школьному российскому образованию, бюджетном финансировании специализированных языковых и социокультурных адаптационных занятий для таких детей, о разработке методических материалов и организации курсов повышения квалификации для педагогов, работающих с детьми-инофонами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 223–232. DOI [10.31737/22212264_2024_2_223-232](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232). EDN [IUFKXT](https://www.edn.ru/IUFKXT).
2. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022). EDN [YKKOSI](https://www.edn.ru/YKKOSI).
3. Rumbaut R. Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States // International Migration Review. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1160–1205. DOI [10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x).
4. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318–364. DOI [10.14515/monitoring.2019.2.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15). EDN [IORPUE](https://www.edn.ru/IORPUE).
5. Флоринская Ю. Ф. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4 (133). С. 118–126. EDN [PIIAVH](https://www.edn.ru/PIIAVH).
6. Омельченко Е. А. Дети из семей мигрантов в Рязанской и Калужской областях: проблемы интеграции в российское общество // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 142–157. DOI [10.47026/1810-1909-2021-2-142-157](https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-142-157). EDN [IYAHVE](https://www.edn.ru/IYAHVE).
7. Омельченко Е. А., Шевцова А. А. Дети с миграционной историей в системе образования Оренбургской области // Исторический поиск. 2023. Т. 4, № 3. С. 109–123. DOI [10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123](https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123). EDN [EMLOBT](https://www.edn.ru/EMLOBT).
8. Александров Д. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные: рабочие материалы НУЛ СОН / Д. А. Александров ; ред. В. В. Баранова, В. А. Иванюшина. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 100 с. ISBN 978-5-7422-2901-8. EDN [QYJQNV](https://www.edn.ru/QYJQNV).
9. Омельченко Е. А. Дети из таджикских и узбекских семей в Пермском крае: проблемы адаптации в иноэтничной среде // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 2 (58). С. 93–103. EDN [AVVEZY](https://www.edn.ru/AVVEZY).
10. Эндрюшко А. А. Иммигранты с детьми в России: социально-экономическая и культурная интеграция (ч. II) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 12 (93). С. 4601–4612. DOI [10.35775/PSI.2022.93.12.022](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.93.12.022). EDN [RUZIWQ](https://www.edn.ru/RUZIWQ).
11. Serrano I., Fernández M., Marcos E. B. Building a Set of Indicators to Assess Migrant Children's Integration in Europe: A Co-Creation Approach // Child Indicators Research. 2024. № 17. P. 2389–2417. DOI [10.1007/s12187-024-10165-y](https://doi.org/10.1007/s12187-024-10165-y). EDN [LHVHTC](https://www.edn.ru/LHVHTC).
12. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2 (11). С. 192–209. EDN [RTPNIX](https://www.edn.ru/RTPNIX).

13. Деминцева Е. Социализация и выбор жизненных стратегий мигрантами «второго поколения» в России // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 1. С. 212–243. DOI [10.17323/1728-192x-2024-1-212-243](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-212-243). EDN [HGFMYC](#).
14. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья / Е. Б. Деминцева, Д. А. Зеленова, Е. А. Космидис, Д. А. Опарин // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 80–109. DOI [10.17323/demreview.v4i4.7529](https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529). EDN [YOBXXK](#).
15. Деминцева Е. От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12, № 1. С. 152–182. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182). EDN [KSKTIC](#).
16. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции представителей «полуторного поколения» мигрантов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М. : РОС, 2012. С. 8148–8156. EDN [RGOXPT](#).
17. Лукьянова Е. Л. Образовательные достижения детей мигрантов (по материалам опроса в Санкт-Петербурге) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 319–338. EDN [OIVUKB](#).
18. Нестерова А. А. Дети, охваченные миграционными процессами: разнообразие, вызовы и диверсификация моделей поддержки // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 4. С. 645–660. DOI [10.17323/727-0634-2018-16-4-645-660](https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-4-645-660). EDN [YSBBZJ](#).
19. Buzan B., Wæver O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Reiner, 1998. 239 p. ISBN 1-55587-784-2.
20. Wæver O. Securitisation: Taking Stock of a Research Programme in Security Studies. Unpublished manuscript // DOCPLAYER : сайт. 2003. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (дата обращения: 13.08.2025).
21. Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, № 5. P. 751–777. DOI [10.1111/1468-5965.00263](https://doi.org/10.1111/1468-5965.00263). EDN [DYQNKI](#).
22. Rudolph C. Security and the Political Economy of International Migration // American Political Science Review. 2003. Vol. 97, № 4. P. 603–620. DOI [10.1017/S000305540300090X](https://doi.org/10.1017/S000305540300090X). EDN [FOQGEJ](#).
23. Григорьева К. С., Эндрюшко А. А. Доступ мигрантов к жилью в России: методика оценки и результаты экспериментального исследования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 29–41. DOI [10.19181/vis.2021.12.4.748](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.748). EDN [PJCHRK](#).

Сведения об авторе

К. С. Григорьева

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [1936-2386](#)

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 01.09.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.5)

REDUCING THE ACCESS OF FOREIGN CHILDREN TO RUSSIAN SCHOOLING: LIKELY CONSEQUENCES FOR INTEGRATION POLICY

Kseniya Sergeevna Grigor'eva

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

ksenia_grig@mail.ru,

ORCID [0000-0002-7761-7792](https://orcid.org/0000-0002-7761-7792)

For citation: Grigor'eva K. S. Reducing the access of foreign children to Russian schooling: likely consequences for integration policy. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):96–114. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.5).

Abstract. Children born in the host country or brought in at preschool/school age represent a special contingent of migrants with increased integration potential compared to first-generation migrants. At the same time, education plays a key role in the process of integrating such children into the host society. In recent years, migrant children's access to Russian schooling has improved, and the educational environment has become more and more friendly towards non-native children. Despite the difficulties faced by foreign students in Russian educational institutions, by the senior grades they managed to overcome them and achieve high integration rates in the socio-economic, cultural and identification spheres. However, the Federal Law of 12/28/2024 No. 544-FZ, as well as legislative initiatives in 2025 aimed at completely or partially closing the access of foreign children to Russian schooling, are capable of negating these achievements. The article, based on an analysis of scientific literature, data from mass surveys of foreign citizens conducted in 2011, 2017 and 2020, draft laws of 2024–2025, statistical information on Russian language testing of foreign children wishing to enroll in Russian general education institutions, examines the indicators of integration of children of foreign citizens, their access to Russian school education before and after 2025. The possible consequences of the partial or complete abolition of the right of such children to free school education in Russia for them, local host societies and the destination country as a whole are considered. It is concluded that the deprivation or restriction of the right to receive free schooling for foreign children will not solve the problem of admission to general education institutions for students who do not speak Russian well enough. To effectively solve this problem, measures are needed to expand the access of such students to preschool education, socio-cultural and language adaptation courses, and professional development of teachers working with them.

Keywords: migrant children, education, integration, migration policy, innovations in migration legislation

REFERENCES

1. Florinskaya Yu. F. Labor migration to Russia: reduction of flows accompanied by a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association=Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2024;2(63):223–232 (In Russ.). DOI [10.31737/22212264_2024_2_223-232](https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232).

2. Mukomel V. I., Grigorieva K. S. (eds.) Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. Moscow: FNISTS RAN; 2022. 400 p. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022).
3. Rumbaut R. Ages, life stages, and generational cohorts: decomposing the immigrant first and second generations in the United States. *International Migration Review*. 2004;38(3):1160–1205. DOI [10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x).
4. Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Second generation migrants aged 18–35 in Russia: research project results. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2019;(2):318–364. DOI [10.14515/monitoring.2019.2.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15).
5. Florinskaya Yu. F. Migration of families with children to Russia: integration problems: based on sociological surveys of the Center for Migration Studies. *Problems of Forecasting=Problemy prognozirovaniya*. 2012;(4):118–126.
6. Omelchenko E. A. Children from migrants' families in Ryazan' and Kaluga regions: problems of integration into Russian society. *Bulletin of the Chuvash University=Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2021;(2):142–157. DOI [10.47026/1810-1909-2021-2-142-157](https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-142-157).
7. Omelchenko E. A., Shevtsova A. A. Children with a migration history in the educational system of Orenburg region. *Historical Search=Istoricheskiy poisk*. 2023;4(3):109–123. DOI [10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123](https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123).
8. Aleksandrov D. A., Baranova V. V., Ivanyushina V. A. Children from migrant families in schools of St. Petersburg: preliminary data: working materials of NUL SON. St. Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta; 2011. 100 p. ISBN 978-5-7422-2901-8.
9. Omelchenko E. A. Children from Tajik and Uzbek families in the Perm region: problems of adaptation in other-ethnic environment. *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia=Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve respubliky Mordoviya*. 2021;2(58):93–103.
10. Endryushko A. A. Immigrants with children in Russia: socio-economic and cultural integration (ending). *Issues of National and Federal Relations=Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 2022;12(93):4601–4612. DOI [10.35775/PSI.2022.93.12.022](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.93.12.022).
11. Serrano I., Fernández M., Marcos E. B. Building a set of indicators to assess migrant children's integration in Europe: a co-creation approach. *Child Indicators Research*. 2024;(17):2389–2417. DOI [10.1007/s12187-024-10165-y](https://doi.org/10.1007/s12187-024-10165-y).
12. Mukomel V. I. Features of adaptation and integration of migrants' children, representatives of “one-and-a-half generation”. *News of Irkutsk State University. Series “Political Science. Religious Studies”=Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologiya. Religiovedeniye”*. 2013;2-2(11):192–209.
13. Demintseva E. Socialization and choice of life strategies by “second generation” migrants in Russia. *Russian Sociological Review=Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2024;23(1):212–243. DOI [10.17323/1728-192x-2024-1-212-243](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-212-243).
14. Demintseva E., Zelenova D., Kosmidis E., Oparin D. Adaptation of migrant children in the schools of Moscow and the Moscow region. *Demographic Review=Demograficheskoye obozreniye*. 2017;4(4):80–109. DOI [10.17323/demreview.v4i4.7529](https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529).
15. Demintseva E. From “factory” to “migrant” school: (post-)soviet school segregation in urban space. *Laboratorium: Russian Review of Social Research=Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 2020;1(12):152–182. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182).
16. Mukomel V. I. Features of adaptation and integration of representatives of the “one and a half generation” of migrants. In: *Sociology and society: global challenges and regional*

- development. Proceedings of the IV Regular All-Russian Sociological Congress. ROS, IS RAN, RB AS, ISPPI. Moscow: ROS; 2012. P. 8148–8156.
17. Lukyanova E. L. Educational achievements of migrant children (based on survey materials in St. Petersburg). *The Journal of Social Policy Studies=Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2011;9(3):319–338.
 18. Nesterova A. A. Children in migration processes: diversity, challenges, and diversification of models of adaptation. *The Journal of Social Policy Studies=Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2018;16(4):645–660. DOI [10.17323/727-0634-2018-16-4-645-660](https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-4-645-660).
 19. Buzan B., Wæver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Boulder, CO: Lynne Reiner; 1998. 239 p. ISBN 1-55587-784-2.
 20. Wæver O. Securitisation: taking stock of a research programme in security studies. Unpublished manuscript. DOCPLAYER: webcite. 2003. Available at: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (accessed: 13.08.2025).
 21. Huysmans J. The European Union and the securitization of migration. *Journal of Common Market Studies*. 2000;38(5):751–777. DOI [10.1111/1468-5965.00263](https://doi.org/10.1111/1468-5965.00263).
 22. Rudolph C. Security and the political economy of international migration. *American Political Science Review*. 2003;97(4):603–620. DOI [10.1017/S000305540300090X](https://doi.org/10.1017/S000305540300090X).
 23. Grigor'eva K. S., Endryushko A. A. Migrants' access to housing in Russia: evaluation methodology and results of the experimental study. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(4):29–41. DOI [10.19181/vis.2021.12.4.748](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.748).

Information about the Author

K. S. Grigor'eva

Candidate of Sociology,

Leading Researcher,

ResearcherID: [H-8439-2018](https://orcid.org/0009-0001-8439-2018)

Scopus AuthorID: [57193508144](https://orcid.org/0009-0001-8439-2018)

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 01.09.2025.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.6

EDN: FLNQVY

Научная статья

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАКА

Татьяна Александровна Гурко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

tgurko@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3804-0924

Для цитирования: Гурко Т. А. Динамика показателей развития института брака // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 115–131. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.6. EDN FLNQVY.

Аннотация. В целях совершенствования семейной политики анализируются показатели развития института брака в России. В качестве теоретической основы принимается утверждение о различии между эволюционными и трансформационными изменениями социальных институтов. Эмпирической основой является база данных репрезентативной выборки по индивидам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» – 2023 г. и информация о числе вступивших в брак по полу, возрасту и брачному состоянию в период 2011–2023 гг., предоставленная Управлением статистики населения и здравоохранения Росстата. Показана тенденция увеличения добрачных сожительств. Проживали вместе до брака более трёх месяцев только 10,6% пар супругов, которые регистрировали брак в 1955–1980 гг., и уже 67,3% – в 2011–2023 гг. Сожительствовали до брака вне зависимости от уровня образования чаще городские, нежели сельские супруги. Установлено, что с 2011 по 2023 г. в младших возрастах уменьшалась доля женихов и невест, регистрирующих брак впервые. Больше юных невест в сёлах, в республиках, титульные народы которых исповедуют ислам. В повторных браках доля мужчин увеличилась с 26,2% в 2011 году до 36,4% в 2023 году, доля женщин – с 25,4 до 38,2%, что можно объяснить самым высоким в мире уровнем разводов в России, увеличением продолжительности жизни. Различия по доле повторных браков между городскими и сельскими жителями незначительны. Среднее число детей у женщин в повторных браках больше, нежели в первых. Повторным бракам более чем в два раза чаще предшествовали сожительства, среди них больше гетерогенных пар по возрасту и больше пар со средним общим образованием в сравнении с первыми браками. Представлена динамика доли пар с различным соотношением уровня образования супругов. Среди пар с несовершеннолетними детьми гипогамных пар по уровню образования в два раза больше (22,5%), нежели гипергамных (9,8%). Увеличивается и доля гипогамных пар по возрасту. Добрачные сожительства, повторные браки и гипогамные по уровню образования пары можно считать девиациями в развитии института брака, в перспективе нормативными практиками, гипогамные по возрасту – вариацией, вряд ли доля таких пар увеличится значительно.

Ключевые слова: брак, трансформация, эволюция, добрачные сожительства, гипогамия, возраст вступления в первый брак, повторный брак

© Гурко Т. А., 2025

Введение

Одной из основных задач Национального проекта «Семья», реализация которого продлится до 2030 года, является «укрепление семейных ценностей»¹. Для решения такой задачи и совершенствования семейной политики актуален анализ новых тенденций в развитии института брака в России.

Согласно данным переписи населения в 2021 году в возрасте 60 лет и старше никогда не состояли в браке в городах 3,1% мужчин и 4,3% женщин, в сельской местности – 4,1 и 3,2% соответственно². То есть уровень окончательного безбрачия в России низкий, ценность брака сохраняется.

Девииции брачного поведения и установок можно рассматривать как свидетельства трансформации, а вариации – эволюции института брака. По такой теоретической схеме анализировались эмпирические показатели развития института брака [1], здесь представлены новые свидетельства этого процесса.

Добрачные сожительства

Сожительства в России законодательно не регулируются, по-разному называются. Синонимами являются консенсуальные союзы, партнёрства [2], гражданские браки. Однако в России нет партнёрств. Гражданские партнёрства были узаконены в ряде стран для оформления отношений однополых пар как этап для легализации однополых браков. В исследованиях Росстата сожительства – это «незарегистрированный супружеский союз» (ВПН–2020, «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах» – 2024, «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения» – 2022), «незарегистрированный брак» («Комплексное наблюдение условий жизни населения» – 2024), что расплывчато, поскольку не все сожители считают себя супругами, а брак как правовой институт по определению должен быть зарегистрирован. Продолжительность совместного проживания Росстатом не обозначена, и что вкладывают респонденты в это понятие – неизвестно. Тем не менее в исследовательской практике необходимо определить, какой временной период считать сожительством. В «Европейском социальном исследовании» – 2018³ сожительство определялось как совместное проживание в течении трёх и более месяцев, что и послужило ориентиром при анализе данных.

Для подсчёта длительности и динамики добрачных сожеств на базе репрезентативной выборки по индивидам «Российского мониторинга

¹ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/?ysclid=mbge29rfjy175191729> (дата обращения: 15.05.2025).

² Всероссийская перепись населения 2020. Т. 2. Табл. 5: Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам РФ // Росстат : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 20.05.2025).

³ Европейское социальное исследование в России (ЕСИ–2018). Вопросники // ESS-RU : сайт. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=334> (дата обращения: 15.04.2025).

экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» 2023 г.¹ была сформирована подвыборка состоящих в браке 4 684 индивидов и затем 2 241 супружеской пары.

В подвыборке пар нередко встречались расхождения ответов мужей и жён. Супруги по-разному отсчитывали начало совместного проживания – вплоть до разницы около полугода. Такая проблема возникает всякий раз при анализе ответов в паре для получения фактической информации. Поскольку мужья иногда не указывали даты регистрации брака или начала совместного проживания, при кодировке продолжительности добрачных сожительств брались ответы жён. В итоге анализировались данные по 2 241 браку по ответам жён, по 151 браку по ответам жён, мужья которых не были опрошены, и по 51 браку по ответам мужей, жёны которых не были опрошены. Совместное проживание меньше трёх месяцев в 4,6% браков приравнивалось к бракам без предварительного сожительства, кодировался период от трёх месяцев до одного года, от года до трёх лет и более трёх лет. Для анализа динамики добрачных сожительств выделены временные интервалы по году регистрации брака.

Наблюдается тенденция увеличения доли браков, в которых супруги сожительствовали до регистрации (рис. 1). Доля браков с предварительным сожительством (независимо от его продолжительности), которые регистрировались в период 1955–1980 гг., составила 10,6%, среди оформлявших брак в 1980-е гг., – 17,5%, в 1990-е гг. – 34,2%, в 2000-е гг. – 57,2%, в период 2011–2023 гг. – 67,3%.

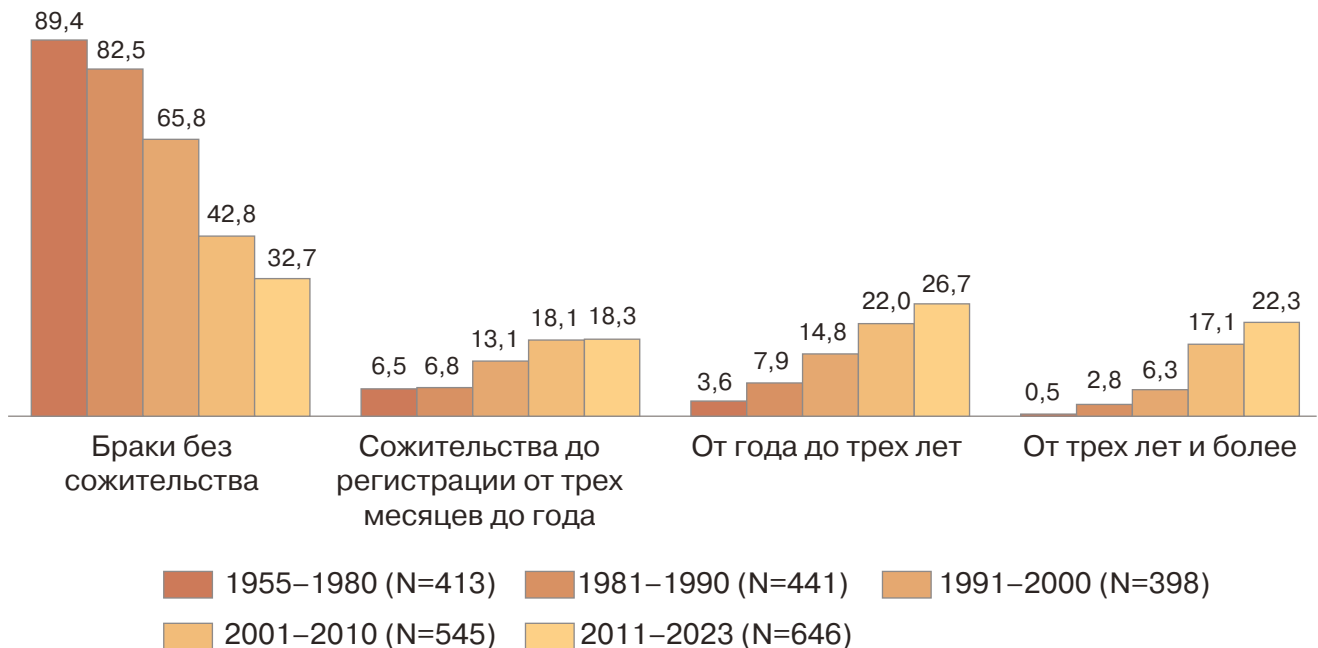

Рис. 1. Динамика добрачных сожительств, 1955–2023 гг., % (N = 2443 брака)

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 15.02.2025).

Независимо от года регистрации брака супруги не сожительствовали в 58,9% пар, в 13,3% пар жили вместе от трёх месяцев до года, в 16,4% пар – от года и до трёх лет, в 11,3% пар – более трёх лет. Очевидно, что при изучении супружеских пар и анализе стажа совместной жизни в качестве переменной имеет смысл учитывать срок добрачного сожительства, который в отдельных случаях превышает десять лет.

Проживали вместе до брака чаще городские жители (47,0%), нежели сельские (29,3%), 54,5% респондентов, не относящих себя ни к какой религии, 41,9% православных и только 14,2% мусульман. Наличие и длительность добрачных сожительства не связаны с уровнем образования мужей и жён. Таким образом, сожительства супругов до регистрации брака можно считать устоявшейся практикой.

Динамика возраста вступающих в брак

Распространение добрачных сожительства неизбежно сопровождается увеличением возраста вступающих в брак. Информация о повторных браках введена Росстатом в разработку начиная с отчётности за 2011 год. Однако данные о числе браков и возрасте вступающих в брак публикуются независимо от очередности брака.

На рисунке 2 можно видеть тенденцию уменьшения доли вступающих в брак в младшей и средней возрастных группах на значительном временном интервале. Так, если в 1970 году регистрировали брак до 24 лет включительно 61,5% женихов и 72,2% невест, в 2023 году – только 19,2 и 30,8% соответственно. Эти данные отражают динамику возраста вступающих в брак вне зависимости от очередности брака.

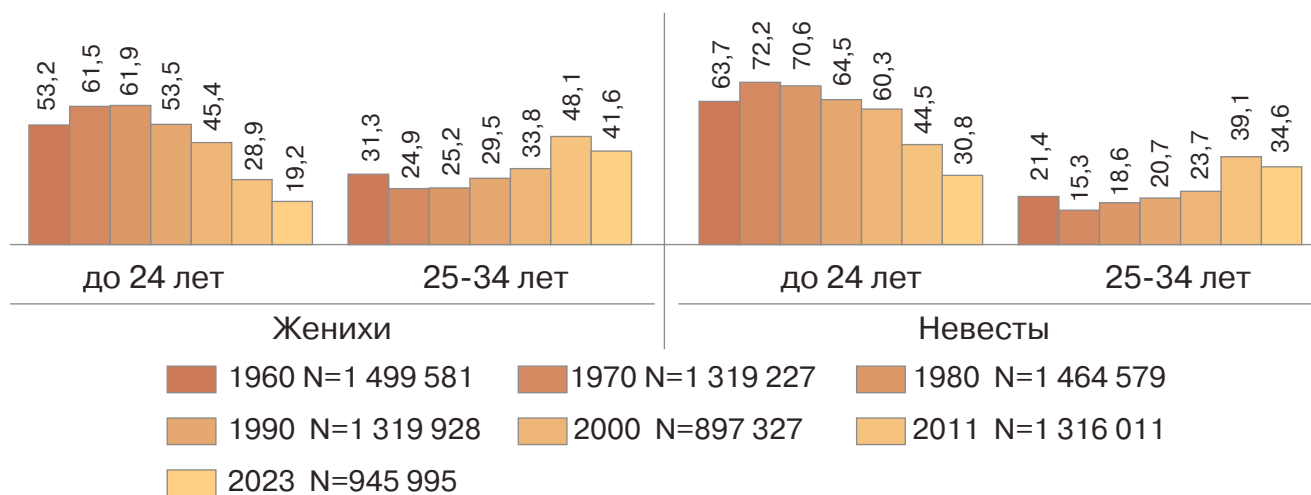

Рис. 2. Динамика доли женихов и невест в младшей и средней возрастных группах, 1960–2023 гг., %

Рассчитано по: [3, с. 52; 4, с. 100].

Чтобы видеть динамику возраста вступающих в брак впервые, рассчитана статистическая информация о числе вступивших в брак по полу, возрасту и брачному состоянию за 2011–2023 гг., предоставленная Росстатом. В младших

возрастных группах уменьшается и доля женихов, и невест, регистрирующих брак впервые, что опять же свидетельствует о постепенном увеличении возраста вступающих в брак (см. рис. 3).

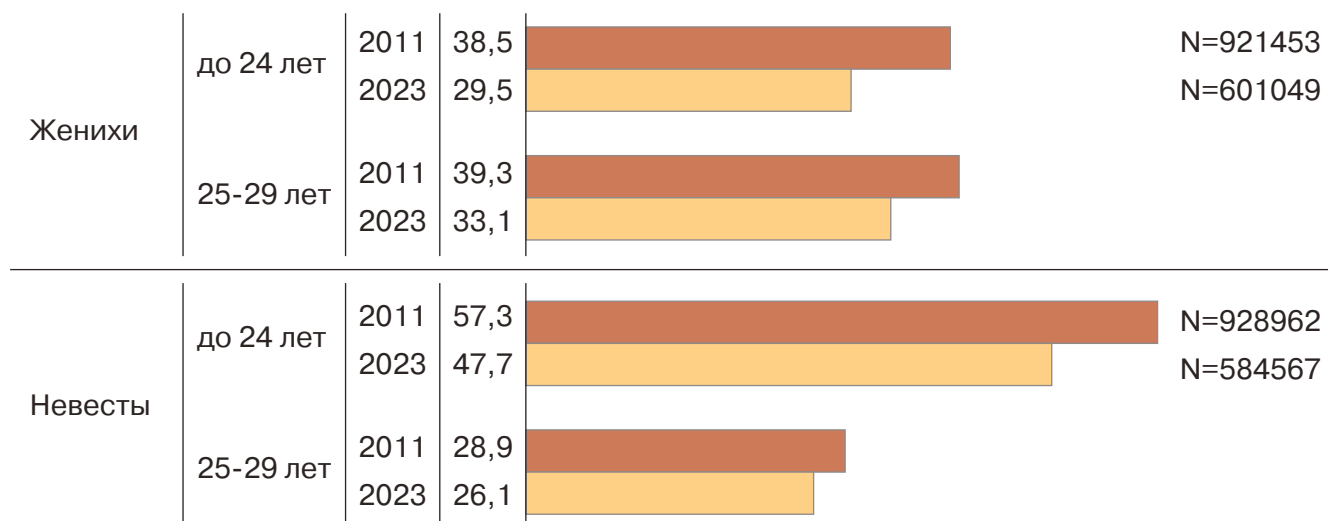

Рис. 3. Динамика доли женихов и невест в младших возрастах, регистрирующих брак впервые, 2011, 2023 гг., %

Значительны региональные различия, наиболее явные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Доля женихов и невест, регистрирующих брак впервые в 2023 году, города, сёла, отдельные регионы, % (N = 601 049 мужчин и 584 567 женщин)

Место проживания	Женихи до 24 лет	Женихи 25–29 лет	Невесты до 24 лет	Невесты 25–29 лет
РФ	29,5	33,1	47,7	26,1
Города	28,4	33,2Ц	45,4	27,4
Сёла	33,7	32,7	56,2	21,5
Москва	19,9	32,5	31,9	34,4
Республика Башкортостан	30,9	36,3	53,0	25,9
Республика Татарстан	31,2	37,6	51,4	28,1
Республика Дагестан	30,7	44,1	69,6	16,0
Чеченская Республика	31,1	33,6	62,4	18,4

Больше юношей и девушек, вступающих в брак впервые, в младших возрастах в сельской местности, в сравнении с городской. Меньше женихов и невест до 24 лет в Москве. В регионах, титульные народы которых исповедуют ислам, доля невест в возрасте до 24 лет в 2023 году была существенно больше, нежели в среднем по России: в Республике Дагестан – 69,6%, в Чеченской Республике – 62,4%, в Республика Башкортостан – 53,0%, в Республике Татарстан – 51,4%. Доля же женихов до 24 лет практически такая же, как и в целом по России. По свидетельству этнографов мужчинам необходимо заработать «кебин, то есть

имущество, которое они должны дать женщине для того, чтобы заключить с ней брак, предбрачный дар будущей жене для её обеспечения на случай развода по инициативе мужа или вдовства» [5, с. 31].

Повторные браки

Поскольку данные о повторных браках не публикуются, рассчитывалась статистическая информация о числе вступивших в брак по полу, возрасту и брачному состоянию, предоставленная Росстатом. На рисунке 4 можно видеть, что в последнее десятилетие доля повторных браков в России постепенно увеличивалась, что можно объяснить самым высоким в мире уровнем разводов, увеличением продолжительности жизни и изменением последовательности семейных жизненных путей. Различия между городской и сельской местностью по доле повторных браков незначительны – в 2023 году регистрировали брак повторно в городах 37,5% мужчин и 38,8% женщин, в сёлах – 32,6 и 36,1% соответственно. Регистрировали повторный брак в 2023 году – 1,7% вдовцов и 34,7% разведённых мужчин, 3,1% вдов и 35,1% разведённых женщин.

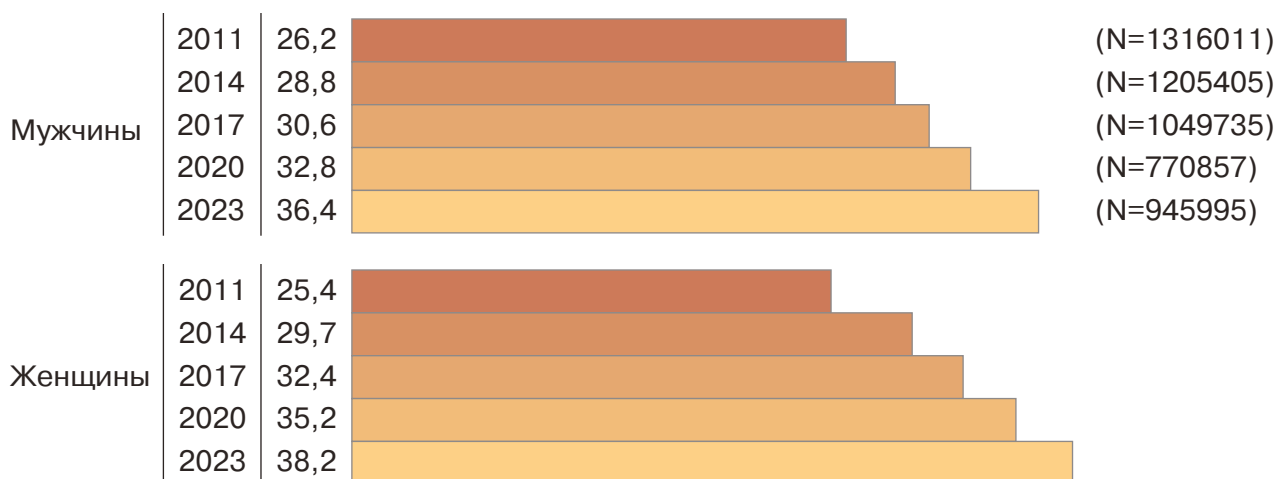

Рис. 4. Динамика доли повторных браков мужчин и женщин, 2011–2023 гг., %

Для того, чтобы определить специфику российских семей, формировавшихся в постсоветский период, из выборки RLMS-HSE 2023 2 241 брачной пары была сформирована подвыборка пар с несовершеннолетними детьми – 907 брачных пар. В неё включались пары, в которых супруги имеют общих несовершеннолетних детей либо у жены есть ребёнок от предыдущих отношений, либо у мужа есть ребёнок, не проживающий с парой. Всего в этой подвыборке 54,7% мужей и 52,7% жён имели одного несовершеннолетнего ребёнка, 32,0 и 34,0% – двоих и 13,3% мужей, и жён – троих и более детей¹.

В 23,4% пар по крайней мере один из супругов или оба состояли в повторном браке: в 22,9% пар, проживающих в городах, и в 24,7% пар, проживающих

¹ Число детей у мужей и жён в парах различается, поскольку не все дети общие.

в сельской местности. Среди повторных браков меньше пар мусульман (5,0%) – в сравнении с первыми браками (11,0%), больше пар супругов со средним и средним специальным образованием (50,9%) – в сравнении с первыми браками (39,9%). До регистрации брака супруги сожительствовали в 80,0% пар, состоящих в повторных браках и в 49,9% пар, состоящих в первых браках, причём в повторных браках супруги чаще сожительствовали более трёх лет.

Не установлено различий между жёнами и мужьями в первых и повторных браках по таким индикаторам, как удовлетворённость жизнью, работой, материальным положением, употребление алкоголя, самооценка здоровья, активные занятия физкультурой и спортом (здесь и ниже – 1–3 раза в месяц и чаще), переживание депрессий в течение последнего года, оценка уважения себя окружающими, наличие и частота разногласий с супругом/супругой. Больше мужей (54,7%) и жён (21,2%) в повторных браках курят в сравнении с супругами в первых браках – 41,4 и 10,6% соответственно.

Среднее число детей у жён в повторных браках больше (2,19) в сравнении со средним числом детей жён в первобрачных парах (1,86). По возрастным группам супруги в первых и повторных браках сходны, различие по числу детей скорее связано с очерёдностью брака, потребностью иметь общего ребёнка. Среди повторных браков больше пар, в которых жена старше мужа, – 12,7% пар, в сравнении с 5,6% пар супругов, состоящих в первом браке, также несколько больше пар, в которых муж старше, – 47,7 и 40,3% соответственно, и меньше браков ровесников. Такая закономерность согласуется с результатами анализа данных репрезентативных исследований в Китае – в повторных браках статистически значимо больше пар с разницей в возрасте [6, р. 56]. Социальные нормы в отношении гомогамии менее значимы для повторных браков.

Тенденции гетерогамии

В современных условиях уменьшения роли родителей в выборе супруга, географической мобильности и секуляризации гипотетически увеличивается гетерогамия по ряду социально-демографических характеристик супругов. Увеличение гетерогамных пар по разным критериям можно рассматривать в качестве показателей трансформации либо эволюции брака в зависимости от масштаба распространённости.

Возрастающая экономическая самостоятельность женщин и повышение их социального статуса влияют на гетерогамию по уровню образования и возрасту. Во многих развитых странах, по крайней мере тех, данные о которых приводит Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с конца прошлого века, видна тенденция превышения доли женщин с высшим образованием¹. Прогнозируется, что к 2050 году женщины будут более

¹ Population with tertiary education // OECD Family Database : сайт. 2022. URL: https://www.oecd.org/en/data/indicators/population-with-tertiary-education.html?oecdcontrol-160502821c-var6=25_34_WOMEN&oecdcontrol-00b22b2429-var3=2022 (дата обращения: 18.04.2025).

образованы, нежели мужчины, почти во всех странах мира, за исключением некоторых стран Африки и Западной Азии [7, р. 615]. В России доля женщин с высшим образованием пусть и ненамного больше, нежели мужчин, зафиксирована в переписи 2002 года и впоследствии продолжала увеличиваться. Так, в 2021 году в наиболее активном брачном возрасте 25–34 года имели высшее образование 33,4% мужчин и 44,6% женщин¹.

Повышение уровня образования населения и преобладание доли женщин с высшим образованием неизбежно повлияли и на брачный выбор. Во многих странах установлена тенденция уменьшения гипергамии, то есть браков, в которых уровень образования мужей выше, затем – увеличение доли гомогамных браков с высшим образованием обоих супругов и постепенное увеличение гипогамии [7, р. 623; 8, р. 440; 9, р. 2]. Тенденция увеличения гипогамных браков фиксируется не только в развитых, но и в развивающихся странах. Так, например, в Индии «высокообразованные женщины часто выходят замуж за мужчин с более низким уровнем образования, но из привилегированных семей» [10, р. 1236]. Акцентируются проблемы поиска супруга женщинами с высшим образованием и высоким социально-экономическим статусом по причине избытка мужчин с низким доходом и уровнем образования [11, р. 805]. Высказывается также предположение, что «мужчины могут начать конкурировать за образованных и высокооплачиваемых женщин точно так же, как женщины прежде конкурировали за высокооплачиваемых и образованных мужчин» [12, р. 456].

Возможность установить тенденцию образовательной гомо- и гетерогамии в России предоставляют данные RLMS-HSE. Соотношение уровней образования в подвыборке 2 241 паре супругов 2023 года закодированы в семь групп по критерию наличия высшего образования у одного либо у обоих супругов². Анализировалось распределение пар по этим типам в зависимости от периода регистрации брака (см. табл. 2).

Можно наблюдать тенденцию, сходную с другими странами. В связи с повышением образовательного уровня населения уменьшается доля пар со средним уровнем образования супругов. Стабильна доля гомогамных пар со средним специальным образованием у супругов, постепенно увеличивается доля браков супругов с высшим образованием у обоих. Доля гипергамных браков, в которых у мужа высшее образование, а у жены среднее, была и остаётся небольшой и увеличилась незначительно с 3,1 до 4,8%. Также и доля браков, в которых у мужа высшее образование, а у жены среднее специальное, относительно стабильна и находится в пределах 6%. Заметно увеличение доли гипогамных пар в период 2001–2010 гг., что можно объяснить превышением доли женщин с высшим образованием с начала 2000-х гг.

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 3. Образование. Табл. 1: Население по возрасту, полу и уровню образования по субъектам Российской Федерации // Росстат : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 18.04.2025).

² При кодировке 1,3% супругов, учащихся в вузах, отнесены к имеющим высшее образование.

Таблица 2

Динамика типов пар по критерию соотношения уровней образования супругов в зависимости от года регистрации брака, 1955–2023 гг., % (N = 2 241 браков)

Соотношение уровней образования супругов	Период, количество пар					
	1955–1980 (N = 391)	1981–1990 (N = 410)	1991–2000 (N = 378)	2001–2010 (N = 499)	2011–2023 (N = 563)	1955–2023 (N = 2241)
У обоих среднее либо у одного среднее, у другого среднее специальное	52,9	55,1	48,4	36,3	37,1	44,9
У обоих среднее специальное	10,2	10,0	7,9	8,0	7,8	8,7
У обоих высшее	16,2	12,2	18,3	23,0	24,7	19,5
У мужа высшее, у жены среднее	3,1	3,7	3,2	4,1	4,8	3,8
У мужа высшее, у жены среднее специальное	6,6	6,1	5,8	4,2	6,7	5,9
У жены высшее, у мужа среднее	6,4	8,3	8,5	14,8	10,2	9,9
У жены высшее, у мужа среднее специальное	4,6	4,6	7,9	9,6	8,7	7,3
Всего	100	100	100	100	100	100

Доля гипогамных пар, в которых у жены высшее образование, а у мужа среднее или среднее специальное, почти в два раза больше (17,2%), нежели гипергамных (9,7%). Таких пар было немало уже в советский период в условиях высокого уровня занятости женщин вне дома, в отличие от западных стран, что нашло отражение в советском кинематографе¹. Ещё в конце 1980-х гг. в исследовании молодых семей в Москве было установлено, что в гипогамных парах по уровню образования различаются ролевые ожидания мужей и жён в отношении работы замужней женщины вне дома, распределения хозяйственно-бытовых обязанностей, главенства в семье, совместного/раздельного досуга, внебрачных сексуальных отношений – в сравнении с парами, состоящими в других типах браков [13, с. 64]. Современные зарубежные исследования также свидетельствуют, что мужья в таких парах, как правило, придерживаются более консервативных взглядов на разделение семейных ролей, нежели жёны. Жёны «сглаживают разногласия путём сокращения рабочего времени и выполнения основного объёма домашней работы и работы по уходу. То есть с помощью поведения, нейтрализующего различия в социальных статусах пары (gender deviance neutralising behaviours)» [14, р. 20]. Для многих мужчин вполне приемлемо иметь более низкий уровень образования, но не зарабатывать меньше

¹ Например, в кинофильмах «Служебный роман» 1977 г. (режиссёр Э. Рязанов), «Москва слезам не верит» 1979 г. (режиссёр В. Меньшов).

жены. «В парах, в которых образование жены выше, мужья часто больше зарабатывают» [15, р. 3]. Гипотетически гетерогамные браки менее стабильны из-за различий в образе жизни партнёров, мировоззрений и/или из-за неодобрения со стороны родственников и ближайшего окружения. Однако данные исследований предыдущих десятилетий, свидетельствовавшие о нестабильности отношений в гипогамных парах и повышенном риске развода, уже не подтверждаются [8, р. 446]. Несколько десятилетий назад было установлено, что мужья чаще проявляют насилие в отношении жён с более высоким уровнем образования (см., напр.: [16]). Опять же, по мере распространения гипогамных пар, такая закономерность подтверждается всё реже. Так, например, даже в Индии, стране с патриархатной культурой и высоким уровнем домашнего насилия, не выявлено статистически значимого увеличения случаев насилия в отношении жён в гипогамных парах [17, р. 1039].

В таблице 3 можно видеть распределение пар с несовершеннолетними детьми по соотношению уровней образования супругов. Доля гипогамных пар, в которых только жена имеет высшее образование, в два раза больше (22,5%), нежели гипергамных (9,8%).

Среднее число детей у жён в гипогамных парах больше (1,99) в сравнении со средним числом детей у жён в гомогамных парах супругов с высшим образованием (1,96) и в гипергамных парах (1,95). В гипогамных парах статистически значимо больше жён удовлетворены своей работой (73,2%) и считают, что их очень уважают (59,5%) – в сравнении с долей жён в других типах пар. При этом столько же жён (9,8%) в гипогамных парах отмечают разногласия с мужьями «по какому-либо поводу практически каждую неделю», как и в парах со средним уровнем образования обоих супругов (10,1%). Возможно, разногласия связаны с тем обстоятельством, что больше мужей без высшего образования придерживаются консервативных представлений о разделении супружеских ролей [1, с. 60]. Доля мужей и жён в гипогамных парах, удовлетворённых жизнью, материальным положением, оценивающих здоровье как хорошее, активно занимающихся физкультурой и спортом, употребляющих алкоголь, курящих, переживавших депрессию в последний год, практически такая же, как и в гомогамных парах супругов с высшим образованием и в гипергамных парах.

В сельской местности доля гипогамных браков ненамного меньше 17,7% в сравнении с городами – 24,2%. На селе востребованы специалисты в сферах школьного образования и здравоохранения, в которых, в свою очередь, заняты преимущественно женщины с высшим образованием. Вопреки гипотезе, согласно которой среди мусульман чаще поддерживаются нормы патриархатной культуры, нет значительных различий среди браков, в которых оба супруга православные, не относят себя ни к какой религии и браков мусульман по доле гипогамных пар (22,9, 22,4 и 19,8% соответственно). То есть браки, в которых уровень образования выше у жены, становятся нормативными. Тем не менее, по данным исследования 1 408 студентов старшекурсников в 2018 году в Москве и Ставрополе под руководством автора, большинство девушек предпочитают

Таблица 3

Распределение супружеских пар с несовершеннолетними детьми по критерию наличия у одного или обоих супругов высшего образования, % (N = 907)

Соотношение уровня образования супругов	Период, количество пар			
	1991–2000 (N = 107)	2001–2010 (N = 378)	2011–2023 (N = 422)	1991–2023 (N = 907)
У обоих среднее либо у одного среднее, у другого среднее специальное	51,5	39,4	42,9	42,4
У обоих высшее	23,8	25,6	25,1	25,0
У мужа высшее, у жены среднее или среднее специальное	7,8	8,5	11,6	9,8
У жены высшее, у мужа среднее или среднее специальное	16,9	26,5	20,4	22,8
Всего	100	100	100	100

будущего мужа с таким же уровнем образования, как у них самих или выше. Поиск и выбор супруга может затянуться надолго.

В большинстве культур принято, что мужья должны быть старше жён. В рамках биосоциального подхода считается, что для максимизации своего репродуктивного успеха женщины отдают предпочтение взрослым мужчинам, которые способны инвестировать в их потомство. Мужчины, в свою очередь, ценят молодость и внешность, свидетельствующие о репродуктивном потенциале женщин [18, р. 46]. По данным исследований социобиологов, мужчины и женщины, состоящие в браке с более молодыми супругами, живут дольше, чем те, кто состоит в браке с ровесниками [19, р. 3]. Таким образом, мужчины имеют определённые преимущества в консервативной модели брачного выбора, в свою очередь обусловленной и половозрастными стереотипами. Сложившаяся практика брачного выбора, когда мужчина старше женщины, прежде всего связана с ролью мужа как главы семьи и основного добытчика, который с возрастом имеет более высокий доход и статус, что согласуется с теоретическим подходом обмена и рационального выбора. В 2018 году среди 1 408 московских и ставропольских студентов 76% девушек хотели бы иметь мужа старше себя на три года и более, 45% юношей – жену на три года и более младше себя. Однако по мере изменения социального статуса женщин условия обмена меняются, социальные практики опережают социальные нормы. Увеличение возрастной гипогамии, то есть количества супружеских пар, в которых жёны старше мужей, отмечается в ряде стран, в том числе азиатских [20]. При этом зарубежные учёные опровергают устоявшееся мнение о том, что возрастные гипогамные отношения являются менее успешными, нежели гомогамные [21]. Так же, как и в случае с гипогамными парами по уровню образования, результаты исследований

о нестабильности гипогамных пар по возрасту не подтверждаются среди новых поколений супругов, например, в Италии [22, р. 354].

Исследователи используют различные возрастные интервалы для измерения возрастной гетерогамии [23]. При анализе данных RLMS-HSE кодировался интервал пять и более лет. Браков с такой разницей немного – в 16,2% пар старше муж, в 4,5% – жена. В дальнейшем анализировались пары с разницей в возрасте три года и более. Можно видеть, что доля браков ровесников стабильна, доля гипергамных пар уменьшается, а гипогамных увеличивается (см. рис. 5). Гипогамных пар в сельской местности практически столько же, как и в городской, – 8 и 7% соответственно. Нет различий и в зависимости от уровня образования и религиозной принадлежности супругов.

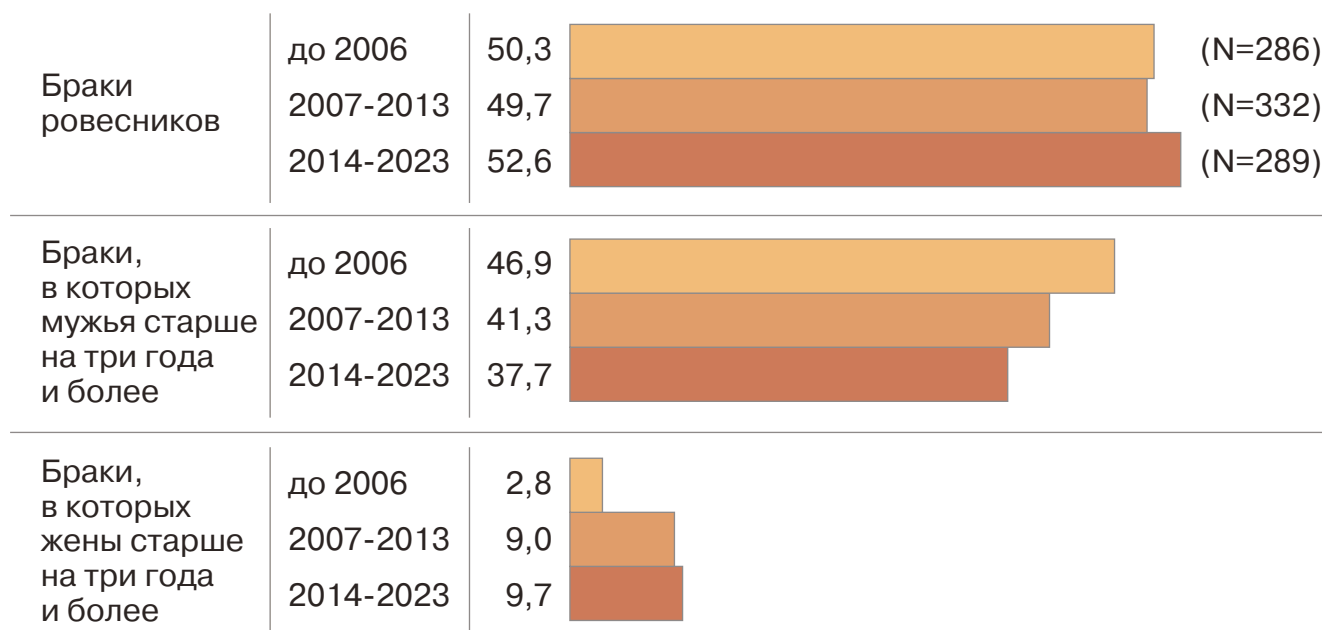

Рис. 5. Распределение супружеских пар по критерию возрастной гомо- и гетерогамии в зависимости от периода регистрации брака, % (N = 907)

Среднее число детей у жён в гипогамных по возрасту парах (2,02) больше в сравнении со средним числом детей у жён в гипергамных (1,96) и гомогамных (1,92) парах, статистически значимо больше мужей и жён в таких парах удовлетворены жизнью в сравнении с супругами в других типах пар, ни жёны, ни мужья в таких парах не переживали депрессий в последний год, больше мужей активно занимаются физкультурой и спортом – в сравнении с мужьями в других типах пар по данному критерию. По другим индикаторам – удовлетворённости работой, материальным положением, курению, употреблению алкоголя, самооценке здоровья, оценке уважения себя окружающими, наличию и частоте разногласий с супругом – жёны и мужья не отличаются от супругов в других типах пар.

Анализ межнациональных браков, в том числе с представителями бывших советских республик, выявил, что доля межэтнических браков несколько уменьшилась: с 14,7% в 1987 году до 12% в 2010 году, и «распространённость таких пар существенно различается у различных этносов, проживающих в России»

[24, с. 114]. Российские демографы высказали мнение, что будущее, в том числе в России, принадлежит детям смешанных браков между иммигрантами и коренным населением развитых стран. Рождение такого поколения детей – увеличение «нового населения» смешанного происхождения – именуется четвёртым демографическим переходом [25, с. 86]. Сами авторы данной гипотезы эмпирических подтверждений такого процесса в России не приводят [26, с. 605]. Согласно данным исследований студентов в Москве и Ставрополе в 2005 и 2018 гг., увеличивается доля юношей и девушек, готовых вступить в брак с представителем другой национальности, религии, с нероссиянином/нероссиянкой [27, с. 105]. На материалах обследований иностранных граждан из СНГ, Украины и Грузии в 2017 и 2022 гг. установлено, что «три четверти опрошенных мигрантов состоят в союзе с иностранными гражданами, более 95% из которых – соотечественники, более 85% – той же этничности» [28, с. 26].

Заключение

Наряду со стабильно низким уровнем окончательного безбрачия в России наблюдается тенденция увеличения доли браков с предварительным сожительством разной продолжительности. Сожительства можно рассматривать не как альтернативу, а скорее как этап на пути к браку. Периодические инициативы депутатов Госдумы РФ о необходимости легализации сожительств не получали поддержки. В отличие от ряда стран, в России не планируется легализация однополых партнёрств и браков, а других веских аргументов для легализации сожительств по сути нет. Увеличение добрачных сожительств связано с необходимостью проверки отношений в условиях распространения знакомств по интернету и вне привычной социальной среды по месту жительства, учёбы или работы.

Задаче укрепления семейных ценностей, которая обозначена в нацпроекте «Семья», противоречит использование в официальных документах и статистике понятия «незарегистрированный брак», а в СМИ – понятия «гражданский брак». Очевидно, что коннотация слова «сожительство» отрицательная, тем не менее в России есть только брак и сожительство. Имеет смысл информировать молодёжь о преимуществах официального брака, о том, что отмена обязательного штампа в паспорте о браке не означает утрату этим институтом своих функций в регулировании родственных и имущественных отношений.

Расчёт данных Росстата свидетельствует о ежегодном увеличении доли повторных браков как в городской, так и в сельской местности. Повышается возраст вступающих в брак впервые, что связано с увеличением периода получения образования, самоопределения в профессиональной сфере. Увеличение возраста вступления в брак, наряду с повышением возраста первого родительства, имеет позитивные последствия с точки зрения качества родительства и вовлечённости не только матерей, но и отцов в уход за детьми и их социализацию.

Увеличение доли гипогамных пар по уровню образования является показателем изменения социального статуса женщин, а также трансформации

института брака. Можно прогнозировать распространение таких браков в будущем по мере того, как доля женщин с высшим образованием будет превышать долю мужчин с высшим образованием. Индикаторы благополучия в гипогамных парах по результатам анализа не отличаются в худшую сторону в сравнении с другими парами. Практической проблемой являются ожидания студенток, которые предпочитают будущего мужа с таким же уровнем образования, как у них самих или выше, а в реальности таких кандидатов все меньше. Увеличение доли браков, в которых жена старше мужа, – новая тенденция, такие пары можно рассматривать как вариацию в развитии института брака. Перспективным является изучение динамики гетерогамии по критерию этнической, религиозной принадлежности, статуса мигранта/коренного жителя. Пока для такого анализа недостаточно репрезентативных баз данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. DOI [10.31857/S013216250014117-1](#). EDN [XHOQBC](#). [Gurko T. A. Evolution and transformation of the institution of marriage: analysis of empirical indicators. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021;(5):58–69. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014117-1](#)].
2. Исупова О. Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 153–164. DOI [10.14515/monitoring.2015.2.10](#). EDN [TTIFWV](#). [Isupova O. G. Russian Consensual Unions in the Early XXI Century (Based on the International Comparative Study Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2015;(2):153–164. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2015.2.10](#)].
3. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с. [Demographic Yearbook of Russia. A statistical collection. Moscow: Rosstat; 2023. 256 p. (In Russ.)].
4. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 630 с. [Russian statistical yearbook. A statistical collection]. Moscow: Rosstat; 2024. 630 p. (In Russ.)].
5. Амирханова А. К., Магомедова П. М. Калым, кебин и приданое как элементы современного предсвадебного обряда в городах Дагестана // Манускрипт. 2016. Т. 73, № 11-2. С. 30–34. EDN [WWPFGJ](#). [Amirkhanova A. K., Magomedova P. M. Kalym, kebin and dowry as elements of a modern pre-wedding ceremony in Dagestan cities. *Manuskript=Manuscript*. 2016;73(11-2):30–34. (In Russ.)].
6. Hu Y., Qian Y. Educational and Age Assortative Mating in China: The Importance of Marriage Order // Demographic Research. 2019. Vol. 41, № 3. P. 53–82. DOI [10.4054/DemRes.2019.41.3](#).
7. The End of Hypergamy: Global Trends and Implications / A. Esteve, C. R. Schwartz, J. Van Bavel [et al.] // Population and Development Review. 2016. Vol. 42, № 4. P. 615–625. DOI [10.1111/padr.12012](#).
8. Blossfeld P., Scherer S., Uunk W. Editorial on the Special Issue «Changes in Educational Homogamy and Its Consequences» // Comparative Population Studies. 2024. Vol. 49, P. 437–465. DOI [10.12765/CPoS-2024-17](#). EDN [SLBHLE](#).

9. Leesch J., Skopek J. Five Decades of Marital Sorting in France and the United States: The Role of Educational Expansion and the Changing Gender Imbalance in Education // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2025. Vol. 97, № 101044. P. 1–15. DOI [10.1016/j.rssm.2025.101044](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2025.101044).
10. Lin Z., Desai S., Chen F. The Emergence of Educational Hypogamy in India // *Demography*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 1215–1240. DOI [10.1007/s13524-020-00888-2](https://doi.org/10.1007/s13524-020-00888-2). EDN [MEMLZI](#).
11. Lichter D. T., Price J. P., Swigert J. M. Mismatches in the Marriage Market // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82, № 2. P. 796–809. DOI [10.1111/jomf.12603](https://doi.org/10.1111/jomf.12603).
12. Schwartz C. R. Trends and Variation in Assortative Mating: Causes and Consequences // *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39. P. 451–470. DOI [10.1146/annurev-soc-071312-145544](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145544).
13. Гурко Т. А. Ролевые ожидания молодых супругов в различных типах семей // *Семья в представлениях современного человека*. М. : Институт социологии АН СССР, 1990. С. 46–65. EDN [YNVFAV](#). [Gurko T. A. Roles expectations of a young couples in a different types of families. In: *Family in the imagination of a contemporary human* [Sem'ya v predstavleniyakh sovremennogo cheloveka]. Moscow: Institut sociologii AN SSSR; 1990. P. 46–65. (In Russ.)].
14. Steiber N., Siegert C. The Impact of Educational Hypogamy on Gender Equality within Couples: A Theoretical Framework and Evidence from the Gender and Generations Survey. Vienna : Institute for Advanced Studies, 2024. 45 p. DOI [10.31219/osf.io/eu9rp](https://doi.org/10.31219/osf.io/eu9rp).
15. Chambers C., Goldman B., Winkelmann J. Bachelors Without Bachelor's: Gender Gaps in Education and Declining Marriage Rates // SSRN : сайт. January 01, 2025. P. 1–38. DOI [10.2139/ssrn.5086363](https://doi.org/10.2139/ssrn.5086363).
16. Atkinson M. P., Greenstein T. N., Lang M. M. For Women Breadwinning Can Be Dangerous: Gendered Resource Theory and Wife Abuse // *Journal of Marriage and Family*. 2005. Vol. 67, № 5. P. 1137–1148. DOI [10.1111/j.1741-3737.2005.00206.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2005.00206.x).
17. Pandian R. K. Reconsidering the Relationship Between Educational Hypogamy and Intimate Partner Violence: Evidence from India // *Population and Development Review*. 2024. Vol. 50, № 4. P. 1017–1044. DOI [10.1111/padr.12679](https://doi.org/10.1111/padr.12679). EDN [PNXTBJ](#).
18. Van den Berghe P. L. *The Ethnic Phenomenon*. New York : Elsevier, 1981. 301 p.
19. Abel E. L., Kruger M. L. Age Heterogamy and Longevity: Evidence from Jewish and Christian Cemeteries // *Biodemography and Social Biology*. 2008. Vol. 54, № 1. P. 1–7. DOI [10.1080/19485565.2008.9989128](https://doi.org/10.1080/19485565.2008.9989128).
20. Dommaraju P. Age Gap Between Spouses in South and Southeast Asia // *Journal of Family Issues*. 2023. Vol. 45, № 5. P. 1242–1260. DOI [10.1177/0192513X231155662](https://doi.org/10.1177/0192513X231155662).
21. Thomas M., Banbury S., Lusher J., Chandler C. Age-hypogamy, Emotional Intelligence, Sexual Self-efficacy and Subjective happiness Associations // *Sexual and Relationship Therapy*. 2023. Vol. 39, № 4. P. 1360–1371. DOI [10.1080/14681994.2023.2280561](https://doi.org/10.1080/14681994.2023.2280561).
22. Corti G., Bellani D., Guarneri A., Rinesi F. Partners' Age Difference and Marital Dissolution in Italy. A Cohort Comparison // *Comparative Population Studies*. 2024. Vol. 49. P. 337–370. DOI [10.12765/CPoS-2024-14](https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-14). EDN [ACIWDR](#).
23. Cheng Y., Xu R., Zhao Z., Zou X. Housing Prices and Spousal Age Gap: Evidence from the Chinese Housing Boom // *Journal of Asian Economics*. 2025. Vol. 97. P. 5–19. DOI [10.1016/j.asieco.2025.101887](https://doi.org/10.1016/j.asieco.2025.101887). EDN [VNDBCQ](#).
24. Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1, № 4. С. 96–123. DOI [10.17323/demreview.v1i4.1804](https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804). EDN [TTGXUR](#). [Soroko E. L. Ethnically mixed families in the Russian Federation. *Demographic Review=Demograficheskoe obozrenie*. 2014;1(4):96–123. DOI [10.17323/demreview.v1i4.1804](https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804) (In Russ.)].

25. Ионцев В. А., Прохорова Ю. А. Формирование «нового населения» в свете концепции четвёртого демографического перехода // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2012. № 4. С. 75–87. EDN [PETFQF](#). [Iontsev V. A., Prokhorova U. A. Formation of a «new population» in the light of the concept of the fourth demographic transition. *Moscow State University Bulletin. Series 6. Economy*=*Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. 2012;4:75–87. (In Russ.)].
26. Ионцев В. А., Узкая Ю. А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 4. С. 597–611. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611](#). EDN [KPBLSG](#). [Iontsev V. A., Uzkaia Yu. A. The Eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global liberal model of demographic transition. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*=*Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2024;20(4):597–611. (In Russ.). DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611](#)].
27. Гурко Т. А., Тарченко В. С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113. DOI [10.31857/S013216250005797-9](#). EDN [IQARLC](#). [Gurko T. A., Tarchenko V. S. Dynamics of students' marital attitudes and plans. *Sociological Studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(7):102–113. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250005797-9](#)].
28. Эндрюшко А. А. Брачный выбор иммигрантов в России: основные характеристики и связь с интеграцией // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 17–30. DOI [10.31857/S013216250026581-2](#). EDN [SDQNYD](#). [Endryushko A. A. The marriage choice of immigrants in Russia: main characteristics and connection relationships with integration. *Sociological Studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(7):17–30. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250026581-2](#)].

Сведения об авторе

Т. А. Гурко

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
SPIN-код: [1986-5400](#)

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 23.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.6](#)

DYNAMICS OF MARRIAGE DEVELOPMENT INDICATORS

Tatiana Aleksandrovna Gurko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

tgurko@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-3804-0924](#)

For citation: Gurko T. A. Dynamics of marriage development indicators. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):115–131. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.6](#).

Abstract. One of the main objectives of the National Family Project, which will last until 2030, is to strengthen family values. To solve this problem it is important to analyze new trends in the development of the institution of marriage in Russia. The theoretical basis is the statement about the difference between evolutionary and transformational changes in social institutions. The empirical basis is a database of a representative sample of individuals from the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE-2023 and information on the number of married people by gender, age and marital status in the period 2011–2023, provided by the Department of Population and Health Statistics of Rosstat. The trend of increasing premarital cohabitation is shown. Only 10.6% of married couples who registered marriage in 1955–1980 lived together for more than three months before marriage, and 67,3% of married couples who registered marriage in 2011–2023. Urban rather than rural spouses cohabited before marriage, regardless of their level of education. It was found that from 2011 to 2023, the proportion of brides and grooms registering marriage for the first time decreased in younger ages. There are more young brides in villages, in republics, the titular peoples of which profess Islam. In remarriage, the proportion of men increased from 26,2% in 2011 to 36,4% in 2023, and the proportion of women increased from 25,4% to 38,2%, which can be explained by the world's highest divorce rate in Russia and an increase in life expectancy. The differences between urban and rural residents are negligible. The average number of children among women in remarriages is higher than in the first. Remarriages were more than twice as likely to be preceded by cohabitation, among them there are more heterogeneous couples in terms of age and with an average level of education compared to the first marriages. The dynamics of the proportion of couples with different levels of education of spouses is presented. Among couples with minor children, there are twice as many hypogamous couples in terms of education (22,5%) as there are hypergamous couples (9,8%). The proportion of hypogamous couples by age is also increasing. Premarital cohabitation, remarriage, and couples who are hypogamous in terms of educational level can be considered as deviations in the development of the institution of marriage, in the long term as normative practices, hypogamous in terms of age as a variation, it is unlikely that the proportion of such couples will increase significantly. It is promising to study the dynamics of heterogeneity according to the criteria of ethnicity, religious affiliation, migrant/indigenous status. So far, there are not enough representative databases for such an analysis.

Keywords: marriage, transformation, evolution, premarital cohabitation, hypogamy, age of first marriage, remarriage

Information about the Author

T. A. Gurko

Doctor of Sociology,

Main Researcher

ResearcherID: [E-8104-2017](#)

Scopus AuthorID: [6508216408](#)

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 23.07.2025.

ГЕРОЙ БУДУЩЕЙ РОССИИ: ВЫБОР СОВРЕМЕННИКОВ – ПРОГРЕССОР, ДЕМИУРГ ИЛИ СВЕРХЧЕЛОВЕК?

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

Для цитирования: Подлесная М. А. Герой будущей России: выбор современников – прогрессор, демиург или сверхчеловек? // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 132–155. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.7. EDN AZNEIN.

Аннотация. В статье представлен анализ данных онлайн-опроса, проведённого в 2024 году сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН и Крымского государственного университета имени В. И. Вернадского. Опрос проводился как среди читающих, так и не читающих фантастику ($n = 1244$), его целью было изучение фантастической литературы (её функций, роли в развитии общества) и её оценок современниками. В данном случае изучение является монографическим и строится на результатах такой группы респондентов, как читающие (с разной регулярностью) фантастику ($n = 1\,139$). В статье рассматривается такой аспект исследования, как выбираемые герои фантастической литературы, близкие опрошенным и необходимые, по их мнению, современной России. В этом смысле фантастическая литература рассматривается как сплав воображаемого и реального, позволяющий выявлять глубинные, зачастую неосознанные, опривыченные и поэтому непроговариваемые смыслы. Исследование многометодное, с использованием количественной и качественной методологий: был задействован массовый онлайн-опрос и метод глубокого погружения в среду – включённое наблюдение. В последнем случае – это общение с профессиональными писателями-фантастами, участие в собраниях (конвентах), переписка как с ведущими авторами сетевой фантастической литературы, так и с мастерами из группы российских известных писателей, регистрация и активная работа на фандомных сайтах. В работе подробно анализируются данные нескольких открытых вопросов, делается их сравнительный анализ, связанный с тем, каких героев фантастической литературы называют респонденты в качестве близких себе по духу и образу мыслей и каких героев считают необходимыми для современной России. В итоге приходим к следующему выводу: близкими являются герои, описанные в современной фантастической литературе писателями-современниками, со всеми особенностями их характера, а героями, необходимыми России, по оценке респондентов, являются те, кто представлен в фантастике советского прошлого. При этом есть потребность в герое-прогрессоре, который не лишён этических принципов, но действует и преобразует реальность осторожно, не идя на риск, зачастую не выдерживая натиска «несовершенной» среды и невольно изменяя своим принципам.

© Подлесная М. А., 2025

Ключевые слова: фантастическая литература, тип героя, герой-прогрессор, демиург, сверхчеловек, ИТР-дискурс, «социотехническое воображаемое», конвергентная культура

*«И вообще мы ведь не предсказываем будущее,
мы пытаемся нарисовать мир,
в котором нам самим хотелось бы жить»*

Б. Стругацкий¹

Введение

Тема героя и героизма звучит в наших работах не впервые. Интерес к ней связан с самим временем и тем историческим моментом, в котором живём, в котором находится страна. Начавшаяся специальная военная операция обострила не только важность отстаивания собственного суверенитета, решения вопроса о национальной самоидентичности, но и актуализировала дискурс о герое. Он, в свою очередь, тесным образом связан с понятием времени, шире хронотопа: обращаясь к этой теме, мы невольно вспоминаем о героях прошлого, думаем о герое в настоящем и проецируем его в будущее [1]. Так, советское время достаточно часто определяется в целом как героическое, оно было таковым не только в связи с победой в самой жестокой войне против человечества, но, главным образом, в связи с тем, как организовывалась трудовая и повседневная жизнь «нового» советского человека. Герои труда, герои спорта, герои Великой Отечественной войны, герои коммунистической стройки и т. д. – те естественные языковые конструкции, по которым легко узнаётся и определяется СССР. Тезаурус и история современной России, по крайней мере до недавнего времени, как будто исключили понятие героя из повседневной жизни, в лучшем случае о героях говорили в контексте культового кино или применительно к «заправилам» из 1990-х, беря слово «герой» в кавычки. И только теперь вновь вспомнили о «времени героев», в том числе на государственном уровне, – в качестве национальной стратегии и соответствующей программы. Настоящее связывается с подвигом и героем, которого надо обнаружить, заметить, воспитать. В действительности подобная установка больше, чем желание политической воли или указания «сверху», это та база, без которой будущее, конечно же, наступит, но каким оно будет – большой вопрос. Без героя, или без пассионария (как сказал об этом президент РФ), будущее возможно, но его содержательная часть – нет, она полностью лежит в плоскости того героического действия и тех смыслов, которые определяет своей личностью герой, причём герой своего времени.

Последовательная работа над темой героя позволила нам говорить о российской или, точнее будет сказать, русской специфике как понимания героя, так и его изучения. Первое состоит в том, что в русской культуре героизм и святость,

¹ «Мы не предсказываем будущее...». Интервью с Б. Н. Стругацким. Публ. подготовили И. Григенч и В. Ларионов // История ФЭНДОМА: сайт. 19.05.1989. URL: https://www.fandom.ru/inter/strug_b_17.htm (дата обращения: 02.06.2025).

не являясь тождественными по своим сущностным характеристикам понятиями, имеют общее основание – без одного нет другого [2]. Подлинный герой невозможен без устремления к добродетели и святости, подлинный святой невозможен без решительности к самоотвержению и определённого героизма (в том же противостоянии греху и миру). Это уникальная ситуация, характерная для России: хотя и кажется, что о герое как о добродетельной личности писалось ещё в античности, в действительности добродетели имели другое смысловое наполнение (в значении *arete*, то есть «превосходство любого рода») и другое целеполагание героя [3, с. 168]. Связь с античным героем западноевропейской культуры в итоге определило её отличное представление о герое, где отношения со святостью не обнаруживаются. Вторая специфика, как мы отметили, связана с изучением героя в России, и здесь также есть свои нюансы, заключающиеся в том, что кэмпбелловский путь героя [4] на российской почве превращается в застывшую форму (из этого в отечественной науке не возникает мощного исследовательского продолжения). Кроме того, интерес изучения лежит в иной плоскости, он не связан с механизмами подавления личности толпой, скорее, напротив, обращает внимание то, как сам герой противостоит общественным нормам и создаёт нечто новое из своей картины мира (у Михайловского при этом она не всегда добродетельная, герой для него не исключительно положительная фигура [5], что в современной науке имеет обозначение квази- или лжегероя [6]). То есть мы сталкиваемся с весьма интересной ситуацией: в культурных пластах России герой и святой имеют связь, в исследовательской отечественной традиции герой – фигура, стоящая над толпой.

В своих прошлых эмпирических изысканиях мы прибегали к массовому опросу россиян с целью понять, кто является героем в их понимании. Это был весьма полезный опыт, который позволил зафиксировать общественное мнение относительно того, каким видится современный герой. В результате исследования мы обнаружили, что герои сегодня – это и представители отдельных профессиональных групп, и простые люди, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях, но сумевшие с ними справиться. То есть героизм в определённом смысле стал носить черты повседневного действия, черты профессионализации, герой – это не кто-то особенный, не всегда трагическая фигура (как это было в античности), а по сути – каждый из нас. В этом обнаруживается, на наш взгляд, постмодернистское влияние, когда отрицается так называемый метанарратив, всё подчиняется условно конкретной ситуации. Придя к такому выводу, мы невольно задумались о том, насколько глубоко нам удалось изучить героя и героизм с точки зрения культурных пластов и смогли ли мы обнаружить глубинные вещи, не лежащие на поверхности. В определённом смысле своим исследованием мы зафиксировали некоторые черты хронотопа современности, проявленные в отношении героя [7], но не перешли к более глубинным вещам.

В 2024 году мы решили зайти в тему героя со стороны литературы, в частности фантастической, так как именно в ней присутствует соотношение воображаемого и реального и поэтому наилучшим образом проявляется невысказанное,

сложное, а иногда опривыченное и поэтому незаметное. Исследование в целом было шире, чем о герое, но изначально подразумевалось, что эта часть будет включена в исследовательский проект и посвящена непосредственно выявлению глубинного понимания героического образа – как с точки зрения соотношения его с личностью респондента, так и с тем, кто, по мнению опрошенных, мог бы быть героем для современной и будущей России. По сути, через предпочтения читателей выявлялись, с одной стороны, героический потенциал и характер самих опрошенных, с другой – то, какого типа герой наиболее востребован для настоящего и будущего страны. В определённом смысле такой опосредованный разговор о герое ломал логику стандартного ответа и вскрывал глубинные представления (по аналогии с методом Бахтина [8]).

Теоретико-методологические основания исследования

В одной из первых книг на постсоветском пространстве, посвящённой изучению гражданского общества в России посредством анализа российской фантастики (авт. Л. Фишман), даётся весьма интересная типология возможных героев. Это так называемый герой-прогрессор, или просто прогрессор, герой-демиург и сверхчеловек. Все три типа имеют сущностные, онтологические и функциональные различия.

О таком типе героя, как прогрессор, и в целом о прогрессорстве как его характеристике мышления писали в основном советские фантасты братья Стругацкие, понимая под прогрессорством стремление и умение спрямить историю, сделать её менее кровавой и жестокой. Для них было очевидным, что к прогрессорству были способны не все, а только бескорыстные, высоко-нравственные люди, точно знающие, какой вариант истории является предпочтительным. Без этих качеств личности любое прогрессорство, по мнению писателей, превращается в закамуфлированное колонизаторство с захватом рынков, территорий, с навязыванием своих обычаев и мировоззрений. Поэтому прогрессор у Стругацких довольно сложная фигура, к которой есть определённые этические требования. Напомним, что для братьев Стругацких большое значение имел процесс исторического развития, в частности, их интересовало то, кто двигает историю и как это происходит. В итоге они делают вывод, что уже ставшие традиционными для науки эволюционный (научный дискурс) и революционный («наивный» дискурс) пути исторического развития в действительности проявляются в паре, не являясь исключительно отдельными этапами. Это наблюдается и в произведениях Стругацких, в частности – в персонажах, которые также прописываются в паре – например, Антон – Вадим («Попытка к бегству»), дон Кондор – Румата («Трудно быть богом»), Рудольф Сикорски – Максим Крамерер («Обитаемый остров»). Один из которых являет на определённом этапе повествования первый тип развития, другой – второй, реализуя в итоге единое утопическое сознание [9]. Прогрессорство, как правило, проявляется в работах Стругацких в отношении так называемых «младших»

цивилизаций, например, средневековых (как в «Трудно быть богом») или тех, которые технологически близки времени героя, но имеют цивилизационное отставание (как в «Обитаемом острове»).

Примечательно, что если сами Стругацкие отзывались о прогрессоре как о такой личности, которая, благодаря своим высоким нравственным качествам, оказывается способной спрямить историю, сделать её менее враждебной, то последующие интерпретаторы их работ видели и иные черты. Например, обозначая, что прогрессор – это тот, кто, действуя, «боится слишком радикально вмешаться в чужую историю» [10, с. 149], имея «повышенное чувство ответственности перед божеством истории» [10, с. 149], старается не преступать исторические или юридические законы. Именно страх прогрессора перед неведанным, ещё не бывшим, делает его поступки ограниченными, урезанными, заставляя подавлять в себе различного рода естественные человеческие чувства (сострадание, любовь и пр.). Он как будто герой не до конца, сдерживающий сам себя. Восстанавливая утраченный в реальном или мифическом прошлом статус-кво, такой «нормальный», консервативный, традиционный герой совершает те подвиги, которые от него ожидаются. В качестве яркого примера героя-прогрессора можно вспомнить Дона Румату из «Трудно быть богом». Само название романа точно описывает основное качество прогрессора, которому действительно «трудно быть богом», то есть знающим Истину (а это Любовь) и реализующим её до конца, в полной мере.

Демиург, в отличие от прогрессора, имеет противоположные черты. Он, в первую очередь, несовершенный творец (в гностическом, а не христианском смысле), который «меняет реальность не из эгоистических побуждений (в отличие, например, от сверхчеловека), но исходя из своих представлений о должном» [10, с. 141]. Как несовершенный творец он способен к большим поступкам, ведущим других к Свету, но вместе с этим и делающий большие ошибки, поэтому способный погрузить во тьму, самим стать Тьмой. Герой-демиург «творит добро, но не может устранить естественным образом сопровождающее его зло» [10, с. 142]. Такой герой тесно связан с понятием судьбы: выходя на сцену истории, он творит судьбу, то есть на практике реализует неустранимое человеческое желание – использовать доступные для себя могущество и силу и тем самым изменить свою и других участь [10, с. 148]. Это его основное отличие от прогрессора, который всегда проигрывает демиургу, будучи не связанным с судьбой и не увлекаемым ею. Отсюда то, что для «нормального» героя действия демиурга могут казаться безответственными и этически неприемлемыми. В этом смысле они являются антагонистами. У героя-демиурга, в отличие от героя-прогрессора, нет сдерживающих механизмов, в том числе в виде страха. В качестве героев-демиургов можно вспомнить Давила из «Сверхдержавы» А. Плеханова, мальчика-мессию Маркуса из дилогии С. Лукьяненко «Холодные берега», «Близится утро».

Сверхчеловек – это особый тип личности, которого стоит отличать от героя-прогрессора, так как сверхчеловек не имеет и не признаёт никаких ограничений, чего нельзя сказать о прогрессоре, который «всегда ограничен в своих

действиях либо моральными обязательствами, либо рамками своей миссии» [10, с. 140]. Можно говорить о двух видах моральных ограничений такого героя – это его самоидентичность, необходимость следовать своей социальной функции, и влияние такого внутреннего голоса, как совесть. У сверхчеловека подобные ограничения притуплены, более того, он и сам стремится к выходу из всевозможных связей, хоть как-то соотносящихся с идентичностью. Обратим на это внимание, так как в современном обществе идентичность как якорь личности выхолащивается, становится крайне неопределённой и уязвимой. Сверхчеловек нефункционален и аморален. Фигура сверхчеловека представляется угрожающей, с ослабленной совестью, для которой другие – объект для манипуляций. В качестве примера сверхчеловека можно вспомнить персонажи А. Бушкова: могущественный маг из «Анастасии» и король Хельстаад из «Сварог». Важно, что они получают сверхчеловеческое поневоле, попав под влияние определённых событий и обстоятельств. Не случайно поэтому, что именно в фэнтези, где присутствует влияние магического, внешней силы, сверхчеловек или сверхлюди чувствуют себя особенно органично, нежели в любом другом жанре фантастики.

Герой может быть подвержен соблазну стать сверхчеловеком, всегда руководствующимся «готовым и опробованным образцом устройства мира». «Нормальный» социализированный герой всегда побеждает сверхчеловека, так как «в действие вступают традиционные, унаследованные ещё от античности и Средних веков функционалистские представления об этике» [10, с. 147]. Гораздо сложнее прогрессору противостоять соблазну демиурга: можно сказать, герои в этом последовательно бессильны (термин Л. Фишмана) и, не поддаваясь сверхчеловеческому (психологии «достижительств»), проигрывают в стремлении быть «как боги».

По сути, все три типа героя описывают три типа действия в отношении будущего, одно из которых направлено на поддержание эволюционного развития (герой-прогрессор), второе – на судьбоносное и решительное (революционное) создание новой реальности (герой-демиург), третье – прежде всего на антиутопичное будущее человека/нации нарциссического характера, сверхспособного и аморального одновременно. Отметим, что, например, в многосерийной версии трилогии братьев Стругацких («Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер») один и тот же герой (Максим Крамерер) динамично проживает изменения своей личности, переходя от одного типа героя к другому: «в первой повести он, <...>, выступая носителем наивного дискурса, оказывается одним из вариантов трансляции утопического сознания. Во второй повести его позиция усложняется, сближаясь с позицией Руматы («Трудно быть богом»). В третьей же внешне созерцательная точка зрения, реализуемая героем, сочетается с имплицитно присутствующей исповедальной заданностью рассказа о расследовании «дела люденов». В этом случае обозначение трагических результатов абсолютизации утопического сознания делает героя своего рода совиновником данного процесса» [9, с. 234]. Таким образом, герой в течение всей серии книг

проходит трансформацию от демиурга (революционный, «наивный» дискурс) к прогрессору и в конце концов приходит к обезличенному сверхчеловеку (лишившему себя обязательств перед другими). В этом обнаруживается тесная связь фантастики, то есть вымысла, с реальной жизнью, в течение которой человек переживает разные свои личностные и героические ипостаси.

Социолог Л. Фишман весьма точно подмечает, что каждая эпоха достойна своих положительных и отрицательных героев. По его мнению, «предыдущая была достойна сверхчеловека, наша – героя-демиурга» [10, с. 142]. Здесь хотелось бы остановиться и задать исследовательский вопрос: действительно ли это так, кого в качестве героя ищут и ждут авторы и читатели фантастической литературы сегодня и какого героя, согласно своим ожиданиям, они, возможно, заслуживают в будущем? Попробуем ответить на поставленный вопрос с помощью анализа данных, полученных в результате массового онлайн-опроса, проведённого исследовательской группой социологов Института социологии ФНИСЦ РАН и философов Крымского государственного университета имени В. И. Вернадского в 2024 году и посвящённого изучению фантастической литературы (её функций, роли в развитии общества) и её оценки современниками.

Эмпирическая база. Методика анализа данных

В своей работе автор сосредоточился на одном контингенте опрошенных – это люди, с различной регулярностью читающие фантастическую литературу (1 139 человек). В связи с этим данное исследование можно обозначить как монографическое, объектом которого являются выбираемые в качестве близких и нужных для современной России респондентами герои фантастических книг, а предметом – смысловое значение этих героев с точки зрения определённого идеала, примера для подражания и тех паттернов, которые формируют образ героя, необходимого сегодня для страны.

В период лета – осени 2024 г. был проведён массовый онлайн-опрос. Опрашивались читающие и не читающие фантастическую литературу, у последних хотели выяснить, почему не читают, от чего это зависит. При этом изначально была гипотеза, что среди читающих есть как знатоки, так и просто любители фантастики. Учитывая эти нюансы, проводился онлайн-опрос, размещалась ссылка на анкету в профессиональных сообществах читателей фантастики, в группах книжных издательств, предполагая, что там будут любители, и, наконец, в новостных группах, в соцсети «ВКонтакте».

Были опрошены жители Москвы (12%), Санкт-Петербурга (6,7%) и других регионов¹.

¹ Республика Крым – 8,4%, Вологодская область – 7,7%, Московская область – 6,4%, Запорожская область – 5,5%, Республика Татарстан – 4,7%, Архангельская область – 3,1%, Новгородская область – 2,7%, Челябинская область – 2,3%, Краснодарский край – 2,2%, Новосибирская область – 1,9%, Свердловская область – 1,9%, Донецкая Народная Республика – 1,8%, Красноярский край – 1,8%, Брянская область – 1,7%, Ростовская область – 1,6%,

Выборка стихийная, поэтому мы не можем говорить о репрезентативности данных и об их экстраполировании на всю совокупность. Более того, начиная исследование, автор столкнулся с тем, что в данном исследовательском случае в принципе сложно выделить генеральную совокупность, что существенно осложняло проведение «классического» исследования со случайной выборкой. Понимая, что такие совокупности (читатели фантастики) репрезентативно оценить сложно, мы тем не менее рассчитывали получить валидный результат – качественное знание: перечня причин обращения к фантастике, предпочтений и т. д. Со своей стороны, для повышения не столько репрезентативности данных в строгом смысле слова, сколько для оценки ошибки выборки по доступным данным и в условиях существующих возможностей, предприняли ряд мер. С этой целью ввели этап контроля респондентов и согласование полученных данных, в том числе социально-демографических показателей опрошенных, с писателями-фантастами, отслеживающими свои аудитории.

Для контроля в форму онлайн-анкеты были включены в обязательном порядке контакты респондента. В результате в случайном порядке из всех представленных в выборке регионов были отобраны 200 телефонных номеров и осуществлена связь с респондентами. Задавались вопросы социально-демографического порядка: проходил ли респондент опрос, когда, на каком ресурсе, какова была степень интереса к анкете. По завершении этапа контроля участников опроса из 200 опрошенных только двое вызвали недоверие. Эти анкеты были удалены из базы исследования. В целом можно говорить о высокой степени заинтересованности респондентов в исследовании и правдивости представленных данных. Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS и перед расчётами проверялись на логическое соответствие. Анкеты, не прошедшие проверку, также были удалены из базы данных. В итоге из полученных 1 279 анкет к анализу были приняты 1 244 анкеты. В данной работе автор обращается к совокупности читающих фантастику, поэтому весь последующий анализ строится на данных, полученных от 1 139 респондентов.

Отметим, что предварительное квотирование не предусматривалось, акцент при сборе информации делался на том, чтобы в выборку исследования попали читающие и не читающие фантастику. Поэтому место проживания респондентов, как и их пол, возраст, семейное положение, профессиональный статус, отношение к религии, являются в данном случае социальными характеристиками опрошенных, а не заранее заданным условием сбора информации.

Этап разработки анкеты занял время и в нём участвовали отдельные писатели-фантасты. Был проведён в том числе «пилотаж» анкеты, которая рассылалась активно читающим фантастическую литературу экспертам.

Самарская область – 1,5%, Нижегородская область – 1,3%, Вологодская область – 1,1%, Воронежская область – 1,1%, Омская область – 1,1%, Саратовская область – 1,1%, Белгородская область – 1,0%, Кемеровская область – 1,0%, Ленинградская область – 1,0%, Астраханская область – 1,0%, остальные регионы – менее 1% (16,4%).

В качестве вспомогательного был использован метод глубокого погружения в среду – включённое наблюдение: общение с профессиональными писателями-фантастами, участие в собраниях (конвентах), переписка как с ведущими авторами сетевой фантастической литературы, так и с мастерами из группы российских известных писателей, регистрация и активная работа на фандомных сайтах. Подобное тесное общение с писателями фантастики оказалось полезным при интерпретации данных, а также привлечённые эксперты смогли дать качественное заключение, что получившаяся выборка более или менее отражает российскую аудиторию фантастики.

Среди читающих с разной регулярностью фантастику доля мужчин составила 52,6%, женщин – 47,4%, трёх возрастных групп: 50,2% респондентов среднего возраста (от 31 до 50 лет), чуть больше трети – молодёжь (от 14 до 30 лет) и 19,2% опрошенных старше 50 лет. Больше половины респондентов имеют высшее (в том числе два и более) образование (57,6%), ещё 8,3% – учёную степень или звание. Незаконченное высшее у 13,5% читающих фантастику опрошенных, среднее или среднее специальное образование получили 20,6%. Чуть меньше половины (47,9%) состоят в браке, причём в это число включены как заключившие брак, так и живущие без регистрации (7,7%); вторая основная группа – холостые и незамужние – составляют 42%, остальные – разведённые или овдовевшие. Основные сферы деятельности, в которых заняты респонденты, это образование и воспитание (13%), информационные технологии и связь (8,3%), безработные (7,6%), культура и искусство (5,8%), юриспруденция (5,7%), наука (4,9%), информационные системы (4,3%), медицина (4%). Среди читающих фантастику по конфессиональному признаку респонденты самоидентифицировали себя следующим образом: доля отнёсших себя к православным составила 41,4 %, доля неверующих, атеистов – 9,7% и ещё 27,5% придерживаются научной картины мира, заявивших о себе как о тех, у кого своя вера, – 8,4%.

Результаты исследования

Свой анализ хотелось бы начать с прояснения того, насколько, по мнению читателей фантастики, подобная литература значима в обществе – как с точки зрения формирования будущего, так и развития мышления и воспитания кадров. Например, у М. Липовецкого есть обозначение ИТР-дискурса, под которым понимается культурная идеология научно-технической интеллигенции 1960-х, которая впоследствии, как считается, стала лидером либерального движения позднесоветского периода [11]. Именно она в том числе была активным пользователем и читателем советской фантастики, оказав, как можно было заметить по событиям в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., существенное влияние на социальные процессы в России. В исследовании автора в том числе интересовало, как сами современные читатели оценивают влияние фантастической литературы на умы и общество в целом, сохраняется ли её когда-то

высокая дидактическая функция сегодня. С этой целью мы просили оценить каждое из предложенных суждений (от 1 до 5 баллов, где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен), в которых отражалась та или иная отчасти провокационная позиция и взгляд на фантастику.

Наибольшее согласие респондентов вызвало такое предлагаемое высказывание, как: «Есть ощущение, что в российском обществе довольно мало говорят и пишут о фантастике и/или фэнтези». То есть у респондентов есть субъективное ощущение, что дискурс о самой фантастике, её ценности в литературе и обществе слабо актуализирован.

При этом ярко выраженное несогласие проявилось в отношении суждения: «Любители фантастики и/или фэнтези похожи на сектантов, у которых своя религия...». Респонденты считают, что в российском обществе сам дискурс о фантастике слабо актуализирован и вместе с этим предпочитают не говорить о любителях фантастики как о сектантской группе (см. рис. 1). Видимо, образ религиозных фанатиков применительно к любителям фантастики нашим респондентам не кажется близким.

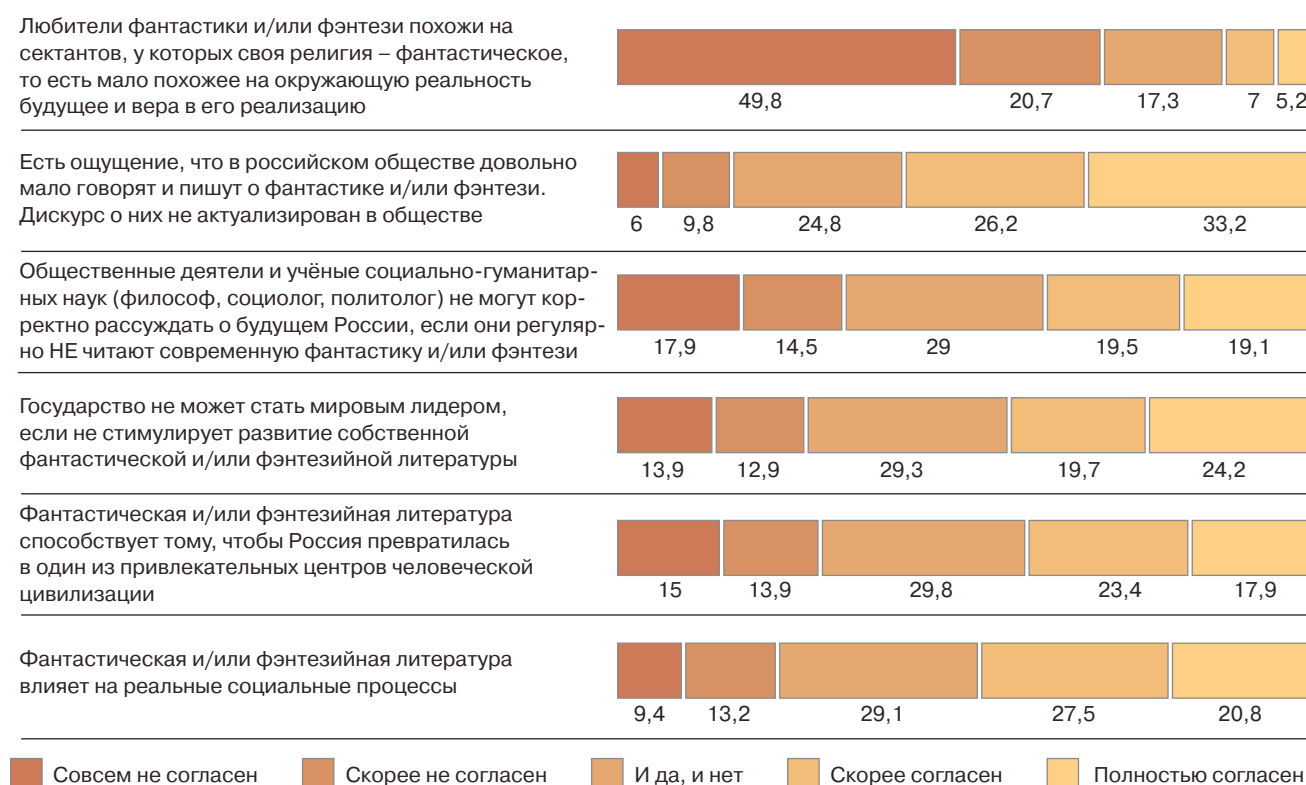

Рис. 1. Ценность фантастической литературы в оценке предложенных суждений читающими фантастику респондентами (n = 1139), 2024 г., %

Остальные предложенные суждения не вызвали таких же ярких, однозначных оценок, как указанные выше. Доля ответивших «и да, и нет», что можно интерпретировать как затруднение с оценкой, например, составила треть опрошенных по всем остальным суждениям. Тем не менее с некоторым допущением заметим, что суждение «Фантастическая и/или фэнтезийная литература

способствует тому, чтобы Россия превратилась в один из привлекательных центров человеческой цивилизации» получило в сравнении с другими несколько большее число положительных оценок (43,6%), что свидетельствует об имеющемся согласии с тем, что фантастическая литература может влиять на будущее страны, конструировать его. В этом смысле у подобной литературы есть своя особая социальная миссия. Для респондентов представляется не лишённым смысла и такое суждение, как «фантастическая и/или фэнтезийная литература влияет на реальные социальные процессы». Доля согласившихся с этим суждением составила 41%. Таким образом, опрошенные россияне оценивают по-прежнему высоко роль фантастической литературы как в будущем развитие страны, так и в настоящих социальных процессах. Скорее всего, это некоторый идеологический шлейф советского времени, в котором фантастике уделялось большое значение, особенно в подготовке инженерно-технических кадров и стимулировании так называемого «социотехнического воображаемого» [12]. Наша гипотеза о том, что в обществе сохраняется мнение о фантастической литературе как о литературе, у которой есть особое назначение в обществе, с определёнными оговорками подтвердилась.

В исследовании для нас было важно проверить, насколько декларируемая ценность фантастической литературы для развития общества, заявленная через оценку предложенных суждений, соответствует реальному знанию и осведомлённости респондентов о формируемых ею трендах будущего и в целом о её предсказательной функции. В связи с этим в анкете мы не задавали прямых вопросов, а выясняли это через выявление имеющегося у респондентов знания относительно конкретных событий и прогнозов, которые были представлены в широко известной отечественной фантастике. В анкете мы спрашивали, например, о весьма актуальном сегодня событии, об СВО: «Была ли предсказана СВО в фантастике прошлых лет? Если да, назовите название книги, где это было сделано?». В итоге доля затруднившихся с ответом составила 61,3%, то есть почти две трети респондентов не осведомлены об этом (см. рис. 2).

Из тех же, кто на вопрос о предсказании СВО ответил утвердительно (почти 27%), смогли назвать книги, в которых это было сделано, 187 человек, представив довольно разношёрстный список (см. табл. 1).

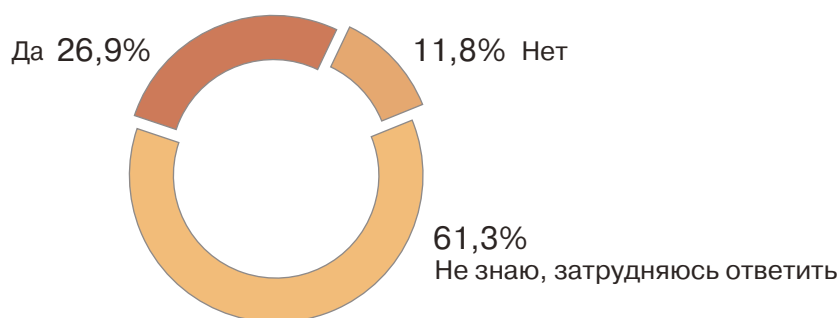

Рис. 2. Осведомлённость читающих фантастику респондентов о предсказании СВО в соответствующей литературе (n = 1139), 2024 г., %

Таблица 1

*Частотное распределение названных респондентами книг, в которых была предсказана специальная военная операция (СВО), 2024 г. **

Название книги, в которой предсказана СВО	Частота упоминаний	Доля, %
«Эпоха мёртворождённых», Г. Бобров, выход книги в 2008 г.	31	16,6
«Звёзды – холодные игрушки», С. Лукьяненко, выход книги в 1997 г.	11	6
«Война 2000. Украинский фронт», Ф. Берёзин, выход книги в 2009 г.	5	2,7
В. Пелевин	4	2,1
Дж. Оруэлл	4	2,1
«Достойны ли мы отцов и дедов», С. Сергеев, выход цикла с 2010 г.	4	2,1
«Поле боя – Украина», Г. Савицкий, выход книги в 2009 г.	4	2,1
«Империя», Р. Злотников, выход цикла в 2008 г.	3	1,6
«Третья мировая война», А. Афанасьев, выход цикла в 2011 г.	2	1,1
Остальные произведения (менее 1%)	119	63,6
Итого	187	100

*Вопрос задавался как открытый, можно было указать одно название

Как можно заметить, даже при утвердительном ответе респондентов о факте предсказания специальной военной операции в фантастической литературе мнение о том, в какой же книге это было сделано впервые, не является общим. Указывается не одна, а ряд книг, причём примерно одного периода. Помимо этого, называются и отдельные авторы (Пелевин, Оруэлл), работы которых в целом обладают сильным аналитическим потенциалом. Из полученных данных можно сделать несколько выводов: во-первых, прогностическая функция фантастики для значительной части респондентов не самоочевидна (надо хорошо ориентироваться в подобной литературе), хотя и признаваема ими (см. анализ вопроса оценки суждений); во-вторых, некоторые прогнозы – заслуга не одного автора и могут присутствовать во множестве книг, в том числе одного периода; в-третьих, при внимательном взгляде на фантастику можно улавливать будущие события социальной жизни, особенно масштабного характера (катастрофы, войны, распады государств и т. д.); в-четвёртых, знатоки отечественной фантастики смогли в итоге дать правильный ответ (это книга Г. Боброва «Эпоха мёртворождённых»).

Перейдём теперь непосредственно к анализу вопросов о герое. В нашем исследовании они формулировались в двух формах: в одном случае мы спрашивали о героях фантастических книг, которые являются идеалом или максимально близкими для самих респондентов, в другом – о героях, в которых, по оценке опрошенных, нуждается современная Россия. Мы предполагали, что

таким образом это позволит узнать, с одной стороны, о векторе отождествления (ценностях, качествах, предпочтениях, смысловой наполненности) самих участников исследования с выбираемыми в качестве близких героями, с другой – нащупать того героя (его качества, способности, паттерны), который соответствует потребностям страны. Вопросы были открытые, с множественными вариантами ответов, при этом можно было назвать до пяти героев.

В результате на вопрос о близком для самого респондента герое ответили 376 человек (33%), 763 затруднились с ответом (67%), о необходимом для России герое – ещё меньше – 225 человек (19,8%) и 914 респондентов затруднились ответить (80,2%). Учитывая то, что можно было дать не один вариант ответа, на вопрос о близком для респондента герое было получено 949 ответов, о необходимом для страны – 743. Таким образом, можно сделать вывод, что: 1) вопросы оказались для некоторых респондентов достаточно сложными; 2) отвечающие на них в первом случае вспоминали несколько чаще: в среднем 3,3 героя, во втором – в среднем не более 2,5 героя фантастических книг.

Из полученных списков мы выделили пятёрку наиболее часто называемых героев по двум задаваемым вопросам, сведя их для наглядности в общую таблицу (см. табл. 2). Героев, которые получили одинаковое количество голосов, объединили в одну позицию.

Таблица 2

*Герои фантастических книг, максимально близкие респондентам и необходимые в их представлении для современной России, 2024 г., %**

Герои, являющиеся идеалом или максимально близкими по духу и образу мысли респондентам, N = 376 (33%)	Частота упоминаний	Доля, %	Герои, в которых нуждается современная Россия, N = 225 (19,8%)	Частота упоминаний	Доля, %
Лиза Гринберг	26	6,9	Дон Румата	12	5,3
Одиссей Фокс	24	6,4	Фай Родис, Сталин	11	4,9
Максим Каммерер, Дон Румата	13	3,5	Максим Каммерер	9	4
Горбовский	12	3,2	Алиса Селезнёва	8	3,6
Антон Городецкий, Арагорн	11	2,9	Дар Ветер	7	3,1

*Вопрос задавался как открытый, можно было дать до пяти ответов

В группу героев, наиболее близких респондентам или на которых они хотели бы быть похожими, вошли: Лиза Гринберг из современного фантастического романа «Замуж с осложнениями» авторства молодой писательницы Ю. Жуковой, пишущей в жанре любовного фэнтези, космических приключений и юмористической фантастики; Одиссей Фокс из одноимённой серии романов современного, уже отмеченного литературными наградами автора А. Карелина, работающего преимущественно на стыке жанров космической и детективной фантастики с элементами юмора; Максим Каммерер и Дон Румата, получившие одинаковое число голосов от респондентов, – широко известные персонажи

романов братьев Стругацких, один из которых посвящён миру Полудня, другой – герой социально-фантастической повести «Трудно быть богом»; практически следом за ними идёт Горбовский – также относящийся к миру Полудня братьев Стругацких; Антон Городецкий – главный герой серии книг «Дозоры» «классика» отечественной современной фантастики С. Лукьяненко, тесно связанного с отечественной медиаиндустрией благодаря снятым по его книгам одноимённым фильмам, и, на той же позиции, Арагорн – известный персонаж одноимённого фильма по роману «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина.

Как можно заметить, список составляют как женские, так и мужские персонажи преимущественно отечественных и отчасти зарубежных авторов. Прежде всего, наблюдается ориентация респондентов на героев современной отечественной фантастики, то есть можно предположить, что современники, читающие фантастику, склонны отождествлять себя и находить близкие черты с героями таких же авторов-современников, живущих с ними в одной стране и в одном времени. Примечательно, что значительная часть названных героев (Максим Каммерер, Антон Городецкий, Дон Румата, Арагорн) в разные периоды становились также персонажами кино, видео- и настольных игр, то есть воплощались в самых разных адаптационных формах, являясь частью процессов «трансмедийного сторителлинга» так называемой конвергентной культуры [13]. То есть это широко растиражированные благодаря самым различным медиумам герои, в настоящее время ставшие частью массового культурного потребления.

Обращает на себя внимание факт, что первые два героя Лиза Гринберг и Одиссей Фокс принадлежат современным относительно молодым писателям, работающим на стыке разных жанров фантастики и активно использующих юмор в своих текстах, то есть в целом это герои произведений, которые отличает определённая доля лёгкости.

Если говорить о качествах и характерах самих героев, то, для начала, у каждого из них есть своя профессия и своё призвание: Лиза Гринберг – межгалактический врач; Одиссей Фокс – детектив, сыщик; Максим Каммерер, Дон Румата, вышедшие из-под пера советских фантастов братьев Стругацких, сотрудники секретных служб (что в целом характерно для героев этих авторов), в первом случае – КОМКОН-2, во втором – Института экспериментальной истории; Леонид Горбовский, ещё один персонаж Стругацких, – профессиональный пилот космических кораблей, командир звездолёта «Таризель-2»; Антон Городецкий – аналитик «Ночного дозора»; Арагорн – вождь следопытов, благородный воин, мудрый стратег, целитель. Примечательно, что значительная часть названных в качестве близких для респондентов героев так или иначе связана с аналитической работой.

Описать характеры и качества всех названных героев в рамках одной статьи представляется проблематичным, поэтому мы остановимся на первых двух, к тому же именно их заметно чаще других называли респонденты в качестве близких по духу и образу мыслей героев. Обратимся к самим читателям произведений «Замуж с осложнениями» и «Одиссей Фокс» за характеристиками

этих персонажей и, соответственно, за оценкой того, что им более всего в них импонирует. Для этого мы используем тексты любителей фантастики, представленные в открытом доступе на таком российском ресурсе, как литературный портал Author.Today (электронная библиотека современной литературы).

Например, о Лизе Гринберг пишут: *«с ней хочется дружить, с ней можно брать пример, её легко уважать, с ней хочется себя ассоциировать»*. О героине так отзываются, потому что она:

- *опытный специалист в сложной профессии...* (здесь и ниже – курсив мой. М. П.) Причём описано это так, что не возникает ассоциаций с девочкой, которой купили диплом и по блату посадили на высокую должность...;
- *способна к дисциплине и самоорганизации*. За весь цикл меня больше всего, наверное, впечатлила способность вышить крестиком портрет полтора на полтора метра за шесть месяцев, при этом успевая уделять внимание мужу, маленькому ребёнку, ребёнку-подростку, плюс полноценная работа в больнице, плюс ведение обучающих курсов, плюс встречи с подругами, плюс ещё много всякого, что не было описано в подробностях;
- *решительная и смелая*. И это не про «безнаказанно хамить крутым парням», как тоже нередко случается в других книгах. Это про умение быстро соображать и разумно действовать в по-настоящему критической ситуации, принимать сложные решения и брать на себя ответственность за других людей;
- *адекватная и способная к диалогу*. Лиза порой совершает чисто эмоциональные поступки, но чаще она всё же успевает подумать, осознать необходимость проговорить проблему и выяснить мнение противоположной стороны, и тогда оказывается, что обижаться было не на что. Более того, она идёт на контакт первой;
- *гибкая и готовая учиться*. Выйти замуж на другую планету, столкнуться с чужой культурой, приспособиться, преодолеть множество барьеров как внутри себя, так и в глазах окружающих, измениться самой и изменить очень многих – она могла бы сбежать от проблем на Землю, но предпочла остаться и справиться со всеми;
- *живая, любящая и искренняя*. И эта любовь не про чувства, вздохи и слёзы, а про то, чтобы сделать человека рядом с собой счастливым – не так, как кажется тебе, а так, как нужно ему...»¹.

Мы не случайно привели часть текста, избегая сокращений, так как в самих пояснениях можно увидеть то, что для современников и читателей является важным и ценным в данном герое, что лично им импонирует и близко, например: профессионализм и полученная специальность, приобретённая в процессе учёбы, труда, а не в результате покупки диплома; умение всё успевать; быть занятой в самых разных сферах (то есть одобряется многообразие источников

¹ Камардина М. Рецензия на роман «Замуж с осложнениями» // Author.Today : онлайн-библиотека. 23.08.2024. URL: <https://author.today/review/539156> (дата обращения: 02.06.2025).

самореализации); умение постоять за себя, но без хамства и конфликтов, а благодаря твёрдости характера и способности договариваться; стремление учиться, быть готовой принять разнообразие мира и, наконец, искренность, открытость к диалогу, нацеленность на благо другого. Похоже, что мы сталкиваемся здесь с тем, что отвечает запросам самих респондентов, и видим круг тех ценностей, которые для них значимы.

Одиссей Фокс – это мужской персонаж с мужским характером, поэтому и характеристики ему дают, как правило, мужчины. Они выделяют в этом герое такие качества, как «отказ усовершенствовать свои тело и мозг» с помощью искусственного интеллекта, умение осваивать просторы космоса на старом «корабле-мусорщике», «успешно раскрывать заковыристые дела, которые ставят в тупик продвинутые и ускоренные «естественные» умы вместе с помогающими им искусственными интеллектами». При этом у Одиссея есть свой оригинальный метод расследования: нарративное мифотворчество и своя тайна, «которая легко может стоить жизни как ему самому, так и всем, кто имел несчастье с ней соприкоснуться». Герой не избегает сложных ситуаций и сам принимает активное участие в событиях, связанных с расследованием, «подвергая себя серьёзной опасности, зачастую балансируя на краю жизни и смерти – но в итоге достигая своей цели и раскрывая очередное дело»¹. Как можно заметить, мужской образ характеризуется балансированием на грани жизни и смерти, тем, что герой готов подвергать себя опасности, испытывать судьбу и особенно открывать правду и бороться со злом. Видимо, именно эти качества близки нашим респондентам. Обращает на себя внимание тот факт, что дополняет этот мужской образ наличие у героя определённой тайны, которая делает его загадочным персонажем.

В итоге, странным образом, сами того не ожидая, респонденты в своих оценках представили нам два наиболее характерных образа мужского и женского героев и их миров, близких и созвучных самим опрошенным. Каждый из них обладает своими уникальными качествами: Лиза Гринберг – способностью к межкультурной коммуникации и тесному взаимодействию (замуж она выходит за представителя другой планеты с характерным именем Азамат), семья при этом становится итогом такого взаимодействия; Одиссей Фокс, напротив, являет собой образ героя-одиночки, который живёт своей работой и разгадывает лишь те загадки, которые ему интересны. Во всём этом мы видим почти зеркальное отображение окружающей нас реальности, когда браки женщины заключают всё чаще с представителями восточных этносов, культура и традиции которых для «землянок» вроде Лизы Гринберг требуют своего изучения, а мужчины, чей образ загадочен и притягателен, остаются в одиночестве, ища реализацию в работе и творчестве. В этом смысле литература считывает то, что лежит на поверхности и что фиксируется статистически лишь отчасти. Не говоря уже о том, что подобные образы являются своеобразной проекцией

¹ Олди Г. Л. Рецензия на роман «Одиссей Фокс» // Author.Today : онлайн-библиотека. 25.08.2021. URL: <https://author.today/review/194574> (дата обращения: 02.06.2025).

того, какие устремления в действительности имеются у женской и мужской аудиторий: женщины по-прежнему стремятся к браку, пусть и не исключая хорошей карьеры и важности профессии, мужчины ищут интересную работу. Подобных героев, особенно Лизу Гринберг, трудно отнести к прогрессорам, тем более в классическом, стругацковском смысле. Они не пытаются никого спасти и не являются частью большой миссии по развитию иной, условно отсталой цивилизации. Скорее, напротив, действуют по обстоятельствам, попадая в том числе в ситуации, когда сами вынуждены адаптироваться, подстраиваться, искать компромисс с представителями новых для них народов и культур. Скорее их можно отнести не к героям-прогрессорам, столь характерным для века XX, а к героям нового поколения, например, гармонизаторам или к идеалистам, ищущим справедливости, как в Одиссее Фокса.

Перейдем теперь к анализу тех героев, которые, по мнению респондентов, нужны современной России: Дон Румата – типичный прогрессор из научно-фантастического романа Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» (1964); Фай Родис – вымышленный женский персонаж из социально-научного романа советского классика-фантаста И. Ефремова «Час быка» (1970), которая делит второе место с Иосифом Сталиным из фантастического боевика в жанре альтернативной истории писателя В. Перемолотова «Звездолёт "Иосиф Сталин". На взлёт!» (2012); Максим Каммерер – персонаж цикла романов, посвящённых миру Полудня братьев Стругацких (начало трилогии – 1969), и, наконец, замыкают пятёрку лидеров Алиса Селезнёва – главная героиня цикла детских фантастических книг Кира Булычёва «Приключения Алисы» и их экранизаций, таких как «Тайна третьей планеты», «Гостья из будущего», «Лиловый шар» и «Алиса знает, что делать!» (начало серии книг – 1965), и Дар Ветер – персонаж социально-философских научно-фантастических романов советского учёного и писателя-фантаста Ивана Ефремова, упоминаемый в «Туманности Андромеды», «Часе быка».

Здесь мы сталкиваемся с по-настоящему парадоксальной ситуацией: все персонажи, указанные в качестве нужных для современной России героев, так или иначе относятся к литературе советского периода или имеют непосредственное отношение к СССР, как, например, Иосиф Сталин. То есть мы обнаруживаем крайне интересный эффект: при необходимости указать героев, с которыми чувствуется близость, респондентами вспоминаются прежде всего современные авторы и их персонажи (хотя без Стругацких не обходится и здесь), а при указании героя, в котором нуждается современная Россия, происходит обращение к авторам и героям книг советского прошлого. Наблюдается такая своеобразная культурная двойственность, при которой быть похожим хочется на современника, а жить в обществе героев из фантастики времён СССР. Возникает вопрос: как такое возможно и с чем это связано? К сожалению, наше исследование не позволяет ответить на данные вопросы мы можем только предположить, что современное российское общество не отвечает по каким-то причинам ценностным идеалам и представлениям о «хорошем» обществе, нынешнее

общество – враждебно и крайне конфликтно, поэтому есть запрос на гуманизм, прогрессорство, устремлённость в будущее.

Выбор названными героями профессий также требует своего перечисления: Дон Румата – агент под прикрытием с планеты Земля в будущем, который выполняет миссию на чужой планете, населённой людьми, чьё общество не продвинулось дальше средневековья; Фай Родис – историк из коммунистического будущего Земли, начальник экспедиции звездолёта «Тёмное пламя» на далёкую планету Торманс; Сталин – непосредственный куратор ракетно-космической программы и сверхсекретного проекта по созданию установок «ЛС» («лучей смерти»), что позволяет СССР выйти в космос на треть века раньше фактической даты; Максим Каммерер в разных циклах пребывает в разных должностях, начиная от члена группы свободного поиска (ГСП) до сотрудника отдела в КОМКОН-2; Алиса Селезнёва – дочь профессора космозоологии Игоря Селезнёва, учащаяся средней школы и путешественница; Дар Ветер – директор станции связи и шахтёр. Перечисленные профессии позволяют сделать вывод, что практически все персонажи так или иначе связаны с исследовательской деятельностью, с освоением других планет и космоса, как с техническим, так и с гуманистическим преобразованием мира. В отличие от героев, названных респондентами в качестве близких им персонажей, основным видом деятельности которых является аналитика – область, близкая к исследовательской работе, герои, в которых нуждается современная Россия, являются членами экспедиций, различных миссий и т. д., то есть персонажами, выполняющими возложенные на них задачи под руководством других людей, не всегда самостоятельно.

Как и в случае с ответами на вопрос о близком для респондентов герое фантастических книг участники опроса и здесь на первое и второе места поставили мужчину и женщину: это Дон Румата братьев Стругацких и Фай Родис Ивана Ефремова. Героя Иосифа Сталина автор статьи намеренно оставил без анализа, так как это требует более детального целевого изучения, и остановимся на уже названных. Лишь подчеркнём, что достаточно символично, что и ефремовский персонаж Фай Родис (идеальная, но не без слабостей женщина), и Сталин были названы в качестве героев, необходимых для современной России.

Как мы уже отметили, Дон Румата – типичный прогрессор, а это означает, что для него остаётся важным эволюционный путь развития, полумеры и сомнения в правильности своих решений. Прибыв на чужую планету, чей уровень цивилизации описывается как средневековый, он играет роль гуляки-аристократа, для которого важны только развлечения, при этом он держится независимо, придворной карьеры не строит, близкой дружбы почти ни с кем не заводит, сознательно создаёт себе репутацию ловеласа и дуэлянта, но на самом деле с женщинами в близкие отношения не вступает и на дуэлях никого не убивает. Его основная работа заключается в спасении от репрессий местных интеллигентов-книжечеев. То есть он борец за научное знание, сохранение и развитие науки.

Фай Родис – во многом уникальная суперженщина (здесь заметна отсылка к сверхчеловеку), обладающая редкими способностями, например: гипнозом (способна на расстоянии обездвиживать людей, снимать боль, стирать память, усыплять, заставлять людей делать что-либо против их воли); даром предвидения; способностью останавливать своё сердце, то есть умирать в безвыходных для себя ситуациях; высоким интеллектом (она – руководитель большой экспедиции на другую, во многом опасную планету). Несмотря на гибель самой Фай Родис и части её команды, книга «Час быка» заканчивается тем, что контакт с землянами помог людям Торманса найти путь к совершенствованию общества. Много лет спустя после экспедиции жителям планеты Земля приходит послание, что на планете Торманс всё же создано «новое общество» и воздвигнут памятник земным звездолётчикам.

При определённом оптимистичном финале в данном произведении-утопии некоторые его читатели усматривают проявление критики И. Ефремовым советского общества и коммунизма в целом, подмечая в отдельных отрывках текста «слабые» и порой совсем не «гуманистические» стороны «идеальной» Фай Родис. Мы не будем останавливаться на этом подробно, так как это не наш предмет изучения, но заметим, что для такого масштаба личности, как Ефремов, вряд ли было бы соразмерно (пусть и иносказательно и прикровенно) писать о болезнях исключительно советского общества. Задача была, как видится, более значительной: увидеть в глубоко продвинутых, цивилизованных обществах их неизбежно возникающие, вслед за убеждённой в своих развитости и совершенстве, изъяны, при которых происходит в том числе и насильственная калибровка местной жизни несовершенных варваров-аборигенов под стандарты Земли, а затем и как можно более быстрое «сливание» нескольких сообществ в «одну семью». Именно в убеждённости своего превосходства и совершенства И. Ефремов видел опасность любого стремительно модернизирующегося и развивающегося общества, в том числе и коммунистического, отсюда то, что и его главная героиня книги Фай Родис, будучи почти идеальной сверхличностью, с множеством уникальных способностей, делает незаметные на первый взгляд ошибки, причём иногда без видимых на то причин. Таким образом, Ефремов поднимает куда более серьёзную проблему, чем несостоятельность знакомого ему советского общества, он в принципе указывает на то, что любая общественная система, убеждённая в своём превосходстве, в итоге сталкивается с такими варварами и недоцивилизациями, которые заставят их усомниться в своей прогрессивности и дрогнуть, изменить себе, а иногда и погибнуть (как в случае Фай Родис). Примечательно, что и Дон Румата из «Трудно быть богом» в действительности переживает те же трансформации: будучи посланником более развитой цивилизации в мир с обычаями средневековья, он невольно вынужден подчиниться среде и потерять изначально понятные ему ориентиры. Так происходит угасание Дона Руматы и трансформация его личности, кризис его прогрессорства. В этом смысле и Ефремов, и братья Стругацкие созвучны друг другу, т. к. оба писали о сложности взаимодействия и отчасти конфликте

двух общественных систем, одна из которых обладает техническим совершенством и знанием, другая – нет. Желание первой подчинить вторую, заставить жить её по своим принципам приводит если ни к краху первой, то к сомнениям в неуязвимости, идеальности системы и значительному поражению. При этом нам представляется, что все описанные нами сложности двух выделенных респондентами героев могли ими не учитываться, когда они их называли в качестве нужных для современной России, и что упоминаемые респондентами Дон Румата и Фай Родис соответствуют главному требованию участников нашего опроса, а именно – желанию изменить мир в лучшую сторону, сделать его чуть более справедливым.

Заключение

Проведённый анализ позволил прийти к некоторым выводам. Во-первых, у современного читателя фантастики в настоящее время запрос на героя-демиурга и сверхчеловека проявился лишь в одном случае, когда речь зашла о герое, необходимом сегодня для России (тогда были упомянуты Фай Родис, Сталин), при этом вряд ли читателям фантастики по-настоящему близок революционный тип действия, меняющий будущее ошеломительно и стремительно, а также дискурс преобразования через насилие и в обход совести. Примечательно, что нашему респонденту всё ещё близок стругацковский и ефремовский «прогрессор», столь характерный для общественно-культурной ситуации постоттепельного периода эпохи СССР с его эволюционным, несколько осторожным желанием менять окружающую среду, которому присущи и сомнения, и ошибки (в том числе личностного плана, когда человек теряет себя, срастается со средой, которую изначально стремился изменить). Во-вторых, в качестве близких героев, тех, на кого хотелось бы быть похожими, опрошенными назывались знакомые герои фантастических книг писателей-современников, обладающие в полной мере чертами современников, которым присущи и определённая лёгкость, и юмор, и вместе с тем желание аналитического поиска. Они не ставят перед собой сложных морально-этических задач, не выполняют миссию по преобразованию вселенной, они скорее просто хорошие, интересные люди, живущие по обстоятельствам. Это иной, нежели прогрессорского типа герой, скорее гармонизатор или идеалист. При этом, выбирая героя, нужного для современной России, респондентами назывались персонажи, слабо связанные с современностью. Все они так или иначе из советского прошлого, для них характерны и поиск справедливости, и настойчивое, граничащее порой с насилием (не всегда физическим) желание сделать несовершенный мир лучше. В результате наш третий вывод связан с тем, что, отождествляя себя с интересными, но не слишком сложными героями, опрошенные нами современники понимают, что для настоящего и будущего развития России нужен совсем иной герой, характеристики личности которого не из настоящего, а из советского прошлого страны.

В заключение отметим, что подобный вывод приобретает особое звучание в контексте недавно проведённого исследования ВЦИОМ (7–22 мая 2025 г.) среди молодёжи (14–18 лет), основным методом которого стал анализ работ Всероссийского конкурса видеоэссе «Мечты о будущем». В результате него, с одной стороны, была получена довольно широкая линейка типов героев идеального общества будущего (новатор или трендсеттер, прогрессор, гармонизатор, идеалист, реформатор), с другой – выявлен тот факт, что и подростков до сих пор вдохновляют произведения Беляева (31%), братьев Стругацких (20%), Ефремова (13%), а самыми цитируемыми работами являются «Человек-амфибия», «Пикник на обочине», «Туманность Андромеды»¹. Всё это указывает на то, что обнаруженный нами запрос на героя из советских фантастических книг подтверждается в том числе данными из опросов подростковой аудитории и свидетельствует, что этот запрос характерен не только для читающих фантастику россиян среднего и более старших возрастов, но и для тех, кто только начинает активно входить в социальную жизнь страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм как философское и социологическое понятие в пространственно-временном измерении // Человек. 2024. Т. 35, № 3. С. 44–62. DOI [10.31857/S0236200724030036](https://doi.org/10.31857/S0236200724030036). EDN [PDLOGB](#).
2. Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм и святость в аспекте православной теологии // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 4. С. 642–658. DOI [10.21638/spbu28.2024.407](https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407). EDN [EBVTIS](#).
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр ; пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с. ISBN 5-8291-0084-3.
4. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб. : Питер, 2019. 480 с. ISBN 978-5-4461-1292-0.
5. Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 6. СПб., 1885. 285 с.
6. Субботина М. В. Амбивалентность героя в контексте изучения социального благополучия, или Поиски героического в новой социально-медийной реальности // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 450–465. DOI [10.17323/1728-192x-2020-3-450-465](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-450-465). EDN [GJLPFP](#).
7. Подлесная М. А., Ильина И. В. Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 53–77. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3). EDN [PFAIWY](#).
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с. ISBN 5-280-00710-2. EDN [VQMUNR](#).
9. Бреева Т. Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир полудня» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 17, № 1 (136). С. 226–235. EDN [TNACCX](#).
10. Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург : Ин-т философии и права УрО РАН, 2002. 168 с. ISBN 5-7691-1319-7. EDN [QZRGTB](#).

¹ Каким представляют будущее российские подростки // ВЦИОМ : сайт. 1 июня 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kakim-predstavljajut-budushchee-rossiiskie-podrostki> (дата обращения: 02.06.2025).

11. Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 213–230.
12. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power // Ed. by S. Jasanoff, S. Kim ; University of Chicago Press, 2015. 354 p. ISBN 978-0-226-27652-6. DOI [10.7208/chicago/9780226276663.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226276663.001.0001).
13. Дженкинс Д. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. 384 с. ISBN 978-5-386-13461-7.

Сведения об авторах

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [3556-0353](#)

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 27.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.7)

HERO OF THE FUTURE OF RUSSIA: THE CHOICE OF CONTEMPORARIES – PROGRESSOR, DEMIURGE OR SUPERMAN?

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
yamap@yandex.ru,
ORCID [0000-0002-2159-4958](#)

For citation: Podlesnaia M. A. Hero of the future of Russia: the choice of contemporaries – Progressor, Demiurg or Superman? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):132–155. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.7).

Abstract. The article presents an analysis of the data of the All-Russian online survey conducted in 2024 among readers and non-readers of science fiction (n=1244). The aim of the study was to identify readers' preferences for science fiction and, as a result, what is in the reader's "visibility zone" today, and what in this sense can guide him in terms of the formation of consciousness. In part, this is an attempt to discern the "sociotechnical imaginary" in the support of which literature participates. This paper considers one of the aspects of the study related to the phenomenon of the hero and heroism. In this sense, science fiction literature, as a fusion of the imaginary and the real, allows us to identify deep, often unconscious, habitual and therefore unspoken meanings. The study is multi-method, using quantitative and qualitative methodologies: a mass online survey and a method of deep immersion in the environment – included observation were used. In the latter case, this is communication with professional science fiction writers, participation in meetings (conventions), correspondence with leading authors of both online science fiction literature and masters from the group of all-Russian famous writers, registration

and active work on fandom sites. The work analyzes in detail the data from several open questions, makes a comparative analysis related to which heroes of science fiction respondents call as close to themselves in spirit and way of thinking, and which heroes they consider necessary for modern Russia. As a result, we come to the following result: close are the heroes described in modern science fiction literature by contemporary writers, with all the ensuing features of character, action, and the heroes necessary for Russia, according to the respondents, are those who are presented in the science fiction of the Soviet past. At the same time, there is a need for a hero-progressor, who is not devoid of ethical principles, but acts and transforms reality carefully, without taking risks, often unable to withstand the onslaught of the “imperfect” environment and involuntarily changing his principles after it.

Keywords: science fiction, hero type, hero-progressor, demiurge, superman, ITR discourse, “sociotechnical imaginary”, convergent culture

REFERENCES

1. Shevchenko O. K., Podlesnaia M. A. Heroism as a philosophical and sociological concept in the spatio-temporal dimension. *Man=Chelovek*. 2024;35(3):44–62. (In Russ.). DOI [10.31857/S0236200724030036](https://doi.org/10.31857/S0236200724030036).
2. Shevchenko O. K., Podlesnaia M. A. Heroism and holiness in the aspect of Orthodox theology. *Questions of Theology=Voprosy' teologii*. 2024;6(4):642–658. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu28.2024.407](https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407).
3. Macintyre A. After virtue: studies in moral theory [Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali]. Translated from English by V. V. Tselishcheva. Moscow: Akademicheskyy Proekt, Yekaterinburg: Delovaya Kniga; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0084-3.
4. Campbell D. The thousand-faced hero. [Tysyachelikij geroj]. St. Petersburg: Piter; 2019. 480 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1292-0.
5. Mikhailovsky N. K. Essays. Vol. 6. [Sochineniya. T. 6]. St. Petersburg: 1885. 285 p. (In Russ.).
6. Subbotina M. V. Hero ambivalence in the context of the study of social wellbeing, or the Search for the heroic in the new social-media reality. *Sociological Review=Sociologicheskoe obozrenie*. 2020;19(3):450–465. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2020-3-450-465](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-450-465).
7. Podlesnaia M. A., Ilina I. V. Heroism through the prism of reflections on the country and its future: assessments by generations. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2023;11(4):53–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3).
8. Bakhtin M. M. The works of Francois Rabelais and the folk culture of the middle ages and the Renaissance [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa]. Moscow: Art Literature; 1990. 543 p. (In Russ.). ISBN 5-280-00710-2.
9. Breeva T. N. Deconstruction of utopian discourse in the Strugatsky brothers' cycle of works “The world at noon”. *Bulletin of the Ural Federal University=Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Series 2. Humanities*. 2015;17(136):226–235. (In Russ.).
10. Fishman L. G. Science Fiction and Civil Society [Fantastika i grazhdanskoe obshchestvo]. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN, 2002. 168 p. (In Russ.). ISBN 5-7691-1319-7.
11. Lipovetsky M. Trajectories of the engineering and technical discourse. *An Inviolable Reserve=Neprikosnovenny Zapas*. 2010;6(74):213–230. (In Russ.).
12. Dreamscapes of modernity: sociotechnical imaginaries and the fabrication of power. Edited by Jasanoff S., Kim S. University of Chicago Press, 2015. 354 p. ISBN 978-0-226-27652-6. DOI [10.7208/chicago/9780226276663.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226276663.001.0001).

13. Jenkins D. Convergent culture. The clash of old and new media [Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie stary'x i novy'x media.]. Moscow: Gruppa Kompanij "RIPOL klassik"; 2019. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-13461-7.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: **R-8140-2019**

Scopus AuthorID: **56528484500**

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 27.07.2025.

УДК 316.35

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8

EDN: QLAHMJ

Научная статья

СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ: К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ

Галина Петровна Бессокирная¹

Галина Галеевна Татарова²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² tatarova-gg@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-8580-1752

Для цитирования: Бессокирная Г. П., Татарова Г. Г. Социальные типы российских работников: к теории и практике изучения // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 156–177. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.8. EDN QLAHMJ.

Аннотация. Статья посвящена актуализации теоретико-методических проблем проведения типологического анализа российских работников. В качестве исходной теоретической предпосылки авторы опираются на функциональный подход в трактовке понятия «социальный тип работника», суть которого в различении двух коннотаций: социальные типы – средства социального познания, известные в социологии труда концептуальные (теоретические) типологии, основа для предварительной типизации (априорной типологии) изучаемой совокупности объектов; социальные типы – цель социального познания, их существование требует эмпирического обоснования. В статье вводится основание для сравнения исследовательских практик типологического анализа, в которых реализуются различные типологические модели. Выделяются ядро и периферия в структуре совокупности практик. Накопленный опыт описывается посредством языковых конструкторов, в числе которых так называемые основные понятия типологического анализа: априорная типология, основание типологии, типобразующие признаки и др. Это те понятия, которые являются «мостиком» для перехода от теоретических построений к эмпирическим конструкциям. Их содержание и логика формирования детерминируют существование разного рода исследовательских практик, позволяя обобщить теоретико-методические проблемы реализации типологических моделей и выделить наиболее перспективные направления развития типологических исследований в сфере труда.

Ключевые слова: социальный тип, типологическое исследование, концептуальная типология, типологический анализ, типологическая структура работников, трудовая мотивация, трудовое поведение, субъективное благополучие на работе, идентификация работника с предприятием, управляемые факторы

© Бессокирная Г. П., 2025

© Татарова Г. Г., 2025

Базовые понятия и предпосылки исследования

Обращение к проблематике *типологических исследований* в сфере социологии труда требует, прежде всего, обращения к ключевым теоретическим понятиям, относящимся к теории типологического анализа в социологической методологии: типологические исследования, социальный тип, концептуальная (теоретическая) типология, типологическая структура, типологический анализ, типобразующий признак. Само понятие «типологические исследования» не является общепринятым, более того, нам неизвестны случаи, которые можно отнести в полной мере (с обоснованиями концептуальной модели, методологии и методов проведения) к такому виду исследований. В реальности наблюдаются два сюжета.

Первый из них относится к *социальной морфологии*. Нет ни одной социологической теории, в которой бы не поднимался вопрос существования теоретических типологий (обществ, стран, общностей, групп и др.). Применительно к социологии труда это означает, что существует множество теоретических (концептуальных) типологий либо *работников* (по социально-профессиональным группам, по типу занятости, по сферам трудовой деятельности и др.), либо разновидностей самих *типобразующих признаков*. К примеру, понятие «типология трудовой мотивации» используется как для обозначения типологических групп со специфическим характером трудовой мотивации, так и структурных элементов трудовой мотивации. Такие элементы – основа для введения показателей, они составляют так называемую *базовую часть типобразующих признаков*.

Второй сюжет связан с отдельными практиками многомерного анализа данных с использованием методов многомерной классификации (кластерного анализа), которые направлены на поиск знаний *о типологической структуре* изучаемой совокупности работников в пространстве типобразующих признаков. Такая структура может и не существовать в силу её размытости.

Что касается понятия «*социальный тип*», то зачастую исследователи дистанцируются от его обсуждения как концепта с высоким уровнем абстрактности и многозначности [1; 2, с. 148–150]. Вместе с тем наблюдаются случаи, когда социальным типом обозначают любую типологическую группировку изучаемых объектов. Вряд ли это оправданно, поскольку в отдельно взятом эмпирическом исследовании мы можем лишь подтвердить существование типологических групп в заданном пространстве типобразующих признаков, т. е. только предположить, что эти группы и есть носители различных социальных типов. Отсюда вытекает и опасность поименования типологических групп.

Прежде чем перейти к трактовке социального типа, которой придерживаются авторы статьи, подчеркнём, что в современных реалиях наряду с другими видами методологических поворотов обосновывается востребованность и «типологического поворота» [3]. Соответствующие обоснования выстраиваются в контексте рассмотрения ряда важных проблем социологической методологии, в числе которых: качественная (не)однородность изучаемых объектов как методологическая проблема, недоиспользование потенциала «концептуальных

типологий», ограниченность «корреляционного мышления», а также «методологические ловушки», возникающие в процессе реализации типологического метода познания и мешающие его развитию.

Понятие «*социальный тип работника*» представляется целесообразным рассматривать на практике, исходя из трёх аспектов. Первый, заглавный, соотносится с *функциональным подходом* к трактовке понятия социальный тип, в основе которого то, что одни социальные типы играют роль *средств социального познания*, а другие выступают в роли *цели социального познания*. Важно подчеркнуть, что в контексте отдельного взятого эмпирического исследования зачастую мы наблюдаем следующую картину. Одна совокупность социальных типов используется в роли оснований для выстраивания концептуальной модели исследования, а существование другой – предполагается обосновать. По сути, ставится и решается задача выявления внутренней (*типологической*) структуры известных науке социальных типов. Тогда последние могут превратиться в социальные группы, каждая из которых устойчивая, реально существующая совокупность людей, имеющих общие социально значимые признаки (пол, возраст, национальность, профессия, доход, образование, власть и др.) и только ей присущие признаки (социальное положение, интересы, ценностные ориентации и др.). Второй аспект связан с тем, что знание о социальных типах, в отличие от социальных групп и социальных общностей, всегда носит относительный характер и зависит от принятой в исследовании *системы целеполагания*. Третий аспект соотносится в целом со стратегией проведения исследования. В случае качественной стратегии исследователя интересует отдельный социальный тип (чужак, бомж, современный работник, новатор и др.). В массовых опросах, как правило, исследователя интересует совокупность социальных типов – *типология как целостное образование*. В сфере наших интересов массовые опросы, поэтому с позиции поиска знаний о социальных типах рассмотрим несколько направлений в методологических ориентациях, приводящих к разным исследовательским ситуациям, возникающим в эмпирических исследованиях.

Первая ситуация связана с тем, что поиск знания о социальных типах сводится к обоснованию существования концептуальной типологии с опорой на опыт предыдущих исследований. Поиск знания тогда заключается: в углублённом и доказательном описании социального портрета типов; в конструировании типобразующих признаков; в сравнительном анализе разных социально-профессиональных групп работников по заданной *типологической структуре*. В этом случае понятия «социальный тип» и «социальная группа» могут использоваться как синонимы.

Вторая ситуация связана с проверкой гипотезы о том, существуют или не существуют социальные типы в заданном исследователем смысле. Под «заданным смыслом» чаще всего имеется в виду диагностика: на какой-то математической модели, на степени отклонения от «идеальных типов» или «маргинальных типов». Тогда выбор алгоритма кластерного анализа, последовательное применение разных алгоритмов, проблемы обоснования устойчивости

кластерных решений, формирование классификационных переменных – это фрагменты теоретико-методических проблем *диагностики на модели*. Здесь важно подчеркнуть, что анализируемые совокупности объектов (работников – в нашем случае), в свою очередь, могут трактоваться также как социальные типы, выделенные по заданному исследователем основанию.

Третья ситуация аналогична второй в той части, которая относится к тому, что анализируемые совокупности объектов также трактуются как социальные типы, выделенные по заданному исследователем основанию, но диагностика осуществляется без модели. В этой ситуации выявляются так называемые *типологические синдромы* как основания для формулирования гипотезы *существования социальных типов*.

Во второй и третьей ситуациях *социальный тип* – это исследовательская конструкция для обозначения латентно существующей, социально значимой группы объектов, обладающих схожими социально значимыми характеристиками. В отличие от «социальной группы» социальный тип здесь латентен по своей сути и ему присуща идеальная форма (идеальный тип).

Относительность знаний о типах в любых контекстах (и как конструирование типобразующих признаков в теоретических (концептуальных) типологиях, и как поиск типологических синдромов, и как проверка гипотезы существования социальных типов в заданном исследователем смысле) – очевидна. Как и то, что социолог «работает» с тремя возможными коннотациями понятия «*социальный тип*»:

- тип как что-то типовое (модальное, распространённое);
- тип как типологическое (объединяющее однотипные объекты);
- тип как типическое (специфическое, редкое, особенное).

Понятие *социального типа* трудноуловимое во всём многообразии. Это понятие-ловушка для исследователя. В этой связи неслучайно наблюдается (судя по публикациям) дистанцирование от него и использование понятий меньшего объёма. Вместе с тем это одно из ключевых понятий в языке социологии, его можно (и нужно) отнести к тем мысленным конструкциям, которые сопровождают процесс эмпирического познания на всех его этапах, включая концептуальную модель исследования и интерпретацию эмпирических закономерностей. К такого рода понятиям относятся также *тип* и *типология*. На эмпирическом уровне они относятся к тем теоретическим высоко уровня абстракциям, которые «*опасно*» подвергать эмпирической интерпретации.

Одним из понятий меньшего объёма для обозначения исследовательских практик многомерного анализа данных, в которых представлены различные технологии поиска знаний о латентно существующих социальных типах работников, является «*типологический анализ*». На процедурном уровне речь идёт о всевозможных классификациях, разбиениях, сегментациях изучаемой(ых) совокупности(тей) работников по заданным исследователем *основаниям* трудовой деятельности и с целью выявления их типологической структуры. Типологический анализ – это своего рода исследовательская стратегия многомерного анализа

данных, в нашей трактовке – метаметодика анализа данных со специфической языковой и логической структурами [4, с. 79–87; 2, с. 36]. Это методологический инструмент, позволяющий выявить латентно существующие, социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов по характеристикам, природа которых различна. Группы интерпретируются как носители различных социальных типов.

Существующие исследовательские практики типологического анализа в сфере труда позволяют обозначить основные теоретико-методические проблемы его использования, актуализируя постановку вопросов о состоянии и дальнейшем развитии типологических исследований. В статье будут даны ответы лишь на некоторые вопросы такого рода, рассмотрена специфика проводимых исследований российских работников с использованием типологического анализа.

Существует ли запрос на методическую рефлексия о типологических исследованиях в сфере труда?

Запрос на методическую рефлексия в области типологических исследований в сфере труда детерминирован целым рядом причин. Уже в классическом исследовании «Человек и его работа» вёлся поиск устойчивого сочетания отдельных характеристик отношения к труду по объективным данным. При этом подчёркивалось, что объединение характеристик в некоторые устойчивые сочетания не просто механическая манипуляция данными, оно имеет объективное основание [5, с. 92]. Почти полвека тому назад уже имелся опыт построения типологии рабочих на основе совмещения объективных и субъективных показателей их трудовой активности [6]. Практики типологического анализа в сфере труда, которые использовались в советский период, безусловно, могут быть интересны для ретроспективного анализа, но он не входит в задачи нашего исследования. Нас интересуют практики, которые использовались и используются в постсоветской России.

В современных реалиях запрос на методическую рефлексия и необходимость постановки теоретико-методических вопросов типологического анализа именно в сфере труда предопределены, с одной стороны, востребованностью типологического поворота в социологической методологии [3], с другой стороны – существующим комплексом исследовательских проблем в двух пересекающихся отраслях социологического знания: социологии труда и социологии профессий. В частности, в материалах двух круглых столов [7; 8] отражены потребности и в многомерном анализе, и в изучении типологической структуры работников по разным основаниям, и в постановке и решении диагностических задач. Такого рода потребности вытекают также из результатов анализа статей по социологии труда, опубликованных в журнале СоцИс за 50 лет его существования (1974–2023 гг.) [9]. Выявлено, что из 351 статьи только в 21 статье содержатся (в названии или в ключевых словах, а с 2008 года и в аннотациях) понятия с корнем «тип». Это преимущественно публикации с результатами

исследований трудовой мотивации, отношения к труду и трудового поведения, т. е. тех направлений в социологии труда, которые оказались относительно стабильными по числу обращений к ним в журнале в разные периоды развития российского общества и могут по праву рассматриваться как образующее ядро отечественных исследований в этой области социологии. В последние годы такие статьи стали появляться и среди публикаций по результатам исследований занятости, т. е. по направлению исследований в социологии труда, численность публикаций по которому в журнале росла.

Особую роль в формировании методического запроса играет актуализация проблем изучения субъективного благополучия на работе [10]. В поисковых исследованиях авторов статьи [11; 12; 13 и др.] на примере данных опросов рабочих промышленных предприятий был выявлен комплекс теоретико-методических проблем проведения типологического анализа наёмных работников, обоснованы пути их решения и приведены результаты апробации методических решений.

С этим направлением соотносится и необходимость изучения возможностей типологического анализа в сфере труда для развития жанра социологической диагностики [2, с. 156–222; 14; 15] и, соответственно, использования результатов такого вида анализа в управлении трудовыми отношениями. Поэтому особого внимания требуют те исследовательские практики, в которых присутствует идея улучшения социологического сопровождения процессов принятия решений в области управления трудовыми отношениями в современных организациях.

О критериях сравнения исследовательских практик. Возможны различные критерии сравнения существующих в постсоветской России исследовательских практик проведения типологического анализа в сфере труда. Предмет нашего исследования – архитектура используемых *типологических моделей*, которая вырисовывается, как минимум, в процессе поиска ответов на вопросы: *Какова цель проведения типологического анализа? Как формулируется основание типологии? Какова структура типобразующих признаков? Какова совокупность первичных для анализа переменных? Какая совокупность работников подвергается анализу? По каким показателям проводится предварительная типизация (априорная типология)? Как формируются классификационные признаки (это те переменные, которые подаются на вход алгоритма классификации)? Какой алгоритм классификации используется для разбиения работников на типологические группы? Участвуют ли при интерпретации типологических групп внешние показатели в качестве детерминантов, объясняющих существование таких групп?*

В поиске ответов на эти вопросы возникает несколько трудностей. В соответствующих научных публикациях не всегда удаётся найти ответы на все вопросы. Используемые типологические модели имеют разную степень сложности, при их описании авторы используют разную терминологию, различную логику изложения. Кроме этого, существует угроза перегрузить читателя слишком подробным описанием. Поэтому при анализе исследовательских практик будем придерживаться двух принципов. Первый связан с использованием для описания практик *языковых конструкторов* понятийного аппарата,

предложенного Г. Г. Татаровой [4, с. 79–87; 2, с. 31–142]. Содержательный смысл этих понятий частично был пояснён или будет проясняться в процессе изложения текста. Второй принцип – в предложенных кратких презентациях практик будет сделан упор на *основание типологии* и *типобразующие признаки*.

Структуру всей совокупности анализируемых исследовательских практик образно можно представить в виде *ядра и периферии*. К ядру отнесём практики типологического анализа, в которых изучаемым феноменом является *трудовая мотивация*, а её характер выступает в качестве *основания типологии* (под этим понятием понимаем суждение о близости, похожести работников по так называемой базовой части типобразующих признаков). В ядро попадают практики разные – и по степени распространённости, и по специфике типологической модели. Периферия вокруг этого ядра носит слабоструктурированный характер, в большинстве своём состоит из одиночных практик, в рамках которых используются оригинальные типологические модели.

Типологические модели в ядре исследовательских практик. Многообразие типологических моделей в ядре обусловлено тем, что *трудовая мотивация* понимается как зонтичное понятие для обозначения процесса, зависящего от системы потребностей, установок, ценностей, жизненных целей и который активизирует (побуждает, направляет) трудовую деятельность. Соответственно, наблюдаются многозначные как концептуальные представления, так и эмпирические интерпретации.

В начале 2010-х гг. М. А. Виноградовой и О. В. Юровой был предпринят анализ типологий трудовой мотивации [16]. По сути, под типологией трудовой мотивации авторы понимали *структурные элементы* трудовой мотивации, которые могут выступать в роли типобразующих признаков в нашей терминологии.

Обратимся к двум основным типологическим моделям (судя по числу ссылок на них в научных публикациях, они имеют бóльшую известность), в основе которых различные представления о структуре трудовой мотивации.

Одна из них – типологическая модель С. А. Наумовой – опирается на четырёхкомпонентную структуру трудовой мотивации [17]. Соответственно, вводится четыре типобразующих признака: *самоценность труда как процесса*, *самоценность труда как результата*, *побуждение к материальному вознаграждению*, *побуждение к духовному вознаграждению*. Им ставится в соответствие четыре переменные, принимающие два значения (0 или 1). Теоретически возможны 16 комбинаций (два в степени четыре), соответственно, это позволило ввести априори заданную концептуальную типологию работников по характеру мотивации труда и присвоить имена каждой комбинации из нулей и единиц. Выделено 16 типологических групп работников: *гармоничные, мастеровые, энтузиасты, творцы, прагматики, гедонисты, деловые, ударники, снобы, романтики, работяги, игроки, потребители, шабашники, сибариты, роботы*.

Модель была апробирована автором на сравнительном анализе типологических структур трёх профессиональных групп (рабочие, специалисты, руководители (без дирекции)) одного из промышленных предприятий г. Томска.

Каждый респондент был отнесён к вполне определённой группе. Эта модель использовалась для типологического анализа промышленных рабочих [18; 19]. Относительная простота модели, с одной стороны, позволяет сравнить типологические структуры разных профессиональных групп, но, с другой стороны, не позволяет оценить степень выраженности отдельных мотивов и их многообразие.

Другая модель, получившая особую популярность – это типологическая модель трудовой мотивации В. И. Герчикова [20; 21; 22, с. 247–259]. Её отличает чётко обозначенная система целеполагания в предположении, что для каждой типологической группы существует своя собственная система стимулирования трудового поведения. Автор обосновывает существование в идеале пяти типологических групп работников, их трудовая мотивация обозначается как *инструментальная, профессиональная, патриотическая, хозяйская, избегательная (люмпенизированная)*. Среди них первые четыре соотносятся с мотивацией достижения, а последняя с мотивацией избегания. По сути, речь идёт о концептуальной типологии, выделенной исходя из накопленного опыта (феноменологического), опираясь на возможные виды трудового поведения (активное – пассивное). Это не реально существующие типы, а своего рода идеальные, близость к которым на практике необходимо определять.

Для измерения мотивационной структуры работника используется тест «*Мотайп*», современная версия которого появилась в 1999 году. Последняя авторская редакция теста включает в себя два варианта: для работающего персонала (23 вопроса), для подбора персонала (19 вопросов). Оба теста включают в себя блоки вопросов, которые посвящены таким темам, как ценности работы, функции руководителя, заработок и доходы, а также оценку других элементов работы и отношений в организации. Тесты измеряют интегральные индексы, отражающие степень выраженности каждого из пяти разновидностей мотивации по шкале от 0 до 1.

На основе типологической модели мотивации В. И. Герчикова проводится немало исследований по выявлению социальных и организационных факторов, влияющих на формирование мотивации работников. Особый интерес представляет анализ мотивационной структуры 1 600 работников, который показал, что степень выраженности мотивационных типов зависит от категории персонала [23]. Было установлено, что внутренне однородную структуру мотивации имеют четыре категории: рабочие, специалисты, линейные менеджеры и коммерческий персонал, топ-менеджеры [23, с. 40]. В целом анализ позволил сделать вывод, что «Мотивационная структура различных групп персонала имеет столь значимые различия, что анализ мотивации российских работников вообще, без учёта должностной позиции в организации, становится бессмысленным. Любой анализ факторов формирования мотивации можно осуществлять только внутри отдельных категорий персонала» [23, с. 47].

Разработки В. И. Герчикова включают и рекомендации по применению типологической модели для стимулирования работников [21]. С позиции развития теории типологизации работников важны результаты исследования

А. В. Реброва (ученика В. И. Герчикова) о том, что «...среди членов любой профессиональной группы или персонала какого-то подразделения значимо представлены не один, а два-три типа трудовой мотивации¹, нужно использовать комбинированные системы стимулирования, стараясь не задействовать запрещённые» [22, с. 255]. Весьма полезными являются и предложенные им же рекомендации по формированию структуры мотивации работников [22, с. 295–301], поскольку, как отмечает и сам автор, подбор и расстановка персонала не всегда возможны в условиях дефицита кадров.

К ядру исследовательских практик мы относим ещё две. Одна из них направлена на упрощение структуры трудовой мотивации, а другая – к её усложнению. В основе первой – целевая установка на то, что типологию работников необходимо рассматривать как инструмент управления трудовым поведением. На материалах мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области А. В. Попов проводит типологический анализ по данным опроса трудоспособного населения (2012 г., N = 1327) в два этапа [25]. На первом выявлена трёхкомпонентная факторная структура (*мотивы развития, мотивы стабильности, мотивы обогащения*) 10 переменных (мотивы труда), первоначально сформированная в соответствии с иерархией потребностей А. Маслоу; на втором этапе иерархический кластерный анализ позволил выделить типологические группы, обозначенные как *материалисты, новаторы, адаптированные потребители*. В публикации приведены их основные социально-демографические и социально-экономические характеристики. Предложена дифференцированная система мероприятий по повышению эффективности труда каждого из трёх выделенных типов работников.

В усложнённой модели, «реактивной модели» трудовой мотивации (по терминологии авторов статьи «Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия» [26], трудовая деятельность рассматривается как динамично развивающаяся система, элементами которой являются ценностно-ориентационная структура (представления о желательном в сфере труда) и конкретные трудовые практики (системы поступков) в существующей социально-экономической ситуации. Тем самым в центре внимания находится взаимосвязь ценностно-мотивационной основы трудовой деятельности и практико-деятельностных структур в определённых социально-экономических условиях. В основе модели типобразующие признаки разной природы, разные основания типологии. Базовыми из них являются 12 трудовых ценностей. Анализ выстраивается на данных формализованного интервью (2016 г., N = 1423) с сотрудниками российских организаций частной формы собственности и с использованием разного класса методов многомерного анализа.

¹ В частности, из этого следует неправомерность присваивания работникам по доминирующему типу мотивации наименования: «инструментал», «профессионал», «патриот», «хозяин», «люмпен» [24, с. 166].

Результаты исследования показывают сложное сочетание «внутренних» (индивидуальных трудовых ценностей) и «внешних» (трудовых практик на рабочем месте) факторов формирования *реальной трудовой мотивации*. Перспективным направлением дальнейших исследований, по мнению авторов, является использование лонгитюдного дизайна, что позволит наблюдать изменение трудовой мотивации в динамике и делать более уверенные выводы каузального характера о взаимодействии индивидуально-личностных, организационно-управленческих и институционально-культурных факторов формирования трудового поведения [26, с. 128].

Практики типологического анализа, отнесённые к ядру (основание типологии – трудовая мотивация), иллюстрируют, что заглавными методологическими проблемами являются:

- формирование системы типобразующих признаков (это теоретические концепты), которые могут иметь разную природу и среди которых часть – базовые – описывают основание типологии;
- необходимость предварительной типизации работников (априорная типология);
- важность системы целеполагания;
- соизмеримость типобразующих признаков и эмпирических индикаторов;
- технологии проведения типологического анализа носят многоэтапный характер.

Заметим, что в соответствующих публикациях эти проблемы не ставятся, в них доминирует содержательная специфика трудовой деятельности работников в терминах *трудовая мотивация, трудовое поведение, трудовые ценности*. Все выявленные проблемы в равной мере соотносятся с большей частью исследовательских практик, отнесённых к периферии.

Типологические модели вне ядра исследовательских практик. Практики, отнесённые к периферии ядра, можно трактовать как такие, которые со временем могут перерасти в особые направления типологического анализа в сфере труда. Все они в той или иной мере соотносятся с изучением трудовой мотивации, но наблюдается определённое дистанцирование от понятия «*трудовая мотивация*», поскольку реалии трудовых отношений постоянно изменяются, глубина анализа *качественной однородности* как методологической проблемы увеличивается. Отсюда возникает потребность в усложнении *основания типологии*, превращая типологический анализ в многоэтапную процедуру, но всё же в которой доминирует вполне определённое суждение о схожести работников. Переходим к рассмотрению таких оснований, при этом описание практик представляем в более сжатом виде, чем практики ядра.

Основание типологии – стратегия трудового поведения. Такое основание использовано в исследовании, посвящённом изучению образа «*современный работник*», в ходе которого было выделено пять типологических групп, в которых доминируют различные трудовые стратегии работающего населения: *инновативная стратегия, стратегия повышения заработка, стратегия увеличения*

количества труда, стратегия корпоративной солидарности, стратегия внепроизводственной активности [27]. Исследование было проведено на базе данных, полученных в результате реализации проекта «Инновационный слой "Люди-XXI: структура и потенциал социального развития", выполненного Фондом Общественное мнение в 2009 году, а также на материалах общероссийского репрезентативного опроса населения, проведённого Фондом «Общественное мнение» (2009 г., N = 2000). Процедура типологического анализа (по терминологии авторов – структурно-логическая типизация) реализована посредством трёх методов многомерного анализа данных, основная цель – построение «индекса инновативности» (оценка установки работников на освоение инноваций) [28].

Стратегия трудового поведения в качестве основания типологии использует В. Ю. Бочаровым [29]. Эмпирическую базу исследования составили результаты массового опроса рабочей молодёжи (15–29 лет) Уральского Федерального округа (2018 г., N = 1534). Типообразующие признаки формируются на основе двух групп факторов, влияющих на восприятие баланса работы и личной жизни среди рабочей молодёжи: факторы удовлетворённости работой и факторы достаточности/дефицита свободного времени. Кластерный анализ позволил выделить три типологические группы среди рабочей молодёжи: «зарабатывающие», «выживающие», «адаптированные». Каждому из выделенных социальных типов с большой долей вероятности присуща своя модель трудового поведения и стратегия её реализации. В отличие от многих других публикаций, в которых используются методы факторного и кластерного анализа, в рассматриваемой статье подробно прописаны методические особенности процедур многомерного анализа.

Эти результаты были использованы в процессе построения концептуальной модели исследования «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса в современной России», проведённого в 2018–2022 гг. [14]. Модель опирается на социологию жизни Ж. Т. Тощенко, на теорию темпоральных особенностей формирования и реализации жизненных стратегий молодых рабочих, на существующие типологические группы среди рабочей молодёжи по стратегиям трудового поведения (на основании восприятия ею баланса (конфликта) между работой и личной жизнью).

Основание типологии – стратегия адаптации к изменениям на работе. Это основание использовалось в процессе изучения динамики изменения отношения работников к преобразованиям, меняющим потенциал развития предприятия в нулевые годы и в начале 2010-х гг. [30]. На примере анализа данных опроса на двух предприятиях, на одном предприятии опросы проводились двумя волнами с интервалом в три года – в 2002 и 2005 гг., объём выборки 410 и 385 человек соответственно; на другом – в 2011 году, объём выборки 332 человека. Эти предприятия: относятся к одной отрасли; с большими потерями перенесли удар кризиса 1990-х гг., но оставались лидерами в своих сегментах рынка; относятся к одному технологическому уровню и находятся на одной стадии развития; равны по численности работников и относятся к средним

по размеру. Общее в ключевых характеристиках двух предприятий позволили три исследования трактовать как три состояния типологической структуры работников: 2002 год – начало финансового оздоровления; 2005 год – завершение финансового оздоровления; 2011 год – начало трансформации (развёртывания технологического обновления). В ходе исследования обнаружено, что типология работников изменяется при переходе предприятий от стратегии *выживания* к стратегии *развития*.

На этапе выживания промышленного предприятия (это процесс адаптации к происходящему) были выделены четыре типологические группы – *комфортные, адаптированные, неадаптированные, дискомфортные*. На этапе трансформации или технологического обновления промышленного предприятия были выделены другие типологические группы – *лояльные, ориентированные на кардинальные преобразования, ориентированные на постепенные преобразования, нелояльные*.

Для проведения типологии работников в исследовании был реализован алгоритм «кластерный анализ на факторах». В первом случае (объединённые данные 2002 и 2005 гг.) факторный анализ 35 переменных позволил выделить два фактора (экономический и социальный). По данным опроса 2011 года, факторный анализ 46 первичных переменных позволил выделить четыре фактора успеха предприятия: качество управления, экономические условия, социальное самочувствие и отношения в коллективе. Проведённый анализ показал, что решающим фактором успеха предприятия становится качество управления. Был сделан вывод о том, что новая стратегия развития должна воплотить то, что люди ценят и в чём они нуждаются, сделав их соратниками в проведении преобразований [30, с. 36].

Основание типологии – субъективное благополучие на работе. Идея введения этого основания принадлежит авторам данной статьи. Феномен субъективного благополучия в сфере труда может рассматриваться с использованием понятий, существенно отличающихся по содержательному наполнению. Среди наиболее часто используемых понятий в иностранных публикациях: качество трудовой жизни (*quality of work life*), субъективное благополучие, связанное с работой (*work-related subjective well-being*), благополучие на рабочем месте (*workplace well-being*), субъективное благополучие в организации (*subjective well-being in organization*). В отечественных публикациях наиболее часто употребляются понятия: качество трудовой жизни, социальное самочувствие в организации, социальное самочувствие работников. При проведении эмпирических исследований возникает необходимость в понятиях «меньшего объёма», с менее переусложнёнными коннотациями, процесс операционализации которых не столь многовариантен. К таковым можно отнести «субъективное благополучие на работе», которое мы трактуем как собирательное понятие для фиксирования *отношения к работе, отражающего как социальные представления о «благополучной» производственной ситуации, так и оценки разнообразных её аспектов в ситуации «здесь и сейчас»*. К этому выводу привели результаты наших многолетних поисковых исследований методического характера. Эта

дефиниция претендует на вполне определённое положение на понятийном поле изучения субъективного благополучия в сфере труда и не противоречит мировой практике. Более того, является результатом развития существующих практик изучения субъективного благополучия в сфере труда [10].

Предложенная нами типологическая модель субъективного благополучия на работе опирается на взаимосвязь характера идентификации с предприятием (организацией) и степени сбалансированности оценок элементов производственной ситуации с притязаниями работников [13; 2, с. 156–222].

Апробация предложенной типологической модели, опираясь на анализ первичных данных опросов рабочих промышленных предприятий, проведённых в разные годы на предприятиях, расположенных в пяти российских регионах, дала возможность сформулировать систему утверждений, которые можно обозначить как «*аксиоматические*» [10].

1. Базовая цель социологического измерения субъективного благополучия на работе – это поиск управляемых факторов, связанных с сохранением и развитием человеческого потенциала предприятия (организации).
2. Для измерения субъективного благополучия на работе имеет смысл использовать только те показатели, на которые предположительно можно воздействовать на предприятии (в организации).
3. Необходимо различие общих для всех наёмных работников показателей и специфических для той или иной социально-профессиональной группы. Система таких показателей должна быть достаточно полной, чтобы отражать основные стороны и характеристики работы.
4. Поиск управляемых факторов целесообразно вести, используя степень сбалансированности между оценками основных характеристик работы и притязаниями работников к работе в ситуации «*здесь и сейчас*».

Существенный интерес представляет ещё один подход, который можно условно отнести к исследовательским практикам, где в *основании типологии* – субъективное благополучие на работе. Речь идёт о пилотажном исследовании (N = 86), в котором само понятие не используется, но подход к анализу трудовой мотивации работников, представленный в работе «Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации» [31] соотносится именно с субъективным благополучием. В результате исследования был сделан вывод о существовании трёх составных элементов трудовой мотивации работников: мотивация профессиональной реализации, материальная мотивация, социально ориентированная мотивация. В ходе кластерного анализа было выделено две типологические группы работников в зависимости от типа доминирующих мотивов: материально ориентированные на профессиональную самореализацию – «*прагматики*» – и ожидающие в процессе своей работы одобрения и поддержки от начальства и своих коллег – «*конформисты*». Нашла подтверждение в исследовании гипотеза о влиянии уровня автоматизации производственного участка на тип доминирующей мотивации работника. Разумеется, выводы, полученные на небольшой выборке,

нуждаются в дополнительной проверке. Важно то, что авторы рассматриваемого исследования стремятся к глубокому изучению субъективного благополучия на работе сложной для опросов профессиональной группы.

Основание типологии – характер занятости. На наш взгляд, это основание будет претендовать в будущем на роль самостоятельного ядра в совокупности исследовательских практик типологического анализа в сфере труда, учитывая возрастающий интерес социологов к жизненному миру работников [32]. К этой группе относим практики типологического анализа, каждая из которых ставит и решает вполне определённую проблему изучения неустойчивости характера занятости. С позиции обозначения векторов развития теории типологического анализа работников в сфере труда считаем целесообразным выделить следующие четыре исследования.

1. Особый интерес представляет исследование, посвящённое изучению внутренней дифференциации самозанятых профессионалов (фрилансеров) по самым разным иерархически организованным основаниям типологии [33]. Его можно отнести к разряду типологических исследований, технология которого имеет сложную архитектуру, целевая установка – диагностика типологической структуры как условия принятия управленческих решений. Его авторы, опираясь на данные «Переписи фрилансеров» – масштабного мониторингового онлайн-исследования, проводимого совместно НИУ ВШЭ с интернет-порталом FL.ru (ранее – Free-lance.ru), обосновали существование трёх основных типологических групп среди фрилансеров, для которых самозанятость: 1) стратегия адаптации; 2) путь к предпринимательской деятельности; 3) стиль жизни «свободного агента». С помощью конструирования *трудовых траекторий*, основанных на текущем и планируемом трудовом статусе, им удалось разграничить устойчивые и переходные типы самозанятых, выделить разные ситуации множественной занятости, помимо «чистого» типа, когда самозанятость является основным занятием и источником дохода.

2. Исследование, посвящённое сравнительному анализу трёх типологических групп среди российских работников по характеру неустойчивости их занятости и выделенных в ходе анализа эмпирических данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2016 год: формально наёмных, неформально наёмных и самозанятых [34]. Сравнение проведено по двум основаниям. Во-первых, описаны отличия между группами по уровню зарплаты, субъективному благополучию, самооценкам социального статуса, социальному оптимизму и др. Во-вторых – по специфике внутренней дифференциации («устойчивые довольные», «устойчивые недовольные», «неустойчивые довольные», «неустойчивые недовольные»).

3. Исследование, проведённое на основе обобщения результатов научной дискуссии по проблеме прекариата и вторичной концептуализации объединённого массива данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1994–2020 гг. [35]. В нём приведены результаты сравнительного анализа прекарных работников и *типичных работников*

по социально-демографическим и деятельностным характеристикам. Анализ типологических групп, выделенных с помощью двух классификационных признаков (уровень неустойчивости занятости и желание сменить место работы), показал, что они отличаются по ряду социальных показателей (субъективному благополучию, оценкам собственного статуса, социальному оптимизму и др.). Предложенный автором этого исследования подход позволил ему описать дифференциацию формальных наёмных, неформальных наёмных и самозанятых работников по характеру неустойчивости их занятости. Результаты в целом подтверждают необходимость более глубокого изучения *качественной неоднородности* различных категорий работников.

4. Исследование, посвящённое разработке технологии проведения типологического анализа в тех ситуациях, когда: существует возможность сформировать интегральные индексы для измерения показателей неустойчивости занятости на основе её признаков как «объективного», так и «субъективного» характера; наблюдается размытость структуры расположения объектов в пространстве классификационных признаков и, соответственно, появляется потребность в оценке степени такой размытости; возникает необходимость обращения к методам нечётких классификаций [36]. Предложенная технология апробирована в процессе вторичной концептуализации данных исследования, проведённого под руководством Ж. Т. Тощенко (2022 г., N = 1200).

Заключение

Теоретико-методическая часть проблематики, связанной с постановкой и решением задач изучения типологической структуры российских работников, требует развития в различных направлениях с учётом плюсов и минусов современных практик. В качестве *несомненного позитива* наблюдаются: разнообразие типологических моделей; стремление к сравнению типологических структур как целостностей; интерпретация типологических групп работников как носителей социальных типов и объектов воздействия и управления; формирование типобразующих признаков по результатам факторизации исходных для анализа переменных; постановка задачи поиска управляемых факторов. В качестве *негатива*: недостаточность рефлексии по поводу адекватности типологических моделей; перенесение выводов, полученных на малых по объёму и неоднородных по составу выборках на всех работников; зачастую практические рекомендации по использованию результатов типологического анализа в управлении трудовыми отношениями даются без учёта внутренней дифференциации классифицируемой совокупности.

В процессе углубления методологической рефлексии о социальных типах работников особую значимость приобретают следующие аспекты.

Во-первых, поскольку актуальными представляются вопросы использования результатов типологического анализа в управлении трудовыми отношениями, то возникает потребность в *конвенциональных соглашениях* между

исследователями труда именно с позиции языковой и логической структуры типологического анализа, применяемого в жанре социологической диагностики.

Во-вторых, принципиальное значение имеет выбор цели проведения типологического анализа. Различаются две целевые установки: проведение мониторинга трудовых отношений для принятия управленческих решений и методические исследования для апробации различных типологических моделей диагностики ситуации в сфере труда. Выбор цели влияет, прежде всего, на эмпирическую интерпретацию *основания типологии* работников, включая трудовую мотивацию, стратегии трудового поведения, субъективное благополучие на работе, тип занятости и др.

В-третьих, неразличение понятий «социальные типы» и «типологические группы», «типологизация» и «классификация», «отношение к труду» и «отношение к работе *здесь и сейчас*», «типология трудовой мотивации» и «типология работников по трудовой мотивации» таит методологическую ловушку, приводящую, в частности, к невозможности использования результатов типологического анализа в процессе принятия управленческих решений.

В-четвёртых, поименование типологических групп, идущее как от тестовой традиции измерения характеристик личности, так и от конструирования социальных типов в повседневной жизнедеятельности, на поле социологических исследований должно осуществляться с особой осторожностью.

В-пятых, типологический анализ может выступать в роли не только основного диагностического средства в процессе проведения эмпирических исследований в сфере труда, но и вспомогательного, в частности – для построения интегральных социологических индексов.

В-шестых, несмотря на то, что все рассмотренные типологические модели могут претендовать на развитие, наиболее перспективными являются модели социологического измерения «*субъективного благополучия на работе*», которое опирается на многоэтапную процедуру поиска знаний о социальных типах работников как объектов управления. Разумеется, предложенная нами разновидность этой модели не является единственно возможной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Almog O.* The problem of social type: A review // Electronic Journal of Sociology. 1998. Vol. 3, № 4. P. 1–34. URL: <https://sociology.org/the-problem-of-social-type/> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура : [монография] / Г. Г. Татарова, Н. С. Бабич [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с. ISBN 978-5-89697-408-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023). EDN [LSRSFV](https://elibrary.ru/LSRSFV).
3. *Татарова Г. Г., Кученкова А. В.* Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 28–40. DOI [10.31857/S013216250019758-6](https://doi.org/10.31857/S013216250019758-6). EDN [BTXERQ](https://elibrary.ru/BTXERQ).
4. *Татарова Г. Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М. : Высшее Образование и Наука, 2007. 236 с. ISBN 5-94084-047-7. EDN [QOGTDB](https://elibrary.ru/QOGTDB).

5. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после : учеб. пособие для вузов ; 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2003. 485 с. ISBN 5-7567-0286-5. EDN **TEPMMH**.
6. Смирнов В. А., Бойков В. Э. Опыт построения типологии рабочих на основе совмещения объективных и субъективных показателей их трудовой активности // Социологические исследования. 1977. № 1. С. 31–39.
7. Труд в меняющемся мире: трансформации в трудовой сфере труда и фокус новых исследований (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 3–26. DOI [10.31857/S0132162524050019](https://doi.org/10.31857/S0132162524050019). EDN **HMKARF**.
8. Социология профессий – состояние и перспективы (круглый стол) / И. П. Попова, Р. Н. Абрамов, В. А. Мансуров [и др.] // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 3–21. DOI [10.31857/S0132162524080019](https://doi.org/10.31857/S0132162524080019). EDN **ORAXMP**.
9. Темницкий А. Л., Бессокирная Г. П. Изменения в проблемно-предметном поле социологии труда в контексте вызовов времени (по публикациям в СоцИсе за 50 лет) // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 48–60. DOI [10.31857/S0132162524070062](https://doi.org/10.31857/S0132162524070062). EDN **BOWUTB**.
10. Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П., Кученкова А. В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI [10.31857/S013216250015546-3](https://doi.org/10.31857/S013216250015546-3). EDN **PGPVMV**.
11. Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // Социологические исследования. 2011. № 7 (327). С. 3–14. EDN **NXSDMF**.
12. Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. О формировании базовых типобразующих признаков для выявления социальных типов работников как объектов управления // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (05). С. 32–50. EDN **SHRAYN**.
13. Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Идентификация рабочих с предприятием в диагностике производственной ситуации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 43–56. DOI [10.31857/S013216250004585-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004585-6). EDN **PODYPP**.
14. Бочаров В. Ю. Интерсекциональный подход к анализу жизненного мира и изучению повседневных практик трудовых взаимодействий российских рабочих // Наука и образование в условиях глобальных вызовов. Сборник статей по итогам Пятого профессорского форума 2022. М. : Издательство Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. С. 42–47. EDN **PYQEFQ**.
15. Темницкий А. Л. Потенциал использования метода типологического анализа в социологической диагностике социальных феноменов // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 3. С. 162–177. DOI [10.19181/socjour.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.3.10). EDN **VUBNCN**.
16. Виноградова М. А., Юрова О. В. Анализ типологий трудовой мотивации // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 23. С. 25–32. EDN **RLTDOP**.
17. Наумова С. А. Типология работников: вопросы управления // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 60–65.
18. Панюхина Е. В. Типология мотивационно-ценностного отношения рабочих к труду // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14, № 4 (75-76). С. 218–223. EDN **PVBQTR**.
19. Шиняева О. В., Артемьева Т. В. Отношение рабочих промышленных предприятий к труду // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 100–112. EDN **RXOPDR**.
20. Герчиков В. И. Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2006. № 3 (31). С. 222–233. EDN **HTJSNN**.
21. Герчиков В. И. Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление (часть 2) // Личность. Культура. Общество. 2006. № 4 (32). С. 123–133. EDN **IJJTKJ**.

22. Ребров А. В. Мотивация и оплата труда. Современные модели и технологии : учеб. пособие. М. : ИНФА-М, 2017. 346 с. ISBN 978-5-16-012069-0. DOI [10.12737/20622](https://doi.org/10.12737/20622). EDN [YHFNJVJ](https://elibrary.ru/yhnfvj).
23. Ребров А. В. Факторы формирования мотивации работников // Социологические исследования. 2011. № 3 (323). С. 38–49. EDN [NEKWIN](https://elibrary.ru/nekwin).
24. Харченко В. С. Мотивация и мотивационные профили сотрудников современных организаций // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 156–171. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7879](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7879). EDN [JESSSG](https://elibrary.ru/jesssg).
25. Попов А. В. Типология работников как инструмент управления трудовым поведением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 162–175. EDN [PVQCIR](https://elibrary.ru/pvqcir).
26. Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия / А. Г. Эфендиев, А. С. Гоголева, А. В. Пашкевич, Е. С. Балабанова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 2. С. 108–133. DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133). EDN [JPRMSY](https://elibrary.ru/jprmsy).
27. Климова С. Г., Абрамов Р. Н. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19, № 2. С. 98–117. EDN [NDSVZT](https://elibrary.ru/ndsvzt).
28. Климова С. Г., Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 328–351. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/klimova_galicie.pdf (дата обращения 214.04.2025). EDN [PBDPEV](https://elibrary.ru/pbdpev).
29. Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодёжи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2 (39). С. 113–129. DOI [10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129). EDN [GLNVUE](https://elibrary.ru/glnvue).
30. Захаров В. Я., Воронин Г. Л., Захаров И. В. Социальные проблемы трансформации промышленных предприятий // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 25–36. EDN [RYYXLZ](https://elibrary.ru/ryyxlz).
31. Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации / В. Ю. Бочаров, Ю. В. Васкина, Д. Ю. Иванов [и др.] // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 100–113. DOI [10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113](https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113). EDN [QGAJNH](https://elibrary.ru/qgajnh).
32. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова, И. В. Воробьева [и др.] ; под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7. EDN [IEJRKS](https://elibrary.ru/iejrks).
33. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 1. С. 72–100. EDN [TLOJZV](https://elibrary.ru/tlojzv).
34. Кученкова А. В., Колосова Е. А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 288–305. DOI [10.14515/monitoring.2018.3.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.15). EDN [XSWAUH](https://elibrary.ru/xswauh).
35. Темницкий А. Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86–99. DOI [10.31857/S013216250021065-4](https://doi.org/10.31857/S013216250021065-4). EDN [VOTCOP](https://elibrary.ru/votcop).
36. Кученкова А. В., Татарова Г. Г. Нечёткие классификации в типологическом анализе работников по неустойчивости занятости // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 27–40. DOI [10.31857/S013216250028302-5](https://doi.org/10.31857/S013216250028302-5). EDN [HROOQM](https://elibrary.ru/hrooqm).

Сведения об авторах

Г. П. Бессокирная

кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 1426-2373

Г. Г. Татарова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
SPIN-код: 6660-7697

У авторов нет конфликта интересов для декларации

Статья поступила в редакцию 27.04.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025;
принята к публикации 23.07.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8

SOCIAL TYPES OF RUSSIAN WORKERS: ON THEORY AND PRACTICE OF STUDY

Galina Petrovna Bessokirnaya¹

Galina Galeevna Tatarova²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² tatarova-gg@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-8580-1752

For citation: Bessokirnaya G. P., Tatarova G. G. Social types of Russian workers: on theory and practice of study. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):156–177. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.8.

Abstract. The article is devoted to the actualization of theoretical and methodological problems in typological analysis procedure of Russian workers. The authors rely on a functional approach to the “social type of employee” concept interpretation as an initial theoretical premise, the essence of which is to distinguish two connotations: social types as means of social cognition, the known in sociology of labor conceptual (theoretical) typologies which used as basis for preliminary typification (a priori typology) of the studied group of objects; Social types as a goal of social cognition when their existence requires empirical confirmation. The article introduces a basis for comparison of typological analysis research practices wherein various typological models are implemented. The core and periphery in the structure of the group of practices are distinguished. The accumulated experience is described via linguistic constructs, including the so-called basic concepts of typological analysis: a priori typology, the basis of typology, type-forming features, etc. It is via these concepts that serve as a “bridge” for the transition from theoretical models to empirical constructions. Their content and logic of formation determine the various

kinds of research practices existence which allows us to summarize the theoretical and methodological problems in typological models implementation and the most promising areas identification for the development of typological research in the field of labor.

Keywords: social type, typological study, conceptual typology, typological analysis, typological structure of workers, work motivation, work behavior, subjective well-being at work, employee identification with the enterprise, controllable factors

REFERENCES

1. Almog O. The problem of social type: A review. *Electronic Journal of Sociology*. 1998;3(4):1–34. Available at: <https://sociology.org/the-problem-of-social-type> (accessed: 24.04.2025).
2. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. (eds.) Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure. Moscow: FNISC RAN; 2023. 358 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-408-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023).
3. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Demand for the “typological turn” in empirical sociology. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2022;(7):28–40. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250019758-6](https://doi.org/10.31857/S013216250019758-6).
4. Tatarova G. G. Fundamentals of typological analysis in sociological research [Osnovy’ tipologicheskogo analiza v sociologicheskix issledovaniyax]. Moscow: Vy’sshee Obrazovanie i Nauka; 2007. 236 p. (In Russ.). ISBN 5-94084-047-7.
5. Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. Man and his work in the USSR and after: textbook. manual for universities. 2nd ed., corrected and supplemented [Chelovek i ego rabota v SSSR i posle: ucheb. posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop.]. Moscow: Aspect Press; 2003. 485 p. (In Russ.). ISBN 5-7567-0286-5.
6. Smirnov V. A., Boykov V. E. Experience of constructing a typology of workers based on a combination of objective and subjective indicators of their labor activity [Opy’t postroeniya tipologii rabochix na osnove sovmeshheniya ob’ektivny’x i sub’ektivny’x pokazatelej ix trudovoj aktivnosti]. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 1977;(1):31–39. (In Russ.).
7. Labor in a changing world: transformations in the labor sphere of labor and the focus of new research (round table). *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(5):3–26. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524050019](https://doi.org/10.31857/S0132162524050019).
8. Sociology of professions – state and prospects (round table). *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(8):3–21. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524080019](https://doi.org/10.31857/S0132162524080019).
9. Temnitsky A. L., Bessokirnaya G. P. Changes in the problem and subject field of labor sociology against the backdrop of the time challenges (Based on publications in the journal “Sociological Studies” over 50 years). *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(7):48–60. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524070062](https://doi.org/10.31857/S0132162524070062).
10. Tatarova G. G., Bessokirnaya G. P., Kuchenkova A. V. Subjective well-being at work: re-search practices of sociological measurement. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(10):37–49. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250015546-3](https://doi.org/10.31857/S013216250015546-3).
11. Tatarova G. G., Bessokirnaya G. P. Typological analysis for the reconstruction of social types of workers (conceptual and empirical justification). *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2011;(7):3–15. (In Russ.).
12. Tatarova G. G., Bessokirnaya G. P. On the formation of basic type-forming features for identifying social types of workers as objects of management. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social’naya praktika*. 2014;1(05):32–50. (In Russ.).

13. Tatarova G. G., Bessokirnaya G. P. Identification of workers with the enterprise in the diagnostics of the production situation. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2019;(4):43–56. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250004585-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004585-6).
14. Bocharov V. Y. Intersectional approach to the analysis of the lifeworld and the study of everyday practices of labor interactions of Russian workers. In: Science and education in the context of global challenges. Collection of articles based on the results of the Fifth Professorial Forum 2022. Moscow: Izdatel'stvo Obshherossiyskaya obshhestvennaya organizatsiya "Rossijskoe professorskoe sobranie"; 2023. P. 42–47. (In Russ.).
15. Temnitsky A. L. Potential for using the method of typological analysis in sociological diagnostics of social phenomena. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2023;29(3):162–177. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.3.10).
16. Vinogradova M. A., Yurova O. V. Analysis of typologies of labor motivation. *Actual Issues of Economic Sciences=Aktual'ny'e voprosy' e'konomicheskix nauk*. 2011;(23):25–32. (In Russ.).
17. Naumova S. A. Typology of workers: management issues [Tipologiya rabotnikov: voprosy' upravleniya]. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 1991;(2):60–65. (In Russ.).
18. Panyukhina E. V. Typology of motivational and value attitudes of workers to work. *Personality. Culture. Society=Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2012;(4):218–223. (In Russ.).
19. Shinyaeva O. V., Artemyeva T. V. Attitude of industrial workers to work. *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences=Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny'e nauki*. 2013;3(27):100–112. (In Russ.).
20. Gerchikov V. I. Work motivation: concept, identification and management (part 1) [Trudovaya motivatsiya: ponyatie, vy'yavlenie i upravlenie (chast' 1)]. *Personality. Culture. Society=Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2006;(3):222–233. (In Russ.).
21. Gerchikov V. I. Work motivation: concept, identification and management (part 2) [Trudovaya motivatsiya: ponyatie, vy'yavlenie i upravlenie (chast' 2)]. *Personality. Culture. Society=Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2006;(4):123–133. (In Russ.).
22. Rebrov A. V. Motivation and remuneration. Modern models and technologies: textbook. manual. Moscow: INFА-M; 2017. 346 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-012069-0. DOI [10.12737/20622](https://doi.org/10.12737/20622).
23. Rebrov A. V. Factors in the formation of employee motivation. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2011;3(323):38–49. (In Russ.).
24. Kharchenko V. S. Motivation and motivational profiles of employees of modern organizations. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;(1):156–171. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7879](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7879).
25. Popov A. V. Typology of workers as a tool for managing labor behavior. *Economic and social changes: facts, trends, forecast=E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz*. 2013;(1):162–175. (In Russ.).
26. Efendiev A. G., Gogleva A. S., Pashkevich A. V., Balabanova E. S. Value-motivational foundations and reality of working life of Russian workers: problems and contradictions. *World of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*. 2020;29(2):108–133. (In Russ.) DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133).
27. Klimova S. G., Abramov R. N. Modern worker: conceptualization and empirical verification of the concept. *World of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*. 2010;19(2):98–117. (In Russ.).
28. Klimova S. G., Galitskaya E. G., Galitsky E. B. Innovative behavior at work – experience of constructing a sociological index. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotsiologii*. 2010;(1):328–351. (In Russ.).

29. Bocharov V. Y. The concept of work-life balance as a basis for a typology of labor behavior strategies of working youth. *Social and labor studies=Social'no-trudovy'e issledovaniya*. 2020;2(39):113–129. (In Russ.). DOI [10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129).
30. Zakharov V. Y., Voronin G. L., Zakharov I. V. Social problems of transformation of industrial enterprises. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(2):25–36. (In Russ.).
31. Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V., Ivanov D. Yu., [et al.]. Factors of labor motivation of employees of aerospace cluster enterprises in the context of digitalization and robotization. *Semiotic studies=Semioticheskie issledovaniya*. 2023;3(4):100–113. (In Russ.). DOI [10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113](https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113).
32. Toshchenko J. T. [ed.]. Lifeworld of workers: sustainability versus precarity. Moscow: Ves' Mir; 2024. 462 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0938-7.
33. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Labor trajectories of self-employed professionals (freelancers). *The World of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*. 2015;24(1):72–100. (In Russ.).
34. Kuchenkova A. V., Kolosova E. A. Differentiation of workers by the nature of the instability of their employment. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2018;3(145):288–305. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2018.3.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.15).
35. Temnitsky A. L. Resource potential of precarious workers in Russia. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2022;(11):86–99. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250021065-4](https://doi.org/10.31857/S013216250021065-4).
36. Kuchenkova A. V., Tatarova G. G. Fuzzy classifications in the typological analysis of workers by employment instability. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(10):27–40. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250021065-4](https://doi.org/10.31857/S013216250021065-4).

G. P. Bessokirnaya

Candidate of Economics,
Senior Researcher
Scopus AuthorID: [6504478999](https://orcid.org/0000-0001-9148-7899)

G. G. Tatarova

Doctor of Sociology, Professor,
Main Researcher
Scopus AuthorID: [6506761668](https://orcid.org/0000-0001-9148-7899)

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 27.04.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 23.07.2025.

МЕРА КОСИНУСНОГО СХОДСТВА ДЛЯ ОБРАБОТКИ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ПАТРИОТА)

Антонина Николаевна Пинчук¹
Дмитрий Андреевич Тихомиров²
Егор Васильевич Вахненко³

^{1, 2, 3} РЭУ имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,

¹ antonina.pinchuk27@bk.ru,
ORCID 0000-0001-7842-7141

² dat1983@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-1872-6788

³ egor.vakhnenko@mail.ru

Для цитирования: Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Вахненко Е. В. Мера косинусного сходства для обработки неоконченных предложений (на примере изучения образа патриота) // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 178–196. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.9. EDN BAPPMQ.

Аннотация. В условиях интенсивного развития науки об обработке естественного языка возникает вопрос об интеграции инновационных технологий в рабочие процессы социологов. Социальные учёные нередко сталкиваются с необходимостью обработки текстовых данных, полученных как в рамках собственных исследовательских проектов, так и в сети интернет. Очевидно, что использование в качестве базы данных доступных онлайн-источников выдвигает повышенные требования к техникам и процедурам обработки корпуса документов огромного объёма, нередко превышающего несколько сот тысяч строк. Однако не остаётся за рамками внимания работа с материалами авторских социологических исследований гораздо меньшего объёма, которые часто требуют значительных трудовых и временных ресурсов, если их обрабатывать вручную. В этом случае возникает проблема согласованности кодирования текстов группой исследователей, где особую роль играет субъективное мнение специалистов при обобщении или группировке данных. В статье показаны возможности и ограничения использования меры косинусного сходства для анализа текстовых данных, полученных методом неоконченных предложений. Эмпирической базой исследования послужили материалы, полученные в ходе изучения образа патриота в одном из московских вузов в марте 2025 г. Всего в исследовании приняло участие 70 студентов. В работе представлена обработка ответов на стимульное предложение, которое респондентам нужно было завершить своими словами: «Патриот всегда...». Результаты расчёта меры косинусного сходства показали, что данная метрика может выступать полезным инструментом в первичном

поиске близких по содержательному контенту утверждений. В случае сомнений и необходимости проверки выводов или решения проблемы согласованности коллективного кодирования использование меры семантической близости может выступить в качестве значимого дополнительного количественного показателя для определения тематической направленности высказывания каждого из респондентов. Так, применяя оценку косинусного сходства, можно сгруппировать тексты, наиболее близкие по семантической нагрузке, тем самым приближая к пониманию общей структуры изучаемого образа и тезауруса участников исследования. В заключении делается вывод о современных требованиях к подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля, что порождает новые методологические вопросы и открывает дискуссии об оптимальной интеграции технологических достижений в области обработки естественного языка в аналитические практики социальных учёных и исследователей.

Ключевые слова: метод неоконченных предложений, семантическое сходство, косинусное сходство, языковая модель BERT, образ патриота

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00549 «Культурная маргинальность российских студентов: развитие человеческого потенциала новых поколений как проблема и ресурс развития патриотизма в основных положениях и мерах по реализации государственной молодёжной политики» (руководитель: кандидат социологических наук Д. А. Тихомиров).

Введение

Современные инструменты интеллектуального анализа текста открывают обширные исследовательские возможности для социологов, позволяя осуществлять автоматическую обработку текстовой информации, извлекать скрытые знания и закономерности в данных. Подобные технологии вызывают особый интерес в рамках обсуждения процедур обработки и анализа качественных данных, получаемых из различных источников. Так, на фоне интенсивного роста объёма текстовых документов в сети интернет повышенное внимание исследователей привлекают нереактивные данные [1]. Ключевой особенностью нереактивных данных является их тенденция к накоплению и агрегации вне зависимости от факта проведения исследования, что в условиях цифровизации ведёт к формированию беспрецедентных размеров информационных массивов, которые также принято называть Большими данными (Big Data), объём которых может превышать 150 Гб в сутки, а содержимое ежесекундно обновляется¹. Для социолога могут быть интересны данные, воспроизводимые в результате публикаций и действий пользователей в различных социальных сетях, приложениях, сервисах. Это могут быть сообщения и комментарии, фотографии, видео, геолокации и хештеги². Надо сказать, что данные, полученные с веб-ресурсов, которые позволяют зафиксировать поведение людей

¹ Макаров А., Зуйкова А. Что такое Big Data и как они устроены // Блог практикума : сайт. 15.12. 2022. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/что-такое-big-data/> (дата обращения: 01.02.2025).

² Макаров А., Зуйкова А. Что такое Big Data и как они устроены // Блог практикума : сайт. 15.12. 2022. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/что-такое-big-data/> (дата обращения: 01.02.2025).

в цифровой среде, называются цифровыми следами (trace data) и становятся особым предметом анализа современных учёных [2]. Тем не менее основным источником данных для многих социологов по-прежнему остаются результаты собственных социологических исследований, то есть реактивные данные, которые предполагают осознанное участие респондентов в исследовательском процессе. Источниками данных в традиционной качественной методологии являются интервью, фокус-группы, социологическое эссе и другие документы, содержащие размышления, высказывания, мнения, представления и ответы людей на задаваемые исследователем вопросы. Полученные такими методами материалы, как правило, подвергаются ручной обработке с последующей кодировкой, выделением категорий и тем, их подсчётом и содержательной интерпретацией в контексте теоретических обобщений. И поскольку классические методы сбора данных остаются распространённой практикой современных социологов, постольку возникает вопрос о применимости новых технологий для анализа и обработки текстовой информации, собранной собственными силами исследователя. Стоит заметить, что в данном случае интересуют не экономия времени и затрачиваемых усилий, хотя и это, безусловно, важно. Прежде всего интересуют эффективность новых алгоритмов для обработки результатов качественных методов и их сравнение с работой экспертов, которая предполагает углублённое чтение и категоризацию данных на основе понимания прочитанного. В этой связи предлагаем рассмотреть результаты методологического эксперимента, где показываются пути интеграции алгоритмов машинного обучения для работы с естественным языком в традиционные техники обработки текстовых данных социологического исследования. В качестве эмпирического материала использованы текстовые данные, полученные посредством метода неоконченных предложений. Обработка результатов метода неоконченных предложений предполагает выделение смысловых компонентов в текстах и сужение пространства интерпретаций до нескольких тематических категорий. Для апробации новых технологий в практике обработки корпуса документов, полученных с помощью метода неоконченных предложений, предлагается рассмотреть специальную метрику семантического сходства – косинусное сходство, – используемую для задач семантического поиска, который «направлен на повышение точности поиска за счёт понимания семантического значения поискового запроса и того, в каком корпусе выполняется поиск»¹.

Цель статьи – показать возможности и ограничения использования меры косинусного сходства для обработки текстовых данных, полученных методом неоконченных предложений и выявить оптимальные пути применения новых методов обработки данных в работе современных социальных учёных и исследователей на прикладном уровне.

Для достижения поставленной цели использованы данные, полученные в ходе изучения образа патриота в восприятии московской молодёжи. Для

¹ Тищенко Д. Семантический поиск (homemade) // Хабр : сайт. 07.08.2024. URL: <https://habr.com/ru/articles/834356/> (дата обращения: 01.02.2025).

анализа образа патриота метод неоконченных предложений представляет удачное решение, если необходимо выявить особенности повседневного понимания данного явления вне контекста официального дискурса, где этот образ преимущественно имеет положительные черты. По существу, речь идёт о сложных явлениях, многообразие и противоречивость в определении которых лучше всего выявляется с помощью «мягких» неформализованных методов, среди которых особое место занимают проективные методики. Известно, что проективные методы позволяют минимизировать эффект интервьюера и получить развёрнутые рассуждения и комментарии участников исследования, не ограничиваясь заранее заданным перечнем ответов и отчасти решая проблему социально одобряемых откликов [3]. Так как метод неоконченных предложений относится к проективным методикам, то он позволяет отразить вербальную реакцию людей на стимульные предложения и выделить личностные смыслы и критерии, используемые респондентами для описания значений определяемых понятий и жизненного опыта [4]. Как отмечает Г. Г. Татарова, «на этапе сбора эмпирических данных вербальное поведение респондента не блокируется жёстко заданной схемой, он находится в системе своих личностных конструкторов, отвечая на вопросы» [5, с. 155].

Следует заметить, что основной трудностью проективных методик является низкий уровень стандартизации и зависимость интерпретации полученных данных от личности исследователя [3]. Но возможно ли заменить обработку текстовых данных цифровыми вычислительными моделями или следует дополнять работу исследователя новыми методами анализа данных? В поиске ответа на этот вопрос рассмотрим традиционный способ обработки метода неоконченных предложений и семантические меры сходства, которые можно использовать в практике социальных учёных.

Обработка результатов метода неоконченных предложений

Метод неоконченных предложений является источником слабо структурированных данных и относится к проективным методикам, изначально разрабатываемым в психологии [5]. Однако если в психологии метод неоконченных предложений направлен на анализ латентных внутренних переживаний посредством косвенных воздействий, то в социологии предполагается изучение социальных явлений именно в том контексте, который осознаётся и подразумевается респондентами, когда они высказываются в ответ на стимульные фразы, и «предлагаемые ими окончания фраз создают определённое смысловое пространство, спектр возможных ответов и их обоснований» [6, с. 789].

Работу по созданию методики неоконченных предложений в социологическом исследовании начал В. Б. Ольшанский совместно с исследовательским коллективом, который ещё в начале 80-х гг. прошлого века одним из первых использовал неоконченные предложения с целью получения спонтанных

реакций, подобных репликам в ежедневных разговорах, для изучения жизненных и повседневных проблем [7; 8]. Сам автор делится воспоминаниями о непростой процедуре кодирования полученных ответов, которые сначала вручную распределялись по «признакам», перемешивались, а затем объединялись в «рубрики». Так, для каждого стимульного предложения создавался кодификатор, с помощью которого высказываниям присваивались четыре цифры: первые две из них означали номер предложения, третья цифра отражала номер категории, а четвертая – номер рубрики. Примечательно, что процедура обработки текстов требовала неоднократного возвращения к данным. Как отмечает учёный: «Кодификаторы перерабатывались три раза: уточнялись названия классов и первичных смысловых групп» [8, с. 89]. С. Г. Климова в своё время принимала участие в работе группы, которой руководил В. Б. Ольшанский, и по той же методике осуществила повторное исследование в 1993–1994 гг. Описывая процедуру обработки данных, она также указывает на сложности кодирования и отмечает, что «иногда возникали споры, поскольку многозначность ответов не позволяла принять определённое решение» [7, с. 55].

Институционализации метода неоконченных предложений как прикладного инструментария социологического исследования особо способствовали работы Г. Г. Татаровой и А. В. Бурлова [5; 9; 10; 11], посвящённые вопросам стратегии применения данного метода и логике анализа полученных данных.

Стоит отметить, что в социологическом дискурсе интерес к методу неоконченных предложений продолжает поддерживаться, и за последние десять лет в свет был выпущен ряд работ с результатами социологических исследований с применением данного метода. Хотя выборка подобных публикаций немногочисленна, в ней можно отметить как устоявшиеся исследовательские практики, так и авторские модификации, которые развивают прикладной потенциал метода неоконченных предложений [6; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Неоднократно авторы, использующие в своей работе метод неоконченных предложений, отмечали трудности обработки полученного массива данных [6; 18], на что указывали и первопроходцы в данной области. Безусловно, ответы, написанные самими участниками исследования в произвольной и приемлемой для них формулировке, даже в небольших объёмах (до 100 ответов) представляют особую сложность для обобщений в рамках предварительной обработки и подготовки для предстоящего анализа. Здесь следует учитывать, что формулировка незавершённых предложений может быть разной: от одного или нескольких слов, когда предполагается охват обширного смыслового поля и респонденты могут двигаться в разных направлениях в своих суждениях, до развёрнутых предложений, окончание которых будет кратким и узконаправленным, состоящим из нескольких слов [18].

Чаще всего процедура обработки данных предполагает контент-анализ и подсчёт частоты используемых слов. Например, З. В. Сикевич в рамках исследования этнической идентичности с помощью метода неоконченных предложений, осуществляла группировку утверждений респондентов в модальные

конструкты и представила те из них, которые встречались в высказываниях более чем у 5% респондентов, ответивших на предложение [18]. Есть и другие авторские подходы к агрегированию полученных ответов респондентов. В частности, Г. Г. Татарова и А. В. Бурлов сначала разделили всю совокупность неоконченных предложений на смысловые блоки, затем в каждом из них обобщили полученные данные посредством выделения элементарных обоснований (смысловой основы) высказывания респондента с их последующим объединением в элементы, а на более высоком уровне типологизации – в компоненты [9]. По мнению авторов, на этапе интеграции первичных обоснований в элементы обязательно следует привлекать самих участников исследования: «Это самая трудоёмкая часть исследования, включающая долгие и громкие дебаты некоторой группы экспертов из числа респондентов» [9, с. 14].

При отсутствии должных ресурсов исследователи самостоятельно читают полученные ответы, привлекая по возможности других исследователей, для кластеризации разнообразия мнений респондентов. В любом случае вопрос о роли субъективного мнения людей, которые распределяют ответы респондентов по понятным им смысловым категориям, остаётся дискуссионным и слабой стороной неформализованных методов. Трудности, связанные с групповым кодированием, по существу, отражают одну из важнейших проблем качественной методологии, где роль субъективного мнения экспертов становится ключевой при интерпретации переживаний, мнений, ожиданий и опасений респондентов. Неудивительно, что процедура обработки текстовых данных, полученных посредством метода неоконченных предложений, требует существенных трудовых и временных затрат исследователя. В этой связи видится актуальным апробировать новые технологии в оказании помощи в обработке корпуса документов на естественном языке. С этой целью рассмотрим меры семантического сходства.

Оценка семантической близости: косинусное сходство. Анализ семантического сходства между парами документов на естественном языке представляет одну из важнейших задач для автоматической обработки текстов. Поиск семантического сходства направлен на выявление смысловой связности двух текстов [19], то есть происходит поиск схожести пар объектов по содержанию [20]. «Причём, сходство должно быть выражено конкретным значением... В целом, концепция релевантности информации основана на её количественной оценке» [21, с. 20]. Для оценки семантической близости используют специальные меры, которые в числовом выражении позволяют определить меру сходства.

На данный момент можно выделить ряд мер, используемых учёными для оценки релевантности документов: сходство Жаккара, алгоритм шинглов, расстояние Левенштейна и другие¹. Одной из самых распространённых мер является косинусное сходство. «Косинусное сходство представляет собой меру сходства, которая используется для векторных моделей. Векторная модель

¹ Семантический поиск: от простого сходства Жаккара к сложному SBERT // Хабр : сайт. 06.07.2021. URL: <https://habr.com/ru/companies/skillfa000ctory/articles/566414/> (дата обращения: 01.02.2025).

позволяет представить текст документа и запроса в виде векторов одного пространства, а степень схожести этих векторов выражается через косинус угла между ними» [22, с. 7]. Здесь ставится задача векторизовать имеющиеся текстовые данные, где слова (в информационном поиске их называют терминами) получают определённый вес. Представление документов в виде векторов позволяет определять расстояние между точками, фиксирующее их расположение по отношению друг к другу в пространстве [22]. Чем ближе расположены два вектора, тем меньше угол между ними и тем больше косинус угла между ними, что указывает на степень релевантности текстов. Так как используется скалярное произведение единичных векторов, то два одинаковых вектора будут иметь угол 0 градусов и мера косинусного сходства будет равна 1,0, тогда как два ортогональных вектора будут находиться под углом 90 градусов и давать метрику сходства 0.0 [23].

Остаётся открытым вопрос: каким образом текст можно перевести в вектор? В решении подобной задачи особую эффективность демонстрирует архитектура трансформера BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers), основанная на мощной структуре нейронной сети¹. BERT способен улавливать контекстуальные связи между словами, что используется в широком спектре задач обработки естественного языка: анализ тональности текста, автоматические ответы на вопросы, обобщение текста, тематическое моделирование, обнаружение спама, генерация естественного языка, машинный перевод, поиск информации и многое другое [24]. Как отмечают специалисты, предварительно обученный BERT способен понимать смысл и контекст документов на естественном языке в силу своей особой архитектуры². BERT «кодирует огромное количество информации в набор плотных векторов»³. Сначала токенизатор разбивает текст на токены (фрагменты предложения от буквы до целого слова), которые поступают на вход модели, затем для токенов из специальной таблицы берутся эмбединги, которые получают на выходе. Причём эмбединги обновляются с целью распознавания контекста (соседних токенов)⁴. То есть BERT генерирует контекстуальные эмбединги, которые отражают значения слов на основе их использования в определённых контекстах, что значительно улучшает обработку естественного языка за счёт сохранения семантической информации [25]. «То есть для определённого количества входных токенов мы получаем соответствующее количество их векторных представлений»⁵. Так, в результате векторизации текстовых документов можно использовать

¹ Israa Hamdine Fine-tuning BERT for Semantic Textual Similarity with Transformers in Python // The Python Code : сайт. Updated: Jun. 2023. URL: <https://thepythoncode.com/article/finetune-bert-for-semantic-textual-similarity-in-python> (дата обращения: 01.02.2025).

² Тищенко Д. Указ. соч.

³ Семантический поиск: от простого сходства Жаккара к сложному SBERT. Указ. соч.

⁴ Дале Д. Маленький и быстрый BERT для русского языка // Хабр : сайт. 10.06.2021. URL: <https://habr.com/ru/articles/562064/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Тищенко Д. Указ. соч.

полученные числовые последовательности для подсчёта меры косинусного сходства. Здесь же следует сказать о практике применения BERT для поиска семантической близости на основе косинусного сходства [26; 27].

Методология и методы исследования

В рамках социологического исследования образа патриота в марте 2025 г. был реализован авторский исследовательский проект с применением метода неоконченных предложений для сбора данных. Всего в исследовании приняло участие 70 студентов социально-гуманитарного профиля подготовки, обучающихся в одном из московских вузов. Выборка невероятностная, формировалась методом «снежного кома», поэтому результаты исследования не могут быть распространены на генеральную совокупность. В исследовании приняли участие 69% девушек и 31% юношей. Возраст респондентов варьировался от 19 до 22 лет с медианным показателем 20 лет.

Инструментарий исследования содержал 10 незавершённых предложений, направленных на выявление структуры образа патриота: 1) «Для меня патриот – это...»; 2) «Патриот всегда –...»; 3) «Патриот никогда...»; 4) «Патриот должен...»; 5) «Патриот не должен...»; 6) «Патриотами становятся, потому что...»; 7) «Чаще всего патриотами являются...»; 8) «Патриот обладает такими чертами характера, как...»; 9) «Патриот в общении с другими людьми...»; 10) «Патриотом я могу назвать...». Эти предложения составляли разные смысловые блоки, воссоздающие многомерную структуру образа. Формулировка стимульных предложений происходила с опорой на более ранние работы социологов, в которых показан успешный опыт раскрытия образа исследуемого феномена, в частности, образа «культурного человека» [9], «террориста» [28], «коррупционера» [29], «героя» и «антигероя» [30]. Так как в данной статье основная задача – разобрать новые методы обработки данных, то ограничимся анализом предложения «Патриот всегда...», с помощью которого предполагалось получить утверждения о поведении патриотов, что отчасти подтвердилось при анализе полученных ответов.

Полученные данные обрабатывались в среде разработки Google Colab с использованием языка программирования Python. В ходе обработки и анализа данных был осуществлён частотный анализ слов, затем рассчитано косинусное сходство высказывания каждого респондента с высказываниями других участников исследования. Отдельно была осуществлена ручная обработка полученных данных с прочтением текстов и их группировкой. Для этого сначала выделялись смысловые единицы в каждом высказывании, позволяющие идентифицировать мысли респондента с определённой смысловой категорией. После этого происходил расчёт доли выделенных смысловых категорий в отношении всех категорий.

Результаты исследования

Как было указано выше, на первом этапе были проведены аналитические работы по подсчёту частоты слов и дифференциации предложений на основе косинусного сходства. В ходе первичной обработки данных для статистического анализа символы были приведены к нижнему регистру, а предложения разделены на отдельные слова (токены). После этого была осуществлена лемматизация, то есть слова были приведены к начальной форме. Также предложения были очищены от стоп-слов, которые создают шум, но не несут смысловой нагрузки. Это междометия, союзы, предлоги и иные частицы [31].

Частотный анализ позволил выделить топ-10 слов, которые респонденты чаще всего писали для продолжения стимульного предложения «*Патриот всегда...*». Это такие слова, как: «страна» (18%), «готов» (5%), «верный» (3%), «защищать» (3%), «хороший» (2%), «уважать» (2%), «благо» (2%), «стремиться» (2%), «история» (2%), «интерес» (2%).

Далее осуществлялся анализ семантического сходства предложений с помощью метрики косинусного сходства, которая показала себя как эффективный способ формирования тематических подвыборок. К примеру, первый респондент завершил предложение, ответив, что патриот всегда «на стороне своей страны при других, пусть даже и знает, что где-то её правительство может быть не право». В корпусе документов были выделены схожие по смыслу ответы, которые получили соответствующий показатель метрики семантической близости и отфильтрованы от большего к меньшему. В таблице 1 приведены семантически схожие с приведённым выше предложения на основе меры косинусного сходства, показатель которого больше 0.5.

Другим примером может послужить развёрнутый ответ, где респондент указывал на роль патриота в развитии страны: патриот всегда «стремится к развитию и процветанию своей Родины». Программа определила, что с данной фразой наиболее схожи следующие утверждения респондентов: «старается внести вклад в развитие и улучшение жизни страны», «старается ради улучшения страны», «заботится о благополучии своей нации». Можно сказать, что в полученную группу объединялись утверждения, которые содержали посыл к процветанию и развитию государства, что отражено в таблице 2.

Следует отметить, что трое человек написали идентичные ответы: патриот всегда «за свою страну». Применяемая модель позволила сразу выделить одинаковые ответы, а также показала смысловую близость других высказываний, позволяя охватить диапазон похожих позиций респондентов (см. табл. 3).

Таким образом, для каждого предложения в корпусе документов можно было вычленив наиболее схожие утверждения и перечитать в полученной подгруппе элементарные обоснования. Это значительно облегчало поиск схожих текстов.

На втором этапе был осуществлён анализ полученных ответов респондентов традиционным методом с прочтением текстов и распределением высказываний

Таблица 1

*Значение меры косинусного сходства предложений
с высказыванием о поведении патриота*

Номер респондента	«Патриот всегда...»	Косинусное сходство
64	«на стороне своей страны при других, пусть даже и знает, что где-то её правительство может быть не право»	1.000000
53	«осознаёт интересы своего народа, которые могут и не совпадать с государственными»	0.806262
51	«защищает свою страну, даже если она не права»	0.795590
50	«действует в интересах страны, но не обязательно в интересах власти»	0.770452
18	«видит достоинства своей страны, говорит о стране уважительно, трудится на благо Отечества»	0.762913
4	«поддерживает свою страну, уважает её историю и стремится сделать её лучше»	0.756263
61	«уважает территорию своей страны, думает о её благе»	0.730184
49	«ищет позитив, а не негатив в процессах развития своей страны»	0.724340
8	«должен понимать, за что он любит свою страну, оценивать картину происходящего трезвым взглядом, а не просто следовать тому, что говорят сверху»	0.709943
17	«готов заступиться за свою страну как в споре, так и в войне»	0.707997
2	«будет за свою Родину, даже когда она не в лучшем состоянии»	0.688778

Таблица 2

*Значение меры косинусного сходства предложений с высказыванием
о роли патриота в развитии страны*

Номер респондента	«Патриот всегда...»	Косинусное сходство
5	«стремится к развитию и процветанию своей Родины»	1.000000
19	«старается внести вклад в развитие и улучшение жизни страны»	0.872370
48	«старается ради улучшения страны»	0.757039
24	«заботится о благополучии своей нации»	0.752189
4	«поддерживает свою страну, уважает её историю и стремится сделать её лучше»	0.748969
39	«должен восхищаться своей страной и делать всё в её благо»	0.742331
49	«ищет позитив, а не негатив в процессах развития своей страны»	0.739976
3	«готов защищать Родину и отстаивать её интересы»	0.731378
55	«стремится к лучшему для своей страны»	0.728330

Таблица 3

*Значение меры косинусного сходства предложений с высказыванием
о поддержке патриотом страны*

Номер респондента	«Патриот всегда...»	Косинусное сходство
29	«за свою страну»	1.000000
47	«за свою страну»	1.000000
40	«за свою страну»	1.000000
16	«выбирает свою страну»	0.918794
52	«остаётся верным своей стране»	0.839288
42	«благодарен своей стране»	0.838592
33	«выступает за свою Родину»	0.837869
7	«верен Родине»	0.828302
56	«уважает Родину»	0.811401
65	«будет на стороне Родины»	0.792960

по смысловым основаниям. Агрегирование схожих по смыслу ответов респондентов в группы происходило на основе экспертной оценки. Надо отметить, что прочтение вариантов ответа респондентов потребовало возвращение к материалу несколько раз, чтобы убедиться в классификации на укрупнённые блоки собранных высказываний. В итоге было выделено 8 элементов для продолжения предложения «Патриот всегда...», которые отражены в таблице 4. В качестве примера приведены некоторые элементарные обоснования, чтобы прояснить контент полученных элементов.

Таблица 4

*Группировка данных на основе элементарных обоснований для предложения
«Патриот всегда...»*

Элементы	Элементарные обоснования	%
Защита	«встанет на защиту», «защищает своё Отечество», «защищает свою страну»	17
Верность	«верен Родине», «остаётся верным своей стране», «предан своей Родине»	16
Уважение	«уважает историю и культуру своей страны», «уважает Родину»	14
Развитие страны	«стремится к развитию и процветанию своей Родины», «старается внести вклад в развитие и улучшение жизни страны»	13
Личностные качества	«соблюдает нормы чести», «честен», «ответственный», «хороший», «прав», «верит в правильность своих поступков»	11
Поддержка	«будет за свою Родину», «выступает за свою Родину», «за свою страну»	8
Готовность к действию	«готов к труду ради Родины», «готов жертвовать ради Родины», «делает, а не говорит»	7
Приоритизация интересов общества	«действует в интересах страны, но не обязательно в интересах власти», «осознаёт интересы своего народа, которые могут и не совпадать с государственными»	5
Другое	«всегда патриот», «нужен», «согласен», «езде патриот»	9
Всего	-	100

Основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод, что мера косинусного сходства выступает полезным инструментом в первичном поиске близких по содержательному контенту утверждений. В случае сомнений и необходимости проверки выводов меры семантического сходства могут послужить значимым дополнительным показателем. Так, используя оценку косинусного сходства, можно составить подвыборку текстов, которые по семантической нагрузке имеют наибольшую близость. Чтение фраз в сформированном кластере текста формирует представление о содержательном послые близких по косинусному сходству утверждений и приближает к пониманию тезауруса изучаемой группы. Тем самым проблема однозначного определения тематической направленности предложения отчасти решается за счёт привлечения дополнительных оценок для прояснения ответа каждого респондента. С опорой на классификацию ответов участников исследования в соответствии с семантической близостью можно сэкономить временные ресурсы экспертов и добиться большей согласованности ответов, если работают несколько человек. Это тем более актуально, если исследователь ограничен в собственных ресурсах и работает самостоятельно. В этом случае использование меры косинусного сходства становится значимым подспорьем в принятии решения о смысловой близости полученных утверждений и высказываний.

Заключение

Метод неоконченных предложений остаётся в исследовательском арсенале современных социологов как основным, так и дополнительным способом получения эмпирических данных в случае необходимости анализа многослойных и неоднозначных в интерпретации явлений. Однако проблема во многом заключается в обработке данных, требующей существенных затрат человеческих и временных ресурсов. В этом случае цифровые методы могут послужить эффективным инструментом для оценки семантической близости высказываний респондентов, полученных в ответ на стимульные предложения, позволяя тем самым объединять ответы в схожие по смыслу группы. В данной статье был представлен пример использования косинусного сходства, рассчитанного на основе модели BERT. Методологический эксперимент показал, что используемые модели вполне успешно справились с поставленными задачами и выделяли с опорой на количественную оценку из имеющего массива предложения, которые наиболее близки по смыслу. Безусловно, использование количественных показателей позволяет экспертам более обоснованно взвешивать свои решения, что обогащает исследовательские практики и значительно упрощает процедуру кластеризации высказываний респондентов, особенно в случае сомнений экспертов и возникающих дискуссий. Но вместе с тем подобные методы обработки естественного языка, будучи полезными исследователю, не заменяют вдумчивое прочтение, требующее понимания высказываний респондентов с учётом контекста и метафор. Стоит добавить, что информационный поиск

представляет своего рода актуальное направление для социологов. Так, поиск схожих по смыслу высказываний в текстовом массиве представляет одну из задач в рамках обработки социологических данных, полученных не только методом неоконченных предложений, но и другими способами классического инструментария: интервьюирование, фокус-групповые дискуссии, социологические эссе и др. Это значительно расширяет возможности прикладного применения новых методов обработки естественного языка в социологической практике анализа данных. Вместе с тем, затрагивая вопросы работы с качественными данными в более широком плане, следует особо пристальное внимание уделять адаптации новых технологий к прикладным задачам социологического исследования и его методологическим принципам. С одной стороны, промедление в обновлении исследовательских возможностей может привести к отставанию всей области социологической науки от запросов современности, с другой, освоение цифровых методов должно происходить плавно, оптимально сочетая концептуальные основы методологии социологического исследования и инновационные способы обработки информации, что выдвигает новые вопросы для методологических дискуссий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бызов А. А. Интеллектуальный анализ текстов в социальных науках // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 49. С. 131–160. EDN [GCIIVL](#).
2. Hampton K. N. Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods // Annual Review of Sociology. 2017. № 43 (1). P. 167–188. DOI [10.1146/annurev-soc-060116-053505](#).
3. Пузанова Ж. В. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2009. № 29. С. 132–154. EDN [KNOYNZ](#).
4. Зубова О. Г. Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 29 (1). С. 194–218. DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-218](#). EDN [RUIPJM](#).
5. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М. : Высшее Образование и Наука, 2007. 236 с. ISBN 5-94084-047-7. EDN [QOGTDB](#).
6. Троцук И. В., Субботина М. В. «Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 782–801. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-782-801](#). EDN [TAPIWN](#).
7. Климова С. Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели (Социология: 4М). 1995. № 5-6. С. 49–64. EDN [PFTWHV](#).
8. Ольшанский В. Б. Становление метода неоконченных предложений в Советском Союзе 70-х гг. // Социология: методология, методы, математические модели (Социология: 4М). 1997. № 9. С. 82–97. EDN [PFTWRB](#).
9. Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в изучении образа («культурный человек») // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1997. № 9. С. 5–31. EDN [PFTWPN](#).

10. Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123–133. EDN [SNBITP](#).
11. Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в социологии: стратегии использования и логика анализа данных : дис. ...канд. соц. наук : 22.00.01 / Бурлов Антон Вячеславович. М. : ИС РАН, 2001. 179 с. EDN [QDMELN](#).
12. Тихомиров Д. А., Новицкая К. В. Представления молодёжи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 90–102. DOI [10.17805/ggz.2018.3.6](#). EDN [VMKDDA](#).
13. Сикевич З. В., Фёдорова А. А. «Мы – русские» (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 3 (27). С. 40–56. DOI [10.19181/snsp.2019.7.3.6688](#). EDN [CPKOVQ](#).
14. Субботина М. В. Применение метода неоконченных предложений в изучении понятий со сложными коннотациями: концептуализация героизма и справедливости // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5 (85). С. 88–96. DOI [10.24158/spp.2021.5.15](#). EDN [EXIGEF](#).
15. Бубнов А. Ю., Савельева М. А. Память о Великой Отечественной войне: сравнительный анализ взглядов российской и белорусской молодёжи // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 2 (27). С. 13. DOI [10.24412/2311-1763-2021-2-13-13](#). EDN [VCTHOA](#).
16. Савенкова А. С., Субботина М. В. Возможности метода неоконченных предложений в изучении «культуры отмены» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 3. С. 660–683. DOI [10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683](#). EDN [DXLFCJ](#).
17. Татарова Г. Г., Чиркова А. В. Здоровьесберегающее поведение молодёжи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 25–61. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.2](#). EDN [GWRDZA](#).
18. Сикевич З. В. Опыт применения процедуры неоконченных предложений в социологическом исследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, № 4. С. 317–328. DOI [10.21638/spbu12.2019.402](#). EDN [XKAFTS](#).
19. Андриевская Н. К. Гибридная интеллектуальная мера оценки семантической близости // Проблемы искусственного интеллекта. 2021. № 1 (20). С. 4–17. EDN [ZDZKGG](#).
20. Меры семантической близости в онтологии / К. В. Крюков, Л. А. Панкова, В. А. Пронина [и др.] // Проблемы управления. 2010. № 5. С. 2–14. EDN [MUVNSP](#).
21. Бермудес С. Х. Г. Метод измерения семантического сходства текстовых документов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2017. № 3 (188). С. 17–29. DOI [10.23683/2311-3103-2017-3-17-29](#). EDN [ZDHXJR](#).
22. Белова К. М., Судаков В. А. Исследование эффективности методов оценки релевантности текстов // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2020. № 68. С. 1–16. DOI [10.20948/prepr-2020-68](#). EDN [CYCEWZ](#).
23. Рассел М., Классен М. Data Mining. Извлечение информации из Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram, GitHub. СПб. : Питер, 2020. 464 с. ISBN 978-5-4461-1246-3.
24. Sarika K., Vijay Kumar A., Vijay R. Beyond Text: Exploring Multimodal BERT Models // Journal of Computer Science Applications and Information Technology. 2025. № 10 (1). P. 1–6. DOI [10.15226/2474-9257/10/1/00164](#).
25. BERT applications in natural language processing: a review / N. M. Gardazi, A. Daud, M. K. Malik [et al.] // Artif Intell Rev. 2025. Vol. 58. № 166. DOI [10.1007/s10462-025-11162-5](#).

26. Semantic Textual Similarity in Japanese Clinical Domain Texts Using BERT / F. W. Mutinda, Sh. Yada, Sh. Wakamiya, E. Aramaki // *Methods of Information in Medicine*. 2021. Т. 60, № S01. P. e56–64. DOI [10.1055/s-0041-1731390](https://doi.org/10.1055/s-0041-1731390). EDN [QQSZZL](#).
27. Syaifudin M. F., Adiatmaja G., Hidayaturrohmah B. Calculation of Similarity between MUI Fatwas: A Comparison of Text Extraction Features and String Matching Algorithms // *Halal Research Journal (HRJ)*. 2025. Vol. 5, № 1. P. 1–13. DOI [10.12962/j22759970.v5i1.1226](https://doi.org/10.12962/j22759970.v5i1.1226). EDN [SWVYVB](#).
28. Пузанова Ж. В., Тертышников А. Г. Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 4. С. 12–15. EDN [TKAMQH](#).
29. Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А. Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10, № 2. С. 12–27. DOI [10.19181/vis.2019.29.2.573](https://doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573). EDN [UFIZXB](#).
30. Желизнык М. Н. Опыт использования метода неоконченных предложений в изучении образов «героя» и «антигероя» нашего времени // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 1 (179). С. 257–275. DOI [10.14515/monitoring.2024.1.2460](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460). EDN [TKBIJ](#).
31. Пинчук А. Н., Карпова С. Г., Тихомиров Д. А. Технологии Text Mining в социологическом анализе (на примере изучения представлений студентов о миссии современного вуза) // *Социологическая наука и социальная практика*. 2024. Т. 12, № 1. С. 62–79. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.3). EDN [LOUQJW](#).

Сведения об авторах

А. Н. Пинчук

кандидат социологических наук,

доцент

SPIN-код: [7853-0878](#)

Д. А. Тихомиров

кандидат социологических наук,

доцент

SPIN-код: [3369-3077](#)

Е. В. Вахненко

студент

SPIN-код: [2707-9952](#)

Вклад авторов в подготовку публикации:

А. Н. Пинчук – 70% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, участие в написании всех разделов статьи, расчёт косинусного сходства).

Д. А. Тихомиров – 20% (организация сбора и обработки социологических данных в ходе исследования, осуществление критического анализа и доработка текста статьи).

Е. В. Вахненко – 10% (участие в сборе данных, предварительная обработка текстовых данных).

У авторов нет конфликта интересов для декларации

Статья поступила в редакцию 01.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.9

COSINE SIMILARITY MEASURE TO PROCESS THE UNFINISHED SENTENCES (USING THE EXAMPLE OF STUDYING THE IMAGE OF A PATRIOT)

Antonina Nikolaeva Pinchuk¹

Dmitry Andreevich Tikhomirov²

Egor Vasilyevich Vakhnenko³

^{1, 2, 3} Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,

¹ antonina.pinchuk27@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7842-7141

² dat1983@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-1872-6788

³ egor.vakhnenko@mail.ru

For citation: Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Vakhnenko E. V. Cosine similarity measure to process the unfinished sentences (using the example of studying the image of a patriot). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):178–196. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.9.

Abstract. In the context of the intensive development of natural language processing methods, the question arises about the integration of innovative technologies into the work processes of sociologists. Social scientists often face the need to process text data obtained both as part of their own research projects and on the Internet. Obviously, using available online sources as a database places increased demands on the techniques and procedures for processing a huge corpus of documents, often exceeding several hundred thousand lines. However, it is not beyond the scope of attention to work with the materials of author's sociological research of a much smaller volume, which often require significant labor and time resources if they are processed manually. In this case, the consistency of collective coding and the role of the subjective opinion of experts in the generalization or grouping of data raises questions. The purpose of the article is to show the possibilities and limitations of using the cosine similarity measure to process the results of the unfinished sentences method. The empirical basis of the study was the materials obtained during the study of the image of a patriot in one of the Moscow universities in March 2025. A total of 70 students participated in the study. The article processed responses to a stimulus sentence, which the respondents had to complete in their own words: "A patriot always..." The results of calculating the cosine similarity measure have shown that this metric can be a useful tool in the initial search for statements that are similar in content. In case of doubt and the need to verify their conclusions or solve the problem of consistency of collective coding, the use of a measure of semantic proximity can act as a significant additional quantitative indicator to determine the thematic focus of each respondent's utterance. Thus, using the cosine similarity assessment, it is possible to group the texts that are closest in semantic load, thereby bringing closer to understanding the general structure of the studied image and the thesaurus of the study participants. In conclusion, a conclusion is drawn about the modern requirements for the training of specialists in the social and humanitarian fields,

which raises new methodological questions and opens up discussions about the optimal integration of technological advances in natural language processing into the analytical practices of social scientists and researchers.

Keywords: unfinished sentence method, semantic similarity, cosine similarity, BERT language model, patriot image

Acknowledgments: the research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00549 “Cultural marginality of Russian students: human potential of new generations as a problem and resource for developing patriotism in the main provisions and measures for implementing the state youth policy” (principal investigator: Candidate of Sociology D. A. Tikhomirov).

REFERENCES

1. Byzov A. Text mining in social sciences. *Sociology: 4M=Cociologiya: 4M*. 2019;(49):131–160. (In Russ.).
2. Hampton K. N. Studying the digital: directions and challenges for digital methods. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):167–188. DOI [10.1146/annurev-soc-060116-053505](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053505).
3. Puzanova Zh. V. Loneliness as a subject of empirical analysis. *Sociology: 4M=Cociologiya: 4M*. 2009;(29):132–154. (In Russ.).
4. Zubova O. G. Projective techniques in sociological research: theory and practice. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science=Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2023;29(1):194–218. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-218](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-218).
5. Tatarova G. G. Fundamentals of typological analysis in sociological research. [Osnovy tipologicheskogo analiza v sotsiologicheskikh issledovaniyakh]. Moscow: Vy'sshee Obrazovanie i Nauka; 2007. 236 p. (In Russ.). ISBN 5-94084-047-7.
6. Trotsuk I. V., Subbotina M. V. Core and periphery of the concepts happiness and justice: Unfinished sentences technique as a means of validation. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2022;22(4):782–801. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-782-801](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-782-801).
7. Klimova S. G. Experience of using the sentence completion technique in sociological research [Opy't ispol'zovaniya metodiki neokonchenny'x predlozhenij v sociologicheskom issledovanii]. *Sociology: 4M=Cociologiya: 4M*. 1995;(5-6):49–64. (In Russ.).
8. Olshansky V. B. The formation of the sentence completion method in the Soviet Union of the 70s. [Stanovlenie metoda neokonchenny'x predlozhenij v Sovetskom Soyuze 70-x gg.]. *Sociology: 4M=Cociologiya: 4M*. 1997;(9):82–97. (In Russ.).
9. Tatarova G. G., Burlov A. V. The method of unfinished sentences in the study of an image (cultured man) [Metod neokonchenny'x predlozhenij v izuchenii obraza («kul'turny'j chelovek»)]. *Sociology: 4M=Cociologiya: 4M*. 1997;(9):5–31. (In Russ.).
10. Tatarova G. G., Burlov A. V. Logical organization of data analysis obtained by the sentence completion method [Logicheskaya organizaciya analiza danny'x, poluchenny'x metodom neokonchenny'x predlozhenij]. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999;(8):123–133. (In Russ.).
11. Burlov A. V. The sentence completion method in sociology: strategy of use and logic of data analysis. [Metod neokonchennykh predlozhenij v sotsiologii: strategii ispol'zovaniya i logika analiza dannykh]. Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow: Institut sociologii RAN; 2001. 179 p. (In Russ.).

12. Tikhomirov D. A., Novitskaya K. V. Moscow youth's representations of gender roles and characteristics of a modern woman. *Horizons of humanitarian knowledge Gorizonty' gumanitarnogo znaniya*. 2018;(3):90–102. (In Russ.). DOI [10.17805/ggz.2018.3.6](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.3.6).
13. Sikevich Z. V., Fedorova A. A. We are Russians (associative ethnic images of young St. Petersburg residents). *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;(3):40–56. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.3.6688](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6688).
14. Subbotina M. V. Application of the method of incomplete sentences in the study of concepts with complex connotations: conceptualization of the concepts of «heroism» and «justice». *Society: sociology, psychology, pedagogics=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2021;(5):88–96. (In Russ.). DOI [10.24158/sp.2021.5.15](https://doi.org/10.24158/sp.2021.5.15).
15. Bubnov A. Yu., Savelieva M. A. Memory of the Great Patriotic War (World War II): comparative analysis of the views of Russian and Belarusian youth. *Science. Society. Defense=Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2021;9(2):13. (In Russ.). DOI [10.24412/2311-1763-2021-2-13-13](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-2-13-13).
16. Savenkova A. S., Subbotina M. V. Possibilities of the unfinished sentences technique in the study of cancel culture. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2024;24(3):660–683. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683).
17. Tatarova G. G., Chirkova A. V. Health behavior of young people: formation of typological attributes using the sentence completion method. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):25–61. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.2).
18. Sikevich Z. V. The experience of applying the procedure of “unfinished sentences” to sociological research. *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2019;12(4):317–328. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2019.402](https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.402).
19. Andrievskaya N. K. Hybrid intelligent measure of semantic similarity evaluation. *Problems of Artificial Intelligence=Problemy' iskusstvennogo intellekta*. 2021;1(20):4–17. (In Russ.).
20. Kryukov K. V., Pankova L. A., Pronina V. A. [et al.] Measures of semantic proximity in ontology. *Control Sciences=Problemy Upravleniya*. 2010;(5):2–14. (In Russ.).
21. Bermudez S. J. G. Method for measuring the semantic-similarity of textual documents. *Scientific, technical and practical journal=Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*. 2017;(3):17–29. (In Russ.). DOI [10.23683/2311-3103-2017-3-17-29](https://doi.org/10.23683/2311-3103-2017-3-17-29).
22. Belova K. M., Sudakov V. A. Effectiveness of methods for assessing the text relevance. *Preprints of the IPM named after M. V. Keldysh=Preprinty' IPM im. M. V. Keldy'sha*. 2020;(68):1–16. (In Russ.). DOI [10.20948/prepr-2020-68](https://doi.org/10.20948/prepr-2020-68).
23. Russell M. A., Klassen M. Mining the social web: data mining Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram, GitHub, and More. Saint-Petersburg: Piter; 2020. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1246-3.
24. Sarika K., Vijay Kumar A., Vijay R. Beyond text: exploring multimodal BERT models. *Journal of Computer Science Applications and Information Technology*. 2025;(10):1–6. DOI [10.15226/2474-9257/10/1/00164](https://doi.org/10.15226/2474-9257/10/1/00164).
25. Gardazi N. M., Daud A., Malik M. K. [et al.] BERT applications in natural language processing: a review. *Artif Intell Rev*. 2025;58(166). DOI [10.1007/s10462-025-11162-5](https://doi.org/10.1007/s10462-025-11162-5).
26. Mutinda F. W., Yada S, Wakamiya S, Aramaki E. Semantic textual similarity in Japanese clinical domain texts using BERT. *Methods of Information in Medicine*. 2021;60(S01):e56–64. DOI [10.1055/s-0041-1731390](https://doi.org/10.1055/s-0041-1731390).
27. Syaifudin M. F., Adiatmaja G., Hidayaturrohmah B. Calculation of similarity between MUI fatwas: a comparison of text extraction features and string matching algorithms. *Halal Research Journal (HRJ)*. 2025;5(1):1–13. DOI [10.12962/j22759970.v5i1.1226](https://doi.org/10.12962/j22759970.v5i1.1226).

28. Puzanova Zh. V., Tertyshnikova A. G. The method of incomplete sentences in the study of social representations (the case of the terrorists' image). *Theory and Practice of Social Development=Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015;(4):12–15. (In Russ.).
29. Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A. The image of a corrupt official as perceived by Russia's youth: using the unfinished sentences method. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(2):12–27. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.29.2.573](https://doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573).
30. Zheliznyk M. N. Using the method of unfinished sentences in studying the images of the "hero" and "anti-hero" of our time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2024;(1):257–275. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2024.1.2460](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460).
31. Pinchuk A. N., Karepova S. G., Tikhomirov D. A. Text mining technologies in sociological analysis (using the example of studying students' ideas about the mission of a modern university. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):62–79. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.3).

Information about the Authors

A. N. Pinchuk

Candidate of Sociology,
Associate Professor,
ResearcherID: [J-8648-2018](https://orcid.org/0009-0001-8648-2018)
Scopus AuthorID: [57207845663](https://orcid.org/0009-0001-8648-2018)

D. A. Tikhomirov

Candidate of Sociology,
Associate Professor,
ResearcherID: [AAS-4884-2021](https://orcid.org/0009-0001-4884-2021)
Scopus AuthorID: [57210471226](https://orcid.org/0009-0001-4884-2021)

E. V. Vakhnenko

Student

Contribution of the authors:

- A. N. Pinchuk – 70% (preparation of the general theoretical and methodological basis of the study, participation in writing all sections of the article, calculation of cosine similarity).
D. A. Tikhomirov – 20% (organization of collection and processing of sociological data during the study, critical analyzing and final editing).
E. V. Vakhnenko – 10% (participation in data collection, preliminary data processing).
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 25.07.2025.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, белый список, уровень 1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2025. Том 13, № 3. Дата выхода в свет 29.09.2025.

 № 3, 2025
том 13

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>